

КРИМИНАЛЬНЫЕ КОРОЛИ НЬЮ-ЙОРКА

1

Кробо
и
Рхабучина

* [VK.COM/KN_BOOKS](https://vk.com/KN_BOOKS) *

СКАЙЛА МАДИ

Джай Стоун...

Впервые я встретила его в тени. Высокий и широкоплечий, мужчина шел по опасной дороге ярости и мести, ведущей к верной смерти. Чем больше времени мы проводили вместе, тем больше я узнавала о нем.

Захватывающий...

Очаровательный...

По-своему свирепый...

Я не имела права следовать за Джаем до заброшенных складов, но сделала это. И этой глупой ошибки оказалось достаточно, чтобы вырвать меня из мира моей полу-нормальной жизни и с головой окунуть в суровое преступное подполье, где Стоун оказался моим единственным союзником.

Над землей я — студентка-медсестра, мучительно волокущая свою убогую жизнь, но здесь, внизу, где у мужчин на лицах татуировки и где убивают без угрызений совести, я — самозванка, живущая на позаимствованное время...

...и не такое большое.

КРОВЬ И РЖАВЧИНА

Автор: Скайла Мади

Жанр: Современный любовный роман

Рейтинг: 18+

Серия: Криминальные короли Нью-Йорка #1 (про одних героев)

Номер в серии: 1

Главы: 16 глав+БОНУСЫ

Переводчик: Nikki Fenty

Редактор: Натали И.

Вычитка и оформление: Татьяна Ш., Таня П.

Обложка: Таня П.

Глава 1

Первая ошибка

ПРОИЗНОШЕНИЕ ИМЕНИ ДЖАЙ:

Jai = Джай

Оно рифмуется со словом пирог, на английском pie (пай).

Mmm, pai (Ммм, пай) = Mmm, Jai (Ммм, Джай)

Освещение в вагоне мигает, когда мы проезжаем очередной тоннель. Я отвожу свой взгляд от электронной книги по этикету сестринского дела и оглядываю поезд. Я и не заметила, как много людей сошли с поезда с тех пор как я вошла. Полный вагон стал пустым, остались только я, храпящая старушка и широкоплечий парень в капюшоне, сидящий ко мне спиной. Думаю, мы все из одной части города. Бедные убудки... и я имею в виду прямой смысл этих слов. Мы давным-давно проехали как верхнюю, так и среднюю часть Нью-Йорка. Здесь никто не знает слова роскошь.

Когда мы выезжаем из тоннеля, освещение надо мной стабилизируется, и я позволяю взгляду блуждать за окном. Масса цветов и очертаний размывают предыдущие. Мне всегда нравились граффити, или, по крайней мере, я довольно хорошо к ним отношусь. Ничто не украсит ваш день так, как хорошая живопись в виде животного в толстовке с капюшоном, говорящая правительству трахнуть себя. Приятно видеть постоянные оттенки серого, черного и белого, разбавленные бунтарскими цветами. Даже когда темно, как сейчас в час ночи, приятно иметь что-то выделяющееся и чувственное, никогда не исчезающее в темноте.

Возвращаю свое внимание обратно к книге и продолжаю читать. Я пытаюсь быть заинтересованной, хотя потеряла место, где остановилась. Я недолго была студенткой-медиком. Для себя я знала достаточно, чтобы уметь наложить повязку на рану и сделать укол, но это несколько иное. Я провожу большую часть своего времени, наблюдая за другими медсестрами, узнавая все с помощью них, при этом, не застреваю с головой в медицинской литературе. Никогда не была хороша в чтении. Не всегда все запоминается, и, по этой причине, теперь каждую минуту своей жизни я провожу за пределами больницы, готовясь к экзамену, который будет через три недели. Я выбрала карьеру медсестры не только ради оказания помощи людям, но и для острых ощущений, о которых ты и не догадываешься, и которые приходят с каждым вторым пациентом. Я жажду интриги и неизвестности. Я живу порывами волнения и возбуждения, которые приходят совершенно неожиданно.

Странно, от этой мысли мою кожу покалывает, словно ей известно что-то, чего не знаю я, и возбуждение расползается по позвоночнику. Я дрожу и наслаждаюсь этими ощущениями, пока внезапный приступ возбуждения не рассеивается, и я снова ничего не чувствую.

Трескучий голос гремит из динамиков, объявляя мою остановку, но мне не нужно напоминать, где я живу. Я и так это знаю. Не смогу забыть, даже если захочу.

Я тянусь к большой коричневый сумке, лежащей около моих ног, и дергаю за ремень, вешая ее через шею и поправляя на груди. Она тяжелая, и мой позвоночник жалуется на ее вес. Игнорируя это, я вожусь с планшетом, закрывая крышку перед прибытием поезда на

платформу. Когда тормоза начинают визжать и звук замедляющихся колес становится более громким, двигаюсь с места на выход. Я держу глаза опущенными, мысленно поставив галочку в моем контрольном списке, чтобы убедиться в том, что ничего не забыла. Я берусь за поручень и терпеливо жду, когда звук тормозов поезда пронесется эхом под вагонами. Вибрация проходит по ногам сквозь мою обувь и слегка покалывает, словно миллион маленьких паучков, когда металл отчаянно трется о металл в попытке заставить поезд остановиться. В конце концов, поезд замедляется и, наконец, останавливается. Я чувствую, как громадное тело задевает меня, но не поднимаю глаза. Живя в этой части города, я научилась держать при себе даже что-то такое простое, как взгляд в неправильном направлении, который может привести к неприятностям. И беда в том, что это последнее, что мне нужно в это позднее время.

Два гудка раздаются по вагону, и женский голос благодарит нас, напоминая нам смотреть под ноги. Я задерживаюсь на несколько секунд, прежде чем двери начинают со скрежетом открываться. До того как они полностью открываются, двигаюсь вперед, как и незнакомец рядом со мной. Что, черт возьми, случилось с элементарной вежливостью? Леди затем джентльмены?

Взвизгнув, отскакиваю от огромного парня к краю дверей. Двери вздрагивают от столкновения со мной, и я проклиная планшет, который выскользывает из моей левой руки и падает на грязный бетонный пол вместе с моим желудком. Споткнувшись, я пытаюсь восстановить равновесие, и мне это удается, но экран планшета разбит. Не подлежит восстановлению. И у меня нет проклятых денег, чтобы исправить это.

Я смотрю на широкоплечего парня в черной толстовке. Он продолжает идти с опущенной головой и небрежно закидывает рюкзак на широкие плечи.

— Эй! — кричу ему вслед, но он не оборачивается.

Я поднимаю планшет и прижимаю его к груди. Смотрю на восток, в направлении своего дома, но грубый незнакомец двигается на запад. Здравый смысл подсказывает забыть об этом и не преследовать огромного незнакомца в темноте, но мой пустой, изъеденный молью бумажник на мели. Голод и тяжелая работа побеждают гордость. Нет никакого способа дать шанс здравому смыслу. Глупо рисковать своей жизнью ради денег, но в темные времена они единственное, что удерживает меня от того, чтобы не сброситься с Бруклинского моста.

Двери поезда позади меня закрываются, и я слышу, как он спускает тормоза. Несмотря на свое внутренне чутье, двигаюсь в направлении незнакомца, оставляя здравомыслие и пустой поезд позади себя.

Кровь.

Ненавижу ее вкус. Тем не менее, позволяю металлическому резкому привкусу сочиться по моим вкусовым рецепторам. Новый приступ страха вспышкой проносится по нервам, и я прикусываю нижнюю губу, чтобы мое тело перестало дрожать. Я следую за парнем в капюшоне по темной аллее бывшего промышленного района. Склады и мусор брошенных машин заполняют пространство, забытое развивающимся миром. Я сжимаю губы, опасаясь

издать резкий испуганный звук и пробудить что-то, что прячется в углах. В данный момент высокий парень, разбивший мой планшет — не самое мое большое беспокойство. Однако, пауки и столбняк... от этого меня бросает в дрожь.

Я звала незнакомца сотни раз, но он не реагировал. Думала, что он игнорирует меня, до тех пор, пока он не сорвал наушники от iPod, скрытые капюшоном, быстро огляделся по сторонам и надел их обратно.

Он меня не слышал.

Великолепно.

Тяжелые серые облака закрывают луну, и холодные нити сожаления скользят по моей спине, когда я следую за ним дальше по тусклому промышленному пустырю. Высокие стальные и искореженные склады возвышаются над нами, но незнакомец не обращает на них внимания. Кажется, ему комфортно здесь, гораздо более комфортно, чем мне. Опять же, если бы я была человеком с его габаритами, то тоже мало кого бы боялась. Когда я смотрю на него, на ум приходит большое количество слов, но он, определенно, не является жертвой.

Он выглядит безобидным, учитывая, что он собирался на случайную полночную прогулку, но его широкие плечи отражают целеустремленность и решимость. Его дорогие белые кроссовки едва издают какой-либо звук. В то время как я не делаю никаких попыток смягчить свои шаги. Под моими изношенными черными кроссовками крошатся небольшие кусочки металла и стекла.

— Эй! — я пытаюсь еще раз. В этот раз мой голос звучит менее уверенно и не так ясно.

Слева от меня что-то падает, и мое сердце подскакивает к горлу. Затаив дыхание, я прижимаю свой планшет ближе к груди и тяжело дышу, когда незнакомец останавливается и поворачивается налево. Я задерживаю дыхание, когда он испуганно оборачивается. Потом он замечает меня и хмурит брови, создавая под ними тени.

Он опасен.

Это очевидно.

Он медленно тянется к шнуру от наушников, и одним резким рывком выдергивает их. Когда все его внимание сосредотачивается на мне, я сразу замечаю, что свет, исходящий от здания, не будет мне помощником. И если бы мне пришлось опознавать этого человека в полицейском участке, я понятия не имею, как бы это сделала. Тени не дают мне разглядеть его лицо.

Я прочищаю горло в попытке показать хоть какую-то уверенность.

— Ты сломал мой...

Он резко делает шаг вперед, и я взвизгиваю, роняя планшет. Большими тяжелыми руками незнакомец хватается меня за плечи и толкает вбок. Я спотыкаюсь и закрываю глаза. Жду удара об металлический склад сбоку от себя, но вместо этого он снова удерживает меня, его пальцы сильно впиваются в мою руку. Он ударяет меня о стену склада, и я стискиваю зубы, держа глаза плотно закрытыми. Мой позвоночник болит из-за жесткого металла, и все, что я слышу — это неустанный стук сердца в ушах. Помимо этого, думаю, что слышу свой разум, называющий меня идиоткой.

— Ты сумасшедшая? — выплевывает он.

Мои губы раскрываются, и я шиплю, открывая глаза. Вижу каждую темную черту лица, изогнутую в гневе. Его полные губы напряжены над стиснутыми зубами, ноздри раздуты. Я, по-прежнему застывшая в страхе, парализована мужчиной, который прижал меня к стене. Я не знаю этого парня. Не знаю его побуждений или намерений. Одно неверное слово или

движение, и моя жизнь может закончиться. Его взгляд, который неразличим в этом освещении, проходится по моему лицу. Он пробегает глазами по моей груди, и я вижу, с какой гиперскоростью она поднимается и опадает. Никогда в своей жизни я не была так напугана.

Как и большинство людей, я не люблю свою жизнь. Прежде я хотела миллион раз оторваться от земли, но в данный момент, я никогда так не ценила жизнь, как в эту минуту; это ужасно. Голова теперь не занята сломанным планшетом. Он не стоит моей жизни, и я забуду об этом, даже оставлю его сломанным, если это означает, что я вернусь сегодня в свою квартиру.

Осознав мое испуганное состояние, парень осторожно пятится назад с поднятыми руками, и я издаю осторожный выдох, не обращая внимания на дрожь, сотрясающую меня. Спустя короткую вечность он выгибает бровь, и я понимаю, что он хочет услышать мои объяснения. Я с трудом сглатываю и понимаю, что горло болезненно сухое.

— Ты сломал мой планшет, — хриплю я.

— Господи Иисусе, — фыркает он, опуская голову и открывая короткие, черные как смоль волосы.

Даже без его удерживания я по-прежнему прикована к металлической стене с колотящимся в горле сердцем. Я могу сбежать, но как далеко смогу убежать? Парень быстрее, намного быстрее меня, а я никогда не была бегуньей. Он проводит пальцами по своим волосам, слегка их потянув.

— Тебе нужно убираться отсюда.

Я хмурюсь. Как так?

— Ты позволишь мне уйти?

Он наклоняет голову, позволяя тени поглотить лицо. Выражение его лица невозможно понять.

— У меня нет причин удерживать тебя. Если ты умная, то будешь бежать так быстро, как только сможешь.

Он не хочет делать мне больно, и странная мысль наполняет меня уверенностью. Или, может быть, отчаянием. Я не смогу учиться без планшета. Если я не буду учиться, у меня ничего не получится, и если я потерплю неудачу, то не смогу иметь то, что у меня есть сейчас.

— Я никуда не уйду, пока ты не заменишь мой планшет.

В моем голосе нет уверенности, но, по крайней мере, есть смелость, чтобы произнести это. Я не могу видеть его лицо, но уверена, что он улыбается.

— Я сломал планшет?

Я киваю, сжимая пальцами ремень своей сумки и нервно скручивая его.

— В поезде. Ты протиснулся мимо меня, выходя из дверей, и я уронила его.

Он скрещивает свои сильные и рельефные руки на груди.

— И ты преследовала меня до заброшенных складов? Для чего?

Я отталкиваюсь от стены.

— Сказать...

— Заставить меня заменить то, что я, якобы, сломал?

Кивнув, я сердито вздыхаю. Мне необходимо его заменить. Без него мне придется идти всю дорогу, занимающую час или два, в библиотеку после смены, а это нереально для меня. Конечно, никаким образом я не смогу заставить его заменить то, что сломано, но надеюсь,

что Вселенная даст мне передышку. Только в этот раз. Мне это нужно.

Но в ответ снова тишина. Интересно, что он видит. Маленькую отчаянную медсестру, которая не может позволить себе даже удобную пару обуви? Или лгунью? Для него я могу быть чокнутой девушкой, которая ищет милостыню.

— Тебе нужны легкие деньги? — спрашивает он, и его голос серьезен.

— Что? — выплевываю я, выступая вперед. — Нет. Я медсестра.

— Если ты можешь достать наркотики бесплатно, тогда что ты хочешь от меня?

— Мне не нужны наркотики. Я... — я делаю паузу и раздраженно вздыхаю. — Все, что я хочу от тебя, это чтобы ты заменил то, что сломал. Так что просто сделай это, и я уйду с твоего пути.

— Что, черт побери, ты хочешь от меня? — резко говорит он, показывая вокруг себя. — Видишь ли ты какие-нибудь магазины электроники вокруг? Да еще и работающие в это время? — он подходит ближе. — Смотри, леди, у меня здесь дела. Ты должна убраться отсюда, пока...

Его прерывает громкий лязг, который, кажется, вибрирует внутри склада. Этот шум заставляет дрожать, и я уверена, что его слышно на многие километры.

— Что это? — спрашиваю я, медленно подходя ближе к нему.

Все его тело жесткое и напряженное, но в этот момент я нахожу больше комфорта с огромным незнакомцем, чем рядом со складом.

Незнакомец прочищает горло.

— Это твоя самая большая ошибка.

Глава 2

Склад

Теплой рукой незнакомец берет меня за локоть и тянет за собой. Если раньше мое сердце просто билось, то теперь оно неустанно колотится, разгоняя кровь быстрее, чем мое тело может осилить. Я позволяю его большому телу оградить меня от бесконечного лязганья и проклятий, доносящихся из-за огромной двери. Я молюсь, чтобы большой парень, за которым последовала в этот район, разберется со всем, что выйдет через эти двери.

— Беги, — требует он суровым шепотом через плечо. — Сейчас.

Ему не нужно говорить дважды. Я отскакиваю от него и сразу же сканирую землю в поисках планшета. Может быть, его ремонт будет стоить меньше, чем стоимость нового. К счастью, я обнаруживаю его в метре справа от себя и прыгаю к нему. Низко склоняюсь и сгребая его руками, не утруждаясь стряхнуть пыль и грязь.

Но уже слишком поздно.

Все, что он хотел, это чтобы я убежала, но яркий свет настигает меня. Прищурившись, я поднимаю руку, чтобы прикрыть глаза, но это не помогает. Ничего не вижу. В конце концов, прожектор опускается, вместо меня освещая внутреннюю часть пустого склада. Мужчина, стоящий за прожектором, не похож ни на кого виденного мною ранее. Он огромен и все его лицо в шрамах... Ой.

Мой полный ужаса взгляд раздражает мужчину, поэтому я перевожу его на потрепанную серую борцовку, которой каким-то образом удастся прикрывать большую часть его груди. Тем не менее, я не могу удержать свои мысли и думаю о том, каким образом он получил шрамы. То, что случилось с его лицом, должно быть, было очень больно. Я снова переключаю внимание на шрамы. Его как будто раз пятьдесят ударили кнутом.

— Не ожидал увидеть вас двоих, Стоун, — говорит он хриплым и низким голосом.

Нас двоих? Он думает, что мы здесь вместе? Черт, нет. Я не с ним.

— Ох, — я делаю шаг вперед, и незнакомец, Стоун, дергается в моем направлении, предупреждая своими глубокими цвета океана глазами.

Вау.

В темноте я не видела его лица, но сейчас, при свете, видно все его черты, не оставляя никаких шансов тени скрыть их.

Если бы я увидела его лицо раньше, мне не было бы так страшно. Испугалась бы, может быть, но не боялась. Он оказался самым привлекательным парнем: мужественный подбородок, покрытый небольшой щетиной, розовые полные губы и, судя по всему, все его зубы на месте.

Прочистив горло, я оглядываюсь на другого мужчину.

— Я не с н...

— Мы вместе, — резко говорит Стоун, засовывая руку в карман мешковатых черных шорт. — Это для Черепа, — он извлекает из кармана две толстые пачки денег, и я задыхаюсь. — Если у тебя есть проблемы с моими деньгами, обсуди это с ним.

Мужчина со своего места, как и я, смотрит на деньги Стоуна. Никогда не видела так много «зелени». В каждой пачке как минимум десять тысяч.

Мужчина, которого я бесчувственно решила называть «Лицо со шрамом», ухмыляется,

показывая блестящие жемчужные зубы. Что удивительно, учитывая его внешний вид.

— Никаких проблем.

Он делает шаг вперед, протягивая руки, и Стоун кидает ему крупные пачки денег. «Лицо со шрамом» взвешивает их в руках, прежде чем, наконец, убрать в карман. Затем его темный взгляд резко падает на меня. Я почти вздрагиваю. Когда я смотрю на его изуродованное лицо, мое собственное начинает болеть. Он осматривает меня с головы до ног, и его, кажется, забавляет моя фиолетовая форма. Обычно я снимаю ее после смены, но сегодня решила оставить, рискуя принести микробы в свою квартиру. Обычно к концу смены я вижу все бактерии и чужие следы на форме, несомненно, как и на каждой поверхности у себя в квартире. Их сдают в аренду бесплатно, как и эту форму.

— Ты уверен, что твоя девчонка сможет постоять за себя там, внизу? — спрашивает «Лицо со шрамом», останавливая взгляд на моей груди.

Свинья.

Я смотрю на Стоуна. Где внизу? Куда мы идем и почему он должен платить так много денег, чтобы туда попасть?

Стоун прищуривается.

— О ней не беспокойся. Она злее, чем выглядит.

Его голубые глаза встречаются с моими, и я вижу его насквозь. Вижу сочувствие и разочарование.

— Хорошо, — вздыхает «Лицо со шрамом», отступая в сторону. — Проходите.

Стоун протягивает руку, хватая меня за локоть и мой планшет снова падает, разлетаясь на осколки. Я морщусь от боли, когда Стоун впивается в меня кончиками пальцев и тащит к дверям склада. Борясь с ним, я неохотно бросаю взгляд через плечо. Теперь нет никакого планшета... как и экзамена.

Стоун тащит меня внутрь, и мое внимание возвращается к комнате. Высокий потолок, достаточно высокий, чтобы вместить реактивный лайнер, и дерьмовые пластиковые окна, из которых ничего не видно. Здесь пахнет кровью и дохлыми животными, так же как и снаружи, но более заметно. Прямо в середине комнаты вижу две открытые стальные двери, и могу разглядеть первые ступени, ведущие в темноту. Куда они ведут? Что мы увидим в конце этой лестницы и почему Стоун заплатил столько денег, чтобы попасть сюда? От этих мыслей я дрожу.

— Пожалуйста, скажи, что мы не собираемся идти туда? — шепчу я, вырываясь из его хватки.

— Именно туда мы и идем.

Я упираюсь пятками, отчаянно пытаюсь вырвать свою руку из его хватки.

— Отпусти меня! — шиплю я себе под нос, сжав челюсти, когда он усиливает захват.

Страх и отчаяние переплетаются толстыми нитями и скручивают мой желудок. Я в секунде от рвоты или обморока. Лучше обморок. Болезненный, смутный обморок. Свободной рукой бью его, но ему, кажется, все равно. Я разыгрываю эту сцену в надежде, что «Лицо со шрамом» вмешается и позволит мне уйти. Сможет ли он сказать, что мне не надо здесь находиться? Я слышу, как «Лицо со шрамом» смеется, и теперь эта мысль кажется глупой. Почему ему все равно? Я начинаю яростно хлестать Стоуна по щекам, борясь изо всех сил. Пряди моих черных волос выпадают из хвоста и прилипают к липкому лбу.

— Пощечины? Серьезно? — шипит Стоун, сдерживая мою руку. — Пожалуйста, скажи

мне, что это не все, что ты можешь сделать?

Что, черт возьми, это значит?

— Отпусти меня! У меня много знакомых! Они придут за мной!

Это ложь, конечно, но я отказываюсь сталкиваться с реальностью в данной ситуации. Реальность такова — если я умру здесь, то кто об этом узнает? Кто найдет меня? У меня нет родителей, нет братьев, сестер и друзей. Память обо мне исчезнет, и не будет иметь никакого значения для того, кто, проводя экзамен, маркером отметит поле «не явился» рядом с моим именем через две недели, за исключением медсестры, которая будет, без сомнения, освобождена от присмотра за детьми вместо меня в следующую смену.

Я смагиваю слезы, которые жгут глаза.

— Заткнись, — приказывает он, угрожающе понизив голос. — Из-за тебя нас двоих убьют.

— Есть проблемы, Стоун?

Все тело Стоуна напрягается, когда «Лицо со шрамом» задает вопрос. Не говоря ни слова, он низко приседает, и я пишу, когда он обхватывает мои ноги и забрасывает меня себе на плечо.

— Никаких проблем. Просто она поняла, что не упаковала свою новую пару туфель от Джимми Чу, вот и все. *(Примеч. Джимми Чу (англ. Jimmy Choo) — дизайнер, выпускающий свою собственную линию обуви).*

— Нет! — ору я, стуча кулаками по его спине. Это наглая ложь. Я ни за что не забыла бы взять с собой туфли Джимми Чу. Кроме того, не похоже, что я могу себе позволить бренд такого калибра. — Пожалуйста!

Он игнорирует меня, пока я извиваюсь на его плече. Никакого прогресса. Хватка Стоуна крепка, и он слишком силен, чтобы с ним бороться. В такой ситуации я мышонок в ловушке под ногой слона... мне не сбежать. Победенная, я резко расслабляюсь, обвисая на его плече, и рыдаю. Будет ли кто-нибудь скучать по мне? Будет ли мое лицо напечатано на картонной коробке из-под молока или на рекламном щите? Или я буду просто номером в файле, запароленном и запертым в полиции?

Я закрываю глаза, когда мы спускаемся по лестнице. Когда мы достигаем конца, Стоун несет меня несколько метров и опускает на землю. Когда мой второй кроссовок касается пола, я спрыгиваю. Затем мой кулак встречается с его челюстью, и его голова с силой откидывается в сторону. Черт! Я шиплю и сжимаю кулак, который пронзает боль, и словно в игре дартс, мое запястье отдает покалыванием в локте. В панике бросаюсь к лестнице, но он ловит ремень моей сумки и дергает назад. Я борюсь с ним, как собака на поводке, у которой ничего не получается. Он ругается себе под нос, и мой желудок проваливается в пятки. Я чувствую, как ремень сумки впивается в мое тело и трещит. За долю секунды до падения огромные руки хватают меня за плечи и толкают назад. Он припечатывает меня к стене, и я начинаю плакать, когда затылок ударяется об трубу. Головная боль пульсирует в голове.

— Послушай...

Я открываю рот, чтобы возразить, но он зажимает его рукой. Соленый вкус его кожи распространяется по моим губам к кончику языка. Слезы, что жалили мои глаза ранее, теперь льются рекой, и мои щеки становятся мокрыми. Я умру.

— Послушай, — говорит он. — Ты не можешь этого избежать. Ты хочешь уйти? Чертовски жаль. Ты сама заварила эту кашу, и теперь сама должна выбраться отсюда.

Воздух вырывается через нос, грудь вздымается. Тошнота создает ужасные позывы внизу

живота, и все мое тело дрожит. Никогда не чувствовала такого страха, как сейчас. Это изнуряет.

— Последнее, что тебе нужно — это привлечь к себе внимание. Ты должна бороться, чтобы выжить. Если не будешь — они перережут тебе глотку и бросят в канализацию. К тому времени тебя смоет куда-нибудь, и твое тело будет слишком изуродовано, чтобы его можно было опознать. Ты понимаешь?

Несмотря на свои бешеные мысли, я впитываю его слова, но все-таки не реагирую на них.

— Почему я не могу уйти? — Стоун ждет несколько секунд и убирает руку. — Я никому не скажу, — прошу я, мой голос дрожит, как и руки. — Я просто хочу уйти домой.

Сочувствие смягчает его жесткие глаза цвета океана, и я уже знаю, что он собирается сказать. Язык его тела все говорит за него.

— Ты не можешь уйти домой.

Глава 3

Долг

Я не могу...

Я не могу вернуться домой...

От этой мысли у меня перехватывает дыхание.

Пульс ускоряется, живот сжимает спазмом и появляется ужасное отчаянное желание блевать. Потом меня осеняет — телефон. Я могу позвонить в полицию. Из заднего кармана я достаю телефон. Когда я вытаскиваю его и снимаю блокировку экрана, маленькие антенны в правом углу экрана исчезают, сменяясь значком «нет сигнала». Мое сердце уходит в пятки.

— Здесь нет сигнала. Можешь от него избавиться.

Здесь нет сигнала...

Слезы текут по щекам. В гневе я резко смахиваю их и швыряю свою сумку в сторону, игнорируя самодовольное выражение Стоуна. Я не плакса. В последний раз я прослезилась, когда мне было семь лет. Была зима, и я ждала снаружи детского дома. Я помню, словно это было вчера. Я стояла там, нервно сжимая ремень рюкзака холодными голыми руками. Мои новые родители должны были забрать меня после обеда, но они не появились. Я ждала, дрожа в розовых резиновых сапогах, что меня придут и заберут куда-нибудь, но они этого не сделали, и я плакала, пока снежинки падали на плечи моей голубой толстовки. Я не знаю, что с ними произошло. Мне никто ничего не объяснил, я же ребенок. Успокоившись после неудержимых дней плача, я пообещала себе, что не буду реветь по тому, чего не могу изменить. Это же происходит и сейчас, я не могу изменить то, что происходит, но слезы не останавливаются, и я чувствую себя ничтожной, как и в тот день.

— Почему? — спрашиваю я, не заботясь, что кажусь отчаянной и напуганной. — Почему я не могу уйти? Я же сказала, что никому не скажу.

— Это не сработает, и, Иисус, ты перестанешь реветь? — он цокает языком, расстроено облизывая нижнюю губу. — Ты наткнулась на большой секрет, и из него нет легкого выхода. Я не могу насильно заставить тебя остаться, даже не буду пытаться, но если хочешь жить, то ты будешь зализывать свои раны, Котенок, и сдерживать свои чертовы слезы.

Сядь рядом с ним, я рукой вытираю нос, убирая слезы, текущие из ноздрей, не из глаз.

— Если не хочешь этого делать и хочешь уйти прямо сейчас, — он указывает длинным пальцем на лестницу, по которой нес меня сюда, — ты можешь подняться обратно, и пусть Стив узнает, что ты передумала.

Стив? «Лицо со шрамом» зовут Стив? Я не вижу смысла ждать. Все равно, даже если у него есть имя, я и на дюйм не сдвинусь в сторону лестницы, независимо от того, как отчаянно этого хочу.

— Что будет потом? Если я решу уйти?

Стоун пожимает широкими плечами.

— Стив может быть нормальным парнем. Я уверен, что он сделает твою смерть быстрой и безболезненной.

Он отворачивается от меня, уходя прочь от лестницы в темноту. Я тянусь за ним, поймав мягкую ткань толстовки, сжимаю ее между пальцами, прежде чем он сможет

ускользнуть.

— Погоди. Мою смерть? Он убьет меня?

Бросив взгляд через плечо, Стоун кивает.

— Теперь ты знаешь об этом месте. И теперь ты не можешь избежать этого и не можешь говорить об этом, — его глаза темнеют, и я отпускаю его толстовку. — У тебя нет выбора. Борись, либо умри. Возможно, в следующий раз ты дважды подумаешь, прежде чем преследовать незнакомца из метро посреди ночи.

Бороться? Я не могу бороться. Я едва могу поднять ящик с медикаментами, не ворча при этом. Со мной никто не будет бороться. Я погублю себя. Не так представляла я себе все это. Честно говоря, я не знаю, чего ожидала. Я была сосредоточена только на деньгах, и мало беспокоилась о своей безопасности.

— Я просто хотела, чтобы ты исправил то, что разбил...

— Да, ну, кажется, сейчас не стоит об этом беспокоиться, не так ли?

Опустив подбородок, я качаю головой. Оно вообще не стоит того.

— И, кстати, ты должна мне десять штук за вход.

Мои брови в замешательстве взлетают вверх. Десять-долбанных-штук!

— За что? Чтобы угробить мою жизнь?

Стоун жестами показывает вокруг себя.

— Это не дешево, попасть в подобное место. Спасение твоей жизни обошлось мне в десять тысяч долларов.

Разочарование распространяется в груди. Я удивляюсь, как оно быстро заменяет панику и страх. Я не хочу этого. Нет другого пути, мне нужно отдать ему десять тысяч долларов за свою ловушку в этом подпольном месте. Давайте не будем говорить, что я должна бороться за выход. Кроме того, я потеряю свою работу и квартиру. Он разрушил мою жизнь.

— Ты ждешь, что я вытащу такие деньги из своей задницы? Я последовала за тобой из метро в час ночи, чтобы обменять планшет, потому что не могу себе это позволить. Всего нужно сто долларов, чтобы отремонтировать треснувший экран, и, если я не могу себе этого позволить, то, как ты думаешь, могу ли я позволить себе десять тысяч долларов?

— Здесь, внизу, у тебя есть возможность выиграть нелегально восемьдесят тысяч.

Нелегально восемьдесят штук? Стоун наклоняется, и земляной пьянящий аромат одеколona не единственный, который я чувствую. Не замечала этого раньше, но теперь это даже сверх-мощно-возбуждающе. Кажется, все эти разговоры о нелегальных деньгах изменили мои приоритеты, вызвав покалывание в бедрах. Мрачно освещенный тоннель, в котором мы стоим, теперь больше не пугает. Вместо этого колесики волнения скользят по позвоночнику. Всего восемьдесят тысяч долларов и я могу утащить свою задницу в Италию, никогда не оглядываясь назад. Я всегда хотела перебраться в Италию, может быть, работать в маленькой деревянной избушке-пиццерии и жить в небольшом каменном домике. Сидя на крыльце, смотреть на огромный виноградник, поедая сыр фета с фаршированными оливками и запивая все это вином. Да, это та жизнь, которую хочу.

— Как? — спрашиваю я, внезапно немного поторопившись и подаваясь вглубь подполья. — Как ты выиграешь восемьдесят тысяч долларов?

Голубые глаза Стоуна вспыхивают, и уголки губ приподнимаются в легкой улыбке.

— Изголодалась по деньгам, Котенок?

Я морщусь, но не собираюсь это отрицать. Если есть шанс, что могу сделать свою жизнь немного легче, то я не собираюсь говорить «нет».

— Я умираю с голоду, и хватит называть меня Котенком. Это не мое имя.

Его небольшая улыбка превращается в волчий оскал, затем он расправляет плечи и исчезает в темном тоннеле. Несколько секунд я жду, что он расскажет мне, как выиграть деньги, но он не делает этого. Вот тогда-то я понимаю, что он не собирается ждать меня, и срываюсь с места. Хватаю свою сумку и прижимаю ближе к груди. Страх появляется мгновенно. Он скручивает живот и грозит переместиться на юг. Я стремительно двигаюсь и слежу за его движениями, держа голову достаточно низко, чтобы не удариться о проходящую сеть труб надо мной. В конце концов, среди запаха плесени и грязи я чувствую запах его одеколona и успокаиваюсь при мысли, что он близко.

— Здесь низкий бетонный косяк. Будь...

Бетонный косяк, о котором он говорил, с глухим стуком встречается с моим лбом. Я низко склоняюсь и тру лоб, стиснув зубы, чтобы облегчить боль.

— Ой, — вскрикиваю я приглушенным шепотом.

— Я сказал тебе, что здесь косяк, — заявляет Стоун, хрипло смеясь. Мудак. — Сильно ударились?

Я касаюсь кончиками пальцев пульсирующего места на лбу.

— Довольно сильно, но, надеюсь, не настолько, чтобы появилась шишка.

У меня хватает проблем со своей внешностью, помимо этой. Мне не нужно яйцо посреди лба, чтобы заставить чувствовать себя еще хуже. Я неплохо выгляжу, не идеальная, просто... обычная. Я никогда не красила волосы и не накладывала макияж. Светло-карие глаза, короткие ресницы, нос слегка заострен. Если бы у меня было больше, чем восемьдесят тысяч долларов, может быть, я исправила бы себе черты лица или акцентировала некоторые из своих сильных сторон. Но пока я буду довольствоваться Италией.

Держась очень низко, я следую за Стоуном через тоннель. В конце концов, после трех пролетов по служебной лестнице в кромешной темноте он приводит нас в широкий, хорошо освещенный тоннель, и первое, что я могу, наконец, сделать — это встать в полный рост. Вдоль бетона, перед малюсенькими щелями и трещинами валяются тараканы размером с мою ладонь. За десять тысяч долларов они могли бы найти что-то получше, чем это местечко — сеть тоннелей под заброшенным складом. По всем пунктам, кроме денег, это интересное место. Не думаю, что когда-либо видела такую большую систему, как эту. Эти тоннели принадлежат построенной под землей водосточной системе, позволяющей тысячам и тысячам тон воды проходить за один раз. Если попадете под этот шторм, вы мертвы.

Держась поближе к Стоуну, следую за ним в другой тоннель. Неподалеку я слышу приглушенные крики и скандирование. Он двигается к ним, и они становятся все громче и громче, и я даже чувствую своими кроссовками вибрации, исходящие от бетонного пола. Биение моего сердца начинает набирать скорость, перекачивая кровь по телу быстрее, чем оно может вместить, и в результате этого моя голова начинает кружиться. Я вытягиваю руки, упираясь ладонями в бетон для равновесия.

— Волнуешься? — спрашивает Стоун, заглядывая через плечо с легкой улыбкой на губах.

Я проглатываю свою тревогу и отмахиваюсь.

— Нет.

Перед ним я замечаю еще одну дверь. Самодельная. Это бессмысленно на самом деле. Двери должны удерживать вещи, находящиеся снаружи и внутри. А эта дверь, изготовленная из трухлявых коряг, недостаточно крепкая, чтобы удержать даже одного гигантского

таракана, не говоря уже о человеке. Думаю, именно поэтому наверху у входа находится укомплектованный головорез.

Краем глаза я замечаю огромного таракана. Я задыхаюсь, когда он пронесется над оранжевым светом и протискивается сквозь щель в двери. Меня передергивает. Я не ненавистник насекомых, на самом деле, я уверена в том, что большинство видов насекомых обитают в моей квартире. Тем не менее, тараканы всегда беспокоили меня.

Стоун замечает мое беспокойство и качает головой.

— Привыкай к ним. Ты будешь делить с ними одно помещение какое-то время.

— Ты так любезен, — выплевываю я.

Своим огромным телом он резко склоняется и возвышается надо мной. Его интенсивные голубые глаза смотрят на меня, и я не могу оторвать взгляда. Он ужасает.

— Я спас твою жизнь.

— Временно. Если ты не заметил, мы находимся в водосточной трубе. Один огромный сброс воды и мы оба мертвы.

Удерживая взгляд на моем лице, он ударяет кулаком по двери.

— Водички испугалась, Котенок? Утопление должно меньше всего беспокоить тебя.

Я поджимаю губы, пока он смотрит на меня сверху. Рядом с нами открывается дверь, но ни один из нас не обращает на это внимания. Никогда не была покорной. Всю свою жизнь мне приходилось бороться за все, что я хотела, и когда получала желаемое, никогда не позволяла ему легко уйти. Это еще не скоро изменится. Я чувствую в нем такой же контроль. Он нуждается в нем, как и я, но я верю, что у меня есть преимущество. Я имею дело с нуждающимися избалованными пациентами изо дня в день. Он не сломает меня.

— Я не боюсь, — бросаю ему вызов, расправляя свои плечи. — И перестань называть меня Котенком. Меня зовут...

Рядом с нами откашливается мужчина, пугая меня. Я перваярываю наш зрительный контакт и смотрю на человека, открывшего дверь. Он кажется вполне нормальным мужчиной среднего роста, худой, без видимых шрамов на лице, и его каштановые волосы подстрижены чуть ниже ушей. Пока я разглядываю его, чувствую, как Стоун наблюдает за мной своими пронзительными глазами.

— Джай? — произносит мужчина в замешательстве. — Я думал, ты будешь один.

Если Джай — его имя, что означает Стоун? Его прозвище? Кстати говоря, мне нужно прояснить ситуацию с прозвищем как можно быстрее, прежде чем все узнают меня как «Котенок».

— Он был, — заявляю я, разглаживая руками свою рубашку, избавляясь от липкого пота. — Но потом появилась я, — я протягиваю мужчине руку. — Я Эмили.

Он осторожно следит за моей рукой в течение нескольких неловких секунд, прежде чем быстро ее пожать. Его темные зеленые глаза наблюдают за мной, впитывая каждую деталь. Он не впечатлен. Я точно знаю. Мне знаком такой взгляд. На меня часто так смотрят.

— Ты не выглядишь как Эмили.

Я хмурюсь.

— Нет? — спрашиваю я, не в состоянии скрыть свое волнение.

Что это значит, черт возьми? Каким образом я должна выглядеть? Как высокая Эмили? Спортивная? Блондинка?

— Я тоже не думаю, что она похожа на Эмили, — вмешивается Джай, прислонившись к бетонной стене.

На его лице появляется улыбка, которая раздражает и интригует меня.

— Не смей, — говорю я, предупреждая, и его глаза загораются.

— Она смелая, игривая и немного боится воды, — Джай притворяется, будто о чем-то думает, склоняя голову набок, чтобы лучше рассмотреть меня. — Она больше похожа на... Котенка. Ты так не думаешь, Маркус?

Маркус, мужчина у двери, фыркает и широко улыбается.

— Конечно.

— Вы оба придурки, — невозмутимо отвечаю я, стараясь не выпускать свою агрессию наружу.

Если я не буду это обсуждать, может быть, он уйдет. Маркус смотрит на меня еще раз, и в этот раз как-то более внимательно. Я ощущаю себя голой, как будто его взгляд лишил меня одежды, но Джай не замечает этого. И если это так, то почему ему все равно?

— Как думаешь, она долго продержится?

Джай пожимает плечами.

— Несколько минут... может быть.

— Так что, я должен сделать ставку против нее?

Я стою на месте, шокированная тем, что они ведут обо мне беседу, в то время как я нахожусь рядом. Как будто меня здесь и нет. Не собираюсь лгать, я конкурентоспособная личность. Я не люблю проигрывать спор, независимо от того, какой он, но они думают, будто я не смогу выиграть, и мне хочется доказать им обратное.

Джай отвечает не сразу. Вместо этого он закусывает свою нижнюю губу и прищуривает глаза, размышляя над ответом.

— Я не стал бы ставить против нее, — говорит он, удивив меня. — Но и не брошу все свои деньги на нее, надеясь выиграть.

Маркус кивает и отходит в сторону. Дальнейших слов не требуется, и Джай проходит через двери. Я слеую за ним, делая все возможное, чтобы проскользнуть мимо Маркуса, не смотря на него. В нем мало хорошего, есть что-то тревожное.

Отчетливый шум и громкие одобрителные крики эхом разносятся по тоннелю. Звук проходит через все мое тело, и мое сердце бешено колотится. Что ждет нас впереди?

Скоро я выясню это. Мы следуем по тоннелю еще двадцать метров, прежде чем Джай поворачивает налево. Рев людей где-то в тоннеле такой громкий, почти разрывающий уши.

— Ты готова? — кричит Джай через плечо, останавливаясь.

Тоннель заполняет яркий свет, гремящие цепи и хрюканье мужчин, когда плоть сталкивается с плотью. По моей коже пробегают мурашки, словно миллион муравьев, и энергия просачивается сквозь меня, проносясь подобно молнии по всему телу. Я задыхаюсь, что бы это ни было — я пока этого не вижу. Джай протягивает руку и сжимает мою. Я не сопротивляюсь, он тянет меня перед собой и подталкивает ближе к концу тоннеля. Я вдыхаю тяжелый запах воздуха и медленно выдыхаю его. Мое тело пробуждается, скручиваясь спиралью и возбуждаясь в предвкушении. Даже соски под лифчиком напряглись. Что я там увижу? Частью чего стану, и почему я вдруг жажду этого так сильно?

Я медлю на краю тоннеля, не решаясь выглянуть. Оттуда, где я стою, видно блестящих мужчин и женщин, пропитанных запахом пота и секса. Они восхищаются чем-то, что гремит от столкновения с металлом. Я съеживаюсь, когда цепи напрягаются и синяки образуются на плоти. Тяжелая рука Джая, словно лиана, опускается на мое бедро, и я сразу же становлюсь сверхчувствительной. Его пульс проходит через мою кожу, и на мгновение я

закрываю глаза, загипнотизированная звуком полного хаоса.
Над нами спит город, но здесь, внизу, царит беспорядок.

Глава 4

Подполье

Это клетка. И она висит на ржавых цепях над огромным тоннелем, черт возьми. Это первое, что я вижу, когда Джай толкает меня из тоннеля вперед. Клетка дребезжит и раскачивается, когда двое мужчин разбивают кулаками лица друг другу. Они уворачиваются и разворачиваются, ударяют и бьют кулаками, и каждый раз, когда они это делают, клетка содрогается и скрипит. Джай говорит мне что-то на ухо, но я не слышу его, только свое сердце. Оно бьется, как барабан в голове, когда металлическая коробка смерти отскакивает, угрожая треснуть и отправить их к смерти в любую секунду. Не меньше ста человек заполняют большую площадь. Мужчины и женщины всех размеров прислоняются к бетонным стенам и цепляются за шатающуюся решетку. Небольшие струи воды стекают с окрестных труб и сливаются в одну большую в центре под качающейся клеткой. Я чувствую запах крови и ржавчины, перемешанные с потом и плесенью. Пыль витает в тяжелом воздухе, прилипая к влажной коже и скатываясь каплями. Ее частички оседают в моих легких и щекочут ноздри, но мне плевать. Это заставляет чувствовать себя живой, когда жизнь, которой я жила тридцать минут назад, была обманом. Поры на коже покалывают и вибрируют, призывая меня снять одежду и обнаженным телом почувствовать грязь этого места. Одежда душит, и тяжелая сумка тянет вниз, заставляя мышцы болеть. Я сталкиваюсь с большим телом Джая. Кряхтя, я падаю назад и ловлю его короткий разочарованный взгляд. Дорожка глубоких морщин между его бровей заставляет меня выйти из ступора.

— Многие из вас знают меня, — объявляет глубокий баритон. В этот момент вся комната, если можно ее так назвать, замолкает. Даже бойцы в клетке останавливают свой бой, чтобы услышать, что он говорит. — Но для тех, кто этого не знает, мое имя Череп.

Мои уши покалывает при упоминании Черепа, и я следую за враждебным взглядом Джая до небольшого бетонного выступа. Трое мужчин стоят там, глядя на нас, будто мы ничто, вроде тараканов. Двое из них стоят в стойке по разным концам выступа, сложив сильные руки на груди. Один посередине, Череп — это имя полностью соответствует его виду — он выглядит устрашающе. Черные чернила на его лице рисуют именно то, что означает его имя.

Череп.

Его лицо — череп.

Я видела это один раз где-то в интернете, но только не на человеке. Я не знала, что кто-то может быть так безумен, чтобы сделать с собой нечто... настолько ужасающее.

— Вы все знаете, как это делается, вы все видели Бойцовский Клуб, но в случае, если это непонятно...

Один из стоящих рядом мужчин, похожий на русского, тащит невысокого мужчину. Он хныкает и просит, но Череп игнорирует его. Худой, невысокий и с тату, он выглядит почти невинным рядом с Черепом и его головорезами.

— Я никому не скажу, клянусь, — умоляет испуганный человек. — Пожалуйста, я просто гулял допоздна. Я не хочу никаких проблем.

Его светло-каштановые волосы прилипли ко лбу, а глаза открыты настолько широко, что я уверена, они могут выпасть в любой момент.

— Сожалею, приятель, — говорит Череп со странным австралийским акцентом. Он хватает мужчину за плечо и заставил его слегка наклониться через перила. — Не могу рисковать.

— Что происходит? — спрашиваю я Джая, перемещая свой взгляд к его лицу.

Он бросает на меня косой взгляд, и ужас скручивает мой живот.

— Увидишь.

Мне не нужно объяснений. Мои губы раскрываются, а сердце начинает бешено биться. Они убьют его? Толпа вокруг нас ревет, и этот шум пугает меня. Я смотрю как раз вовремя, чтобы увидеть, как Череп заканчивает резать острым лезвием ножа плоть молящего человека. Я задыхаюсь и прикрываю рукой рот, когда кровь хлещет из его горла и стекает по груди. Я едва успеваю сдержать крик, рвущийся из горла, когда пальцы Джая обхватывают мое запястье и заставляют мою руку вернуться на место.

Убийство. Срань Господня. Я только что стала свидетелем убийства.

Словно деготь, эта мысль размазывается по моим внутренностям. Работая в больнице, я видела смерть много раз, но когда ты встречаешься с ней лицом к лицу вот так... это другое. В больнице, эти жизни и смерти — повседневная ситуация. Здесь — это незаконно и чудовищно.

Череп молчит, пока мужчина истекает кровью. Багровая жидкость не останавливается. Она капает на металлические перила и в маленькую струйку воды, которая протекает под клеткой, прежде чем исчезнуть в большом и, наверное, бездонном тоннеле. В конце концов, веселье затихает, и Череп, наконец, поднимает глаза, чтобы обратиться к нам еще раз.

— Вы все часть тайного братства, которое не было замеченным в течение ста лет. Большинство из вас знают правила, но сегодня вечером я вижу новые лица, — взгляд его черных глаз встречается с моим, и я медленно придвигаюсь ближе к Джаяу. Возникает пауза, и все взгляды обращаются ко мне. — Для тех, кто незнаком с тем, как я справляюсь с делами, позвольте мне поведать вам о трех простых правилах. Первое, — он сжимает волосы мертвого парня и тянет его голову назад до тех пор, пока не видно его перерезанное горло. Я единственная в зале, кто содрогается. — Не говори об этом.

Череп хватает мужчину сзади за шорты и скидывает его за перила, словно мусор. Его безжизненное тело ударяется об бетон. От этого звука меня пробирает озноб и прожигает кожу, но я не отвожу взгляда от Черепа. Не хочу, чтобы он знал, что я здесь случайно и не вписываюсь сюда. Он смотрит на меня, и я чувствую, как будто у меня на лбу ярко-красное клеймо.

Череп вытирает мокрое лезвие, которым перерезал горло невинному человеку, о свою белую футболку. Злые красные полосы крови остаются на ней, но ему плевать.

— Второе — не убивай никого за пределами клетки. И третье, ты бьешься, когда наступает твоя очередь, или умираешь.

Я с трудом сглатываю. Я должна бороться? Вот как я буду зарабатывать деньги? Я участвовала только в двух драках за всю свою жизнь — когда мне было тринадцать, и когда я потерялась.

— До конца раунда это место — ваш дом, и это братство — ваша семья. Проведете хороший бой — будете вознаграждены. Потерпите поражение — уйдете без денег в кармане, и никакого уважения от своих братьев или сестер.

Я борюсь с желанием затеряться в себе, когда Череп, наконец, освобождает меня от своего темного взгляда. Он позволяет своему хмурому взгляду пронестись по разрозненной

толпе со злым предупреждением, разворачивается и со своими головорезами исчезает в маленьком техническом помещении тоннеля.

Я не слышу своего сердцебиения. На секунду, единственный звук, который слышу, это зыбкая струйка воды, барабанящая по бетону, и скрип ржавых цепей, натягивающихся под тяжестью бойцов. Я поворачиваюсь в сторону Джая и хочу потребовать, чтобы он убил меня прямо сейчас — в любом случае я все равно труп — но внезапный звук костей, врезающихся в плоть, выбивает слова с моего языка, заставляя их остаться в горле. Когда толпа снова начинает ликовать, Джай хватает меня за локоть и тащит сквозь орду жаждущих бойцов. Я вжимаю голову в плечи, но меня по-прежнему задевают жесткие локти и свободные руки. К тому времени, когда мы выходим на поляну с другой стороны, моя голова раскалывается от полученных ударов по голове.

— Ты останешься со мной, — говорит Джай, убирая наушники от iPod в карман толстовки.

— Черта с два, — заявляю я, засовывая сумку под мышку.

Я не знаю, что буду делать без Джая, но оставаться с ним, наживая себе новые проблемы, не собираюсь. В первую очередь, он и есть причина, почему я попала в эту передрагу.

Джай смотрит исподлобья через мое плечо, и я замолкаю. У меня занимает несколько секунд, чтобы понять, что он смотрит не на меня, а на что-то за моей спиной. Медленно я вытягиваю шею, чтобы посмотреть через плечо. Я чувствую запах водки и дерьма до того как вижу лицо, выдыхающее это. А вот и лицо.

— Отлично, — ухмыляется Джай. — Если не хочешь остаться со мной, можешь остаться с ним.

Меня пугает эта мысль, и я медленно придвигаюсь ближе к Джая. Кажется, тату на лице — растущая тенденция. Все его лицо занимает татуировка паука, который лижет уголок зловонного рта, и, как ни странно, мне жаль этого паука. Ничто не должно трогать язык этого человека. Я смотрю вверх на Джая и изображаю свой самый убедительный «помоги мне» вид. Я не могу остаться с этим жутким Спайдерменом, просто не могу. Со вздохом, Джай выставляет руку в сторону незнакомца.

— Убирайся, мудака.

«Мудака» ждет несколько секунд, и его голубые глаза-бусинки перемещаются между мной и Джаем. Когда Джай делает шаг вперед, расправляя плечи и выпрямляя спину, мужчина ухмыляется и быстро разворачивается на пятках. Я не понимаю, что затаила дыхание, пока Джай не протискивается мимо меня и не поднимается вверх на выступ. Захватив свою сумку плотно под мышкой, я выдыхаю и внимательно слежу за ним. Теперь все ясно. Без Джая я буду съедена заживо.

Джай кидает свой тяжелый рюкзак на хрупкую, цвета зеленого гороха раскладушку, и, что удивительно, сетка не прогибается под его тяжестью. Затем поворачивается ко мне спиной, расстегивая толстовку. Я стою на пороге и пялюсь на размер и состояние его

комнаты. Конечно, я не должна была ожидать больше, чем крошечный закуток в небольшом подсобном помещении водосточной системы, но все же... эти люди заплатили десятки тысяч долларов, чтобы быть здесь, а тут даже нет двери, чтобы защитить свою частную жизнь? Какое обдиралово.

— Сотри это выражение со своего лица. Ты под землей, а не в «Хилтоне», — шепчет Джай через плечо. — Ты можешь жить в роскоши, когда выйдешь отсюда. Ты, вероятно, оценишь это.

Я надуваю губы.

— К сожалению, это место несильно отличается от моей квартиры...

Моя квартира маленькая, она настолько мала, что кровать раскладывается из стены и достаёт до стойки на кухне. Запах плесени и грязи здесь практически такой же, как и в квартире.

— Чувствуй себя как дома — говорит Джай, снимая толстовку.

Я прислоняюсь к влажной бетонной стене и смотрю, на его тугие мышцы на спине, обтянутые черной борцовкой, которая показывает все выпуклости и впадины. По крайней мере, один из нас не умрет в клетке. У Джая в плечах больше мышц, чем у меня во всем теле. Он может взять шестерых в клетку, если пожелает. Джай протискивается между двух раскладушек, скомкивая толстовку, и кидает ее под голову, используя в качестве подушки. Одним быстрым движением он стягивает черную борцовку, и от внезапной наготы его тела у меня перехватывает дыхание. Моему мозгу нужна только секунда, чтобы запечатлеть склоняющуюся худую фигуру Джая, когда он накидывает борцовку на светильник, находящийся над его раскладушкой, и комната погружается в мутный оранжевый свет. В полуосвещенной комнате становится трудно увидеть то, как я вздыхаю и направляюсь к своей раскладушке. Она скрипит и жалуется под моим весом. Сетка натягивается, и в данный момент я думаю, что сломаю ее и грохнусь на пол.

Не сломала.

Поняв, что раскладушка может удержать мой вес, я бросаю свою сумку на пол и подтягиваю колени к груди. Раскладушка Джая создает больше шума, чем моя, когда он опускается на нее. Он движется быстро, боясь грохнуться с нее не меньше, чем я.

Когда он комфортно устраивается, в нашей комнате становится тихо. Слишком тихо. Звуки смеха и аплодисментов раздаются эхом по тоннелю. Тяжелый воздух не позволяет получить свежий глоток воздуха, и всякий раз, моргая, я вижу перерезанное горло парня. Я сглатываю, но сухость в горле остается. Я не собираюсь жить здесь, и эта мысль... ну, это чертовски страшно.

— Все хорошо, Котенок?

Его искренний вопрос нарушает тишину. Это вопрос, над ответом на который я еще не задумывалась. Не позволяла себе задумываться. Не хотела беситься, но честно говоря, у меня не все хорошо.

— Я в подполье, и за первые десять минут после появления стала свидетелем убийства невинного человека. Чтобы выбраться, я должна бороться Бог знает сколько времени, и, в довершение всего, нахожусь в большем долгу, чем когда-либо была в своей жизни, — я запускаю пальцы в свои волосы. — Я не в порядке. Я не готова, и они поймут это, в конце концов. Тогда что? Когда Череп узнает, он перережет мне горло и выбросит через перила в бездонный тоннель без объяснений.

Джай перекачивается на раскладушке.

— Черепа нисколько это не заботит. Ты заплатила, чтобы быть здесь, как и все остальные. Уверен, ты не получишь официальное приглашение, но будешь в порядке, если будешь держать голову низко и притворяться, будто знаешь, что делаешь.

Слезы обжигают глаза, и я прикусываю язык, чтобы остановить их, но это не помогает. Слишком много сил стоит за ними, поэтому я позволяю им скатиться по щекам. Я позволяю им бесшумно намочить щеки и скатиться по пересохшим губам.

— Череп знает. Он так свирепо смотрел на меня. Он знает.

— Череп ни черта не знает, — выплевывает Джай, выражая тем самым свою неприязнь к Черепу слишком громко и четко. — Он любит запугивать людей, вот и все. У тебя доброе лицо, как у котенка. Он хотел тебя напугать, — Джай издает тяжелый вздох, садясь рядом со мной, и он знает, что я плачу. — Слушай, я помогу тебе, ладно? Я не могу сделать многое, но уверен, что кое-чему могу научить тебя, прежде чем начнется твой бой.

Я вытираю свое лицо рукой.

— Зачем ты помогаешь мне? После всего, что я сделала?

Он задумывается на секунду, и я хочу увидеть его лицо, прочитав его эмоции.

— Потому что хоть ты и огромная заноза в заднице и отвлекаешь от цели, ты кажешься хорошим человеком, — уголки моих губ дергаются в подобии улыбки. — И ты должна мне десять штук, которые нужно вернуть как можно скорее, — добавляет он, и я перестаю улыбаться.

Джай сворачивается на своей раскладушке, поворачиваясь ко мне спиной. Понятно, что время разговора закончилось. Я роняю голову на колени и обнимаю ноги, не в силах найти энергию, чтобы должным образом заставить привести себя в порядок и лечь. Думаю, это неважно. Сидя или лежа, мне не удастся поспать сегодня.

Глава 5

Мусор

Я распахиваю глаза, когда пронзительный вопль взрывает мои барабанные перепонки и звон эхом отражается где-то в мозгу. Слышатся легкие шаги и девчоночье хихиканье, когда двое прокрадываются мимо нашего укромного уголка. Я тру слипающиеся глаза, а эти двое смеются и флиртуют друг с другом. Естественно, когда он обнимает ее, по тоннелю эхом разносится их довольно пошлая беседа. Слышно так хорошо, будто они говорят мне прямо в ухо. Уединение здесь найти нереально и мне становится интересно, знают ли они, что люди, которые спят в этом тоннеле, могут слышать, как сильно ему хочется вставить ей в зад.

Оказывается, несмотря на мое беспокойство прошлой ночью, я заснула. Я не удивлена. До происшествия, которое привело меня сюда, я отработала одиннадцатичасовую рабочую смену в больнице. Я была обессилена уже до того, как моя нога ступила в поезд. Когда я наконец-то села на свою раскладушку, мой организм сдался, и крепкий сон победил. Зевая, я смотрю на небольшие серебряные часы-брелок, приколотые к карману на груди моей фиолетовой рубашки. Они показывают девять часов утра, но я не могу сказать точно. Освещение такое же, как и когда я уснула. Прошло всего несколько часов, но есть бесконечный список вещей, которые нужно сделать, чтобы увидеть солнце снова или глотнуть свежего воздуха.

Моя раскладушка слегка подпрыгивает, как и я, когда Джай кидает мне в ноги кучу одежды. Небольшие кусочки ткани накрывают мои поношенные кроссовки, и я усталыми глазами смотрю на них. В конце концов, я перевожу взгляд на него, и он протягивает мне маленькую булочку. Уверена, он выглядит намного свежее, чем я.

— Я решил, что ты запаришься в этой форме, поэтому принес кое-какие вещи. Завтрак закончился, но мне удалось достать для тебя булочку.

Он пошел и достал для меня вещи? Что это вообще значит? Не похоже, что тут есть магазин одежды. Поклевав немного черствый хлеб, я тянусь за куском черной ткани и разглядываю его. Это топ с лямкой через шею, недостаточно длинный, даже чтобы прикрыть пупок.

— Иисусе, ты подрался с ребенком за это?

Его полные пухлые губы растягиваются в ироничной ухмылке.

— Девушки здесь не того типа, к которому ты привыкла. Это лучшее, что я смог достать.

— Я не буду это носить.

Он делает шаг вперед, и ухмылка исчезает с его губ.

— Я дрался с четырьмя парнями и двумя женщинами, чтобы достать для тебя одежду. Ты будешь носить ее, даже если мне придется самому одеть тебя, — Джай кивает на одежду.

— Ты выглядишь здесь как идиотка в своей форме. Она слишком сдержанна. Тебя не примут за своего человека.

— Я...

— Надень это, — приказывает он, становясь сторожить меня у входа спиной ко мне. — Они начинают первый раунд боев.

Презрительно усмехнувшись, я роняю кусочек ткани, и хлеб выскользывает из моей

руки.

Не буду врать, воспоминание о вчерашней клетке не приводит меня в восторг. Мои пальцы на ногах сжимаются, когда просто думаю об этом, но я не надену эту одежду. Ни за что. Я всегда была консервативной девушкой. Называйте меня старомодной, но прикрытое влагалище и незаметный пупок сексуальнее.

— Срань Господня, — стонет Джай, проводя рукой по лицу. — Это, должно быть, гребаная миссия для тебя? Боже. Тогда не надевай этот топ, уверен, можно найти что-то в той куче, которую я принес.

Когда я не двигаюсь в сторону одежды, Джай сжимает челюсть и устремляется вперед. Его большие руки разбрасывают одежду по всей комнате, пока, в конце концов, он не кидает в меня пару джинсовых шорт и белую борцовку. Я ловлю их. Я не особо люблю джинсы... и открываю рот для протеста, но Джай быстро сокращает расстояние. Я пишу от неожиданности и отталкиваю тяжелые руки, хватающие мои плечи, но не могу остановить это. Его огромное тело припечатывает меня к раскладушке. Каким-то образом он умудряется поймать мои запястья и плотно сжать, заноса их над моей головой.

— Слезь! — рычу я, пытаюсь отчаянно бороться за свободу.

Мои легкие с трудом наполняются воздухом. Весь его вес на мне, и я уверена, что задыхаюсь.

— Одно слово, — предупреждает он меня. Его тихий голос низкий и грубый, и он посылает волну мурашек вниз по моей спине. — Если еще хоть одно не понравившееся мне слово вырвется из твоего хорошенького маленького ротика, я сам сброшу тебя в тоннель.

Я слышу его четко и ясно, но «хорошенький», «маленький» и «рот» — естественно, только те слова, которые анализирует мой мозг, и мой взгляд падает на его губы. Я никогда не видела более заманчивых губ. Мои внутренности превращаются в жидкость, и я чувствую легкость, будто плыву по воде. Я чувствовала это раньше. Мне двадцать один, и я провела свой день рождения, потащив свою задницу пить в новый бар, который только открылся в трех кварталах от мотеля, в котором я жила. Длинная история коротка — я встретила парня и почувствовала это же чувство. После, мы занимались сексом в подворотне, а когда все было кончено, я его больше не видела. Нелегко признать, но это случилось.

— У папочки случится сердечный приступ, если он увидит, как прямо сейчас ты пялишься на мои губы, Котенок.

Огонь вспыхивает в моих венах и попадает в сердце в рекордно короткие сроки, заставляя перекачивать кровь быстрее. На этом расстоянии он и его потемневшие зрачки завораживают меня. Я думаю о том, что у меня нет отца, хотя где-то есть, наверно. Так же, как и мать, но я никогда не встречала ни ее, ни его. Такое происходит только в моем мире. Ни в каком другом.

— Мой отец последний человек, о котором тебе стоит беспокоиться.

Сейчас он улыбается мне, но в его глазах скрыто что-то холодное и голодное.

— Тогда старший брат?

Я качаю головой. Предполагаю, что не смогу скрывать эту часть моей жизни от него.

— Я сирота.

Сексуальный знойный взгляд, что делает стеклянным все черты лица Джая, исчезает. Его хватка на моих запястьях ослабевает, и давление его тела уменьшается. Все равно, ощущение вибрации в нижней части моего тела по-прежнему ощутимо.

— Черт. Прости.

Я нервно смеюсь.

— За что?

Он склоняет голову.

— Что поднял эту тему.

Я пожимаю плечами как можно беззаботнее.

— Рано или поздно это должно было раскрыться. Если беспокоишься, ты не огорчил меня. Нельзя обижаться на то, чего никогда не было.

Это ложь. Я думаю о своей несуществующей семье каждый день. Что значит материнская любовь, или даже на что это похоже? Каково это — быть послушной перед своим отцом или поддразнивать братьев и сестер? Я не знаю. Мне хочется этого, несмотря на то, что я не знала своих родителей, беспокоящихся обо мне. Ведь эта женщина была в состоянии вынашивать меня в своем чреве девять месяцев, пройти через столько боли, чтобы привести меня в этот мир, и держать мою руку, увидев меня. Неужели я настолько невыносима? Была ли я такой, даже будучи младенцем?

Я защищаю свою долго отсутствующую маму. Когда я чувствую себя особенно огорченной своей жизнью, мой разум начинает издеваться над ней, но недолго, потом мое сердце бросается на ее защиту. Может быть, она была слишком молода? Может, она была вынуждена родить меня? Возможно, было просто не подходящее время или от нежеланного человека? Когда я мыслю рационально, то все понимаю, но когда нет, это подавляет меня.

В это время взгляд Джая падает на губы — мои губы — и я неосознанно облизываю их. Когда он изучает каждую их часть, мое сердце приятно вздрагивает в груди. Это, должно быть, самая странная ситуация в мире. Я имею в виду, он практически похитил меня, и вот мы здесь. Ко мне очень давно не прикасались. На самом деле, настолько давно, что я уже начала думать, что никогда не буду заниматься сексом снова. Я не жажду его. Даже не думаю об этом, но я прижата телом мужчины, который смог бы, вполне возможно, свести меня в могилу, и все, о чем я могу думать — прикосновение его губ. Здесь нет двери, чтобы оградить нас от проходящих мимо людей, и меня это не волнует, но всего лишь десять минут назад мне бы это не понравилось.

— Ты будешь носить шорты? — спрашивает он, его тихий голос мягкий и ровный.

Я киваю, ориентируясь больше на тон его голоса, чем на вопрос, отчего мне хочется вкусить теплого шоколада. Я моргаю несколько раз, а он просто отпускает меня и вновь становится охранять дверь.

— Подожди, — говорю я, приподнимаясь на локтях. — Что это было?

Глядя на него, я вижу тень улыбки на его губах, но он не поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Одевайся, Эмили. У нас всего несколько минут до начала сражения.

Ошеломленная и слегка смущенная от использования моего настоящего имени, я перекатываюсь на раскладушке и встаю, игнорируя боль в спине. Раскладушка — не лучшее место для сна, но это лучше, чем матрас, раскладывающийся из стены у меня дома. По крайней мере, здесь нет никаких пружин, колющих, словно ножом, мои органы.

Я опускаю взгляд на джинсовые шорты и белую майку в своих руках. Я буду выглядеть нелепо в этом. Слава Богу, здесь темно, и каждый будет видеть просто белый цвет, а на самом деле, когда в последний раз я брила ноги? Я съеживаюсь от этой мысли.

В рекордные сроки я стаскиваю свою форму и бросаю ее в углу комнаты. Я борюсь, пытаюсь спустить штаны через черные кроссовки, но к счастью, когда сажусь на край своей

раскладушки, успеваю через обе ноги снять все без особых препятствий. Большинство людей снимают обувь, прежде чем надеть брюки, но нет никакого гребаного способа, чтобы я стояла босыми ногами на влажной земле.

Удивительно, но кнопка на джинсовых шортах легко застегивается. Я провожу пальцем по краям шорт и заглядываю на свою задницу через плечо. Не похоже, что нижняя часть моей задницы выглядывает. Я провожу ладонями вниз по нижней части трусиков, чтобы подтвердить это. Моя задница не выглядывает. Кто бы мог подумать, что до сих пор производятся короткие джинсовые шорты, прикрывающие задницу? Это чудо. Когда я оглядываюсь назад, вижу пару синих глаз, смотрящих на мой живот и грудь. Я замираю, мои брови сходятся вместе. Хотя, пойманный с поличным Джай, не отворачивается. Вместо этого его взгляд следует по невидимой линии от моего декольте к горлу и лицу. Конечно же, я ношу свой наименее привлекательный бюстгальтер. Почему не кружевной? Почему выбрала тот, что из хлопка? Мое горло пересыхает, щеки горят, а пальцы подрагивают, но я не закрываюсь. Я пытаюсь проанализировать его выражение лица, но он не дает никаких признаков того, что мое тело ему нравится. Не то чтобы я хочу этого... или, может, хочу. Я не знаю. Я никогда не была так смущена в своей жизни.

Не говоря ни слова, Джай разворачивается назад, чтобы посмотреть в тоннель.

— Ты извращенец, — поддразниваю я и беру майку в руки, чтобы надеть ее через голову.

Он не оглядывается, но я слышу, что он улыбается, когда говорит:

— Я предпочитаю термин оппортунист (*Прим. Оппортунист — человек, пользующийся обстоятельствами, умный, ловкий человек*).

Я расправляю борцовку на животе. Она сильно облегает, и отсутствие питания в моем рационе это показывает. Бедренные кости... вот почему я ношу мешковатую одежду. Я действительно удивлена, что моя грудь еще существует. Я провожу руками по животу и делаю вдох. Когда выдыхаю, Джай поворачивается и в этот раз его глаза пропускают мою грудь и останавливаются на волосах.

— Готово? — спрашиваю я, засовывая руки в карманы.

— Почти.

Он делает шаг вперед, и я задерживаю дыхание, когда он протягивает руку и тянет за ленту, связывающую мои волосы. Резко дернув, он высвобождает мои черные локоны, и они свободно рассыпаются по плечам. Я чувствую себя крошечной, когда его огромные руки запутываются в моих волосах, и, возможно, это всего лишь плод моего воображения, он пропускает их между пальцами, сжимая, и с моих губ срывается нервный вздох. Чтобы он ни делал, это так эротично. Если бы это было обыденно, мое тело бы не горело, словно в огне, а сердце не выскакивало бы из груди.

Я открываю рот, чтобы заговорить, но Джай поворачивается и выходит в тоннель.

— Идем.

Клетка гремит и трясется, а мое сердце бьется где-то в горле. Удары и рычание

смешиваются с криками толпы. Я никогда в жизни не видела ничего настолько смелого, настолько потрясающего. Волнение иголками покалывает по всей поверхности моей кожи, словно электричество по металлу, но рядом со мной у стены тоннеля сидит Джай, поигрывая болтающимися нитками на рукаве рубашки. Как ему могут надоесть разворачивающиеся действия перед нами? Полагаю, он привык к этому, но для меня это совершенно новый мир. Мир, страшный и волнующий одновременно. Каждые несколько секунд, когда бойцы дают себе небольшую передышку, мое внимание обращается к перилам над клеткой и на толстые пальцы, удерживающие их. Череп меняет позу и опирается локтями на перила, чтобы стать ближе к бою, и мой взгляд перемещается на его руки. Когда бойцы сталкиваются и валятся на пол снова, я позволяю своему взгляду переместиться на лицо Черепа и его подробно прорисованный череп. Я могу видеть каждую косточку, все пространство окрашено в угольно-черный цвет. На мгновение меня пленяет это, я как будто загипнотизирована. Он — это самое страшное, что я когда-либо видела, и, хотя вчерашние события уже не видны на его коже, чувствую, будто все еще вижу невинную кровь на его руках. Хотя и страшно, я не могу не задаться вопросом, любил ли он когда-нибудь женщину, как выглядит улыбка на его губах. Интересно, каким цветом блестели его глаза, когда он был влюблен...

Я оглядываюсь на бойцов, оба стоят на дрожащих ногах и обмениваются тяжелыми ударами, удар за ударом. Один боец с чуть большей энергией, чем другой, делает удар. Он попадает по голове, выводя своего соперника из равновесия. Не теряя времени, он выпрямляется и совершает сокрушительный удар в подбородок. Я ахаю и прикрываю рот, когда голова соперника от удара резко откидывается. Я вижу это в его глазах — остекленевший взгляд — и вдруг его голова тяжелеет в сравнении с остальным телом. Мое сердце подпрыгивает в груди, в голове, в горле, везде, и я не могу ничем помочь, но придвигаюсь ближе. Подсознательно я тянусь назад и касаюсь руки Джая, чтобы не упасть, делая шаг вперед. Я использую его в качестве охранника, в случае, если мне нужно будет отступить в любой момент. Потрясенный парень качается, как дерево на ветру, и сваливается на пол.

Комната замолкает.

Он не двигается.

Только звуки натянутых толстых цепей, трущихся о металлические перила, и крошечных дорожек дождевой воды, капающих на бетон вокруг нас. Мой рот открыт, глаза расширены. Я никогда не видела нокаут раньше.

Все остальные вновь возвращаются к жизни, приветствуя победителя. Внезапный прилив торжества поражает меня, и я отпрыгиваю назад, отчаянно цепляясь за руку Джая. Шум вибрирует по полу под ногами. Я чувствую это подошвой своей обуви и тканью носков, прежде чем вибрация переходит на ноги. Я тяжело дышу, не зная, должна ли радоваться или плакать. У меня болит в груди, горит, словно я выкурила целую пачку сигарет, и понимаю, что это не из-за толпы. Это из-за человека, лежащего без сознания на полу в клетке.

Это могло случиться со мной.

Это то, что будет со мной.

Я рассматриваю его немного дольше. Что-то с ним не совсем в порядке. Он по-прежнему.. словно мертв. Я не замечаю двоих людей Черепа, тех, что вчера были с ним, до тех пор, пока они не подходят к клетке и не открывают ее, выпуская победителя. Он обхватывает себя руками и пытается выглядеть храбрым, но этого недостаточно, чтобы сдержать содержимое желудка. Я съезживаюсь и отворачиваюсь, когда желтая желчь

извергается из его рта. Игнорируя его, головорезы заходят в клетку, не беспокоясь, что она подпрыгивает и дрожит под их тяжестью. В любую секунду она может сорваться с цепи. Думаю, я единственная, кого это беспокоит.

Мужчины подходят к парню и ударяют его по лицу. Он не двигается. Они смотрят вверх на Черепа, затем проверяют пульс. Я не отвожу взгляда от Черепа, он качает головой и головорезы сгребают парня. Когда они поднимают его на руки, я замечаю небольшую струйку крови, вытекающую изо рта и носа. В жилах холодеет. Он... мертв?

Выйдя из клетки, двое мужчин тащат его наверх. Я ожидаю, что они отнесут его куда-нибудь в маленький уголок тоннеля, чтобы помочь исцелить губу или что-нибудь еще. Вместо этого Череп объявляет, что иногда это случается и напоминает нам, что это опасная игра.

И тогда они сбрасывают его в тоннель, как мусор недельной давности.

Как сраный мусор.

Глава 6

Свержение

Я взволнованно расхаживаю по комнате, делая по три шага в разных направлениях. Джай смотрит на меня с порога, скрестив руки на груди. Он думает, что я слишком эмоционально реагирую. Он относится ко мне как к единственной, кто находит ужасным, что они выбросили проигравшего бой, будто он был ничем.

— Он был уже мертв, Эмили, — вздыхает он, видимо, ему надоело говорить это. — Удар был слишком значительным. Никто ничего не мог сделать.

Безмолвные слезы обжигают мои щеки, и я сильнее обхватываю себя руками.

— У него, вероятно, есть семья... они никогда не узнают, что с ним случилось, — я резко вдыхаю. — Что, если у него есть жена? Или дети? Они вырастут, думая, что отец бросил их без объяснений.

— Если он был здесь, это значит, что он уже бросил их.

Я перестаю метаться и свирепо смотрю на Джая.

— Есть ли у тебя хоть какое-то сострадание? Человек умер, словно мусор.

Затем понимание озаряет меня, и все эмоции, что чувствовала, весь страх и возмущение скручиваются в моей груди. Даже слезы высыхают.

— Я умру здесь, внизу, и они выбросят меня.

Джай закатывает голубые, словно океан, глаза.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты не умрешь.

— Я умру.

Почему он думает, что я делаю из этого драму? У меня нет боевого опыта, и пока я здесь в подземелье с бойцами, единственный способ выйти отсюда — это выиграть, или же проиграть и умереть.

— В любом случае, как это работает? Они выходят в алфавитном порядке? По размеру? Тянут жребий?

— Случайно. У Черепа есть Маркус, который выбирает мужчину и женщину, а те в свою очередь выбирают своего противника.

Я хмурюсь.

— Получается, нет никакой реальной схемы?

Он качает головой.

— Черт. Посмотри на меня. Я легкая добыча.

Меня могут вызвать драться в любую секунду, а я понятия не имею, как нанести удар или как поставить блок. Толку от меня, как от мертвой.

Мне никогда не был свойственен драматизм. Я всегда была оторвана от жизни, готова к тому, что она закончится в любой момент, и относилась к этому спокойно, но не так. Нет ничего достойного в том, чтобы умереть вот так.

— С тобой все будет в порядке. Сколько еще раз я должен это повторить?

— Ты же сам сказал, Стоун. Я продержусь несколько минут, может быть.

— Может и продержишься, но не забывай, если ты все сделаешь правильно,

понадобится всего секунда, чтобы выиграть бой, — он отталкивается от стены и подходит ближе. — Не важно, что ты не владеешь техниками, и в тебе нет силы. Великое дело.

Вот так-так... спасибо.

— Скорость и логика на твоей стороне. Большинство бойцов думают об одном и только об одном — победить любой ценой. Один взгляд в твою сторону, и они уйдут в нокаут. Если ты не запаникуешь и выучишь несколько позиций и приемов, думаю, ты легко справишься с этим или не умрешь, по крайней мере.

Он стоит в футе от меня, его руки свободно свисают по бокам. Интересно, помогал бы он мне, если бы я не должна была ему десять тысяч долларов. Если по какой-либо причудливой случайности мне удастся отыграть деньги, перестанет ли он защищать меня? Или по-прежнему будет помогать? Он сказал, что у него здесь цель, и я отвлекаю его. Что за цель? Выиграть деньги? Что ему нужно, кроме денег? Кажется, они у него есть. Вся его одежда фирменная, с топовыми спортивными логотипами, маленький плеер от Apple, не говоря уже о двадцати тысячах долларов, которые он небрежно вытащил из кармана, чтобы нас пропустили. Он не нуждается в восьмидесяти тысячах долларов.

— Почему ты помогаешь мне?

Его челюсть напрягается на несколько секунд, прежде чем он расслабляет ее.

— Ты должна мне деньги, и я хочу вернуть их назад.

Заинтригованная, я наклоняю голову.

— Зачем тебе это нужно?

Голубые глаза Джая темнеют, и при этом освещении они кажутся черными.

— Какое это имеет значение? Они были моими с самого начала.

Медленно я соединяю кусочки пазла в единую картинку.

— Деньги не могут быть тем, зачем ты здесь. Если бы ты отчаянно нуждался в деньгах, ты бы не потратил на меня десять тысяч.

Его темные глаза вспыхивают, и он расправляет плечи, возвышаясь надо мной. Обычно я боюсь таких парней, но сейчас делаю успехи. Мне нужно знать, с кем я связываюсь.

— Осторожно, Котенок. Мои дела — последнее, с чем ты захочешь иметь дело.

Сказав это, он заинтриговал меня еще сильнее. Может быть, я хочу находиться в опасности. Затем я вспоминаю, как он смотрел на Черепа. Все остальные смотрели на него с абсолютным обожанием, но не Джай. Я видела его отвращение. Я чувствовала его гнев. Тут что-то намного большее, чем он пытается показать.

— Я видела, как ты смотрел на Черепа.

Его бесстрастное лицо остается таким же свирепым и решительным, и на миг я задаюсь вопросом, был ли он когда-либо в армии. Как он держит в себе эмоции... дисциплинированно.

— Я видел, как ты тоже смотрела на него. Тебе нравится Череп? Он тебя заводит?

Жар распространяется по моему лицу, окрашивая его в красный цвет. Его татуировка, может, и интригует меня, но я никогда не зайду так далеко, чтобы сказать, что это возбуждает меня.

— Мне, возможно, немного любопытно, — признаюсь я, что это не из-за его бизнеса. — Но Череп — отвратительный человек. Отсутствие сострадания к человеческой жизни затмевает любые другие качества, которые я смогу выдумать.

Его губы вытягиваются в прямую линию. Он ревнует? Это вообще возможно?

— Он выглядит так, будто весь мир у его ног, но один неосторожный шаг, и он потеряет

все это.

Ох, дерьмо. Вот оно. Я ожидала что-то вроде беспорядочного плана, но это... это безумие.

— Ты хочешь свергнуть его?— спрашиваю я шепотом. — Ты с ума сошел?

Конечно, Джай делает вид, что не понимает, как будто я говорю с ним на другом языке.

— Не знаю, о чем ты говоришь.

— Ты утверждаешь...

Он делает рывок вперед, его крупное тело ударяется в меня и он зажимает ладонью мой рот. На его лице раскаленная ярость, и я борюсь с ним, но он кладет свою твердую руку мне на поясницу, удерживая меня на месте.

— Я не собираюсь снова просить тебя держаться подальше от моих дел. Я спасал твою жизнь не для того, чтобы ты могла поставить под угрозу мою. Все, что я прошу — выиграй бой и верни деньги, которые должна. Затем можешь продуть следующий бой и попрощаться.

Я вырываюсь из его рук, и он позволяет это, но крепко держит меня за талию, не отпуская. Одно слово. Одно слово в этом предложении волнует меня.

— Пропрощаться?

Он кивает один раз.

— Если ты проигрываешь и не умираешь, ты уходишь. Таковы правила.

— С пустыми руками?

Он кивает снова.

— Без денег и сломленный. Положение становится хуже, чем было до того, когда ты пришел сюда.

Я в ужасе раскрываю рот.

— Разве это справедливо?

— Не справедливо, но здесь все рискуют.

— А как Череп убеждается в том, что никто ничего не расскажет? Можно же спрятаться в любой точке мира.

Наконец, ладонь Джая соскальзывает с моей талии, и он нетерпеливо проводит рукой по лицу.

— Да? Последний раз, когда я проверял, ты не могла сбежать из страны без денег. Череп знает детали о каждом находящемся здесь человеке, даже о тебе.

Я скрещиваю руки на груди. Насколько влиятельным может быть этот Череп во внешнем мире? Кто в здравом уме будет вступать в разговор с ним? Кто его нанял?

— Я сомневаюсь, что он знает каждую деталь.

— Готов поспорить на тридцать тысяч долларов, что он знает имена твоих биологических родителей. Череп управляет всеми видами незаконной деятельности, не только подпольными боями. Он подкупил копов, врачей, политиков — всех, кто мог бы помочь его делу. Когда я говорю, что он знает каждую деталь, поверь мне, он знает.

Внезапно этот подземный мир становится еще опаснее, если это вообще возможно. Несмотря на все это, мой мозг заикливается только лишь на одной мысли. Мои настоящие родители... это возможно? Череп может помочь мне найти их? Мысль быстро исчезает. Единственное, в чем может помочь Череп — это организовать мою смерть. Он перережет мне горло задолго до того, как я смогу задать вопрос.

— Мне не нравится этот взгляд на твоём лице. Скажи мне, о чем ты думаешь.

Я хмурюсь.

— Я тебе ничего не скажу. Я не люблю, когда меня держат в неведении не меньше, чем ты. Я скажу тебе, о чем думаю, когда у нас будет взаимное доверие.

Лицо Джая мрачнеет, пока он обдумывает это.

— Как я узнаю, что могу доверять тебе?

— Ты этого не узнаешь, но я доверилась тебе. По крайней мере, ты можешь сделать то же самое и вернуть должок.

Его глаза вспыхивают, и я вижу его сомнения: «поверить мне» или «послать меня подальше». К счастью, с пораженным вздохом он оглядывается через плечо, затем смотрит на меня серьезными темными глазами.

— Я ищу своего брата.

— Своего брата?

Он близко наклоняется, так близко, что я чувствую его дыхание на своем подбородке, и оно щекочет мочку уха. Это посылает толпу мурашек по моей коже, и я наслаждаюсь этим. Не помню, когда в последний раз кто-то был в состоянии пробудить мою кожу к жизни.

— Он участвовал в прошлом году, и я больше не видел его.

Мое сердце проваливается в кроссовки. Если брат Джая участвовал в прошлом году и не объявился до сих пор... Я не хочу быть той, кто скажет это, но нет никакого шанса, что он жив. Здорово, Джай не теряет надежды, что его брат жив и здоров, но он убьет себя, пока будет искать ответы, я знаю это.

— Мне жаль это слышать...

— Джоэл не умер. Он слишком хороший боец, чтобы с ним произошло что-то подобное.

Я немного отодвигаюсь и смотрю в его глаза. В них искренность, разочарование, отчаяние — все это затрагивает струны моего сердца. Я чувствую ту же... необходимость найти члена семьи, о котором ты знаешь, что он существует, но не рядом с тобой. Разница в том, что мои родители, вероятно, живы. Реального шанса для Джоэла нет, но, если это способ, которым Джай переживает свое горе, то я буду поддерживать его.

— Как ты думаешь, что с ним произошло?

Джай прищуривается, и вокруг его глаз образуются морщинки. Он не хочет мне это объяснять.

— Ты слышала, как Череп сказал, что эти бои являются частью старого братства?

Я киваю.

— Вся эта херня — предыстория. На самом деле — это собеседование.

Он останавливается, чтобы позволить мне вникнуть в эту нелепую информацию. Я стараюсь обработать все это, но нет никакого смысла в его словах.

— Собеседование?

Как бы я ни старалась сохранить скептический тон своего голоса, терплю неудачу.

— Череп отбирает лучших бойцов для защиты его самого и своей незаконной империи, и он не может дать объявление в газету, правильно?

Ладно, это имеет смысл. Я прикасаюсь своей рукой ко лбу. Это какой-то очередной долбаный боевик, что-то вроде с Дензелом Вашингтоном или Томом Харди в главной роли.

— И ты планируешь?

— Найти моего брата и уничтожить Черепу.

— Так просто, да?

Никаких вокруг да около. Джай хочет умереть, и мне нужно убираться из этого ада, пока это не убило и меня. Прежде чем я поработаю над своим собственным планом, все же

есть одна небольшая проблема, о которой он, кажется, забыл.

— Если то, что ты говоришь — правда, и Череп набирает бойцов для своей банды, тогда твой брат — плохой парень. Если ему предложили работу, как ты говоришь, возможно, он согласился на нее.

Джай напрягает челюсть и смотрит на меня с мукой в глазах. Мгновенно я вижу, что он уже думал об этом. Также вижу, что он не верит в то, что брат может убить его, если Череп прикажет.

— Ты думаешь, что Череп дает всем выбор? Нет. Ты работаешь на него или умираешь. Все просто.

Он кусает нижнюю губу, и я удивлена, что он сам не сильно верит в свои слова.

— Джоэл может быть сложным... но он не плохой парень. Когда он увидит, что я пришел за ним, он что-нибудь придумает.

Не могу сказать, что самый лучший план должен включать в себя возможного «злодея», чтобы спастись, но могло быть и хуже. Я имею в виду, по крайней мере, у него есть хоть какой-то план.

— А если он не захочет?

Джай выдыхает, и черты его лица разглаживаются.

— Если он не захочет, я умру.

Глава 7

Вторая ошибка

После нашего обсуждения, Джай свалил. Я не спрашивала, куда он направляется, но заметила небольшую пачку денег, которую он засунул в карман рюкзака. У него есть план, один из пунктов которого состоит в том, чтобы заплатить кому-то деньги за определенные услуги. Возможно, он расплачивается с одним из головорезов Черепа за информацию... и это не нелепое предположение.

Он не возвращался до позднего вечера, а когда вернулся, ни разу не посмотрел на меня. Ни разу. Я наблюдала за ним, когда он лежал на своей раскладушке и бросал резиновый мячик в противоположную стену. Каждый следующий бросок был все сильнее и сильнее, но он ловил его каждый раз. Задремав, я видела сон о нем, сон, который заканчивался тем, что ему перерезали горло, а меня сбросили через перила. Этого оказалось достаточно, чтобы заставить меня открыть глаза и вернуться в реальность.

Мои глаза привыкли к темноте сразу же. Джай снова завесил своей футболкой светильник, позволяя проникать в помещение только слабому свету. В этом конце тоннеля тишина, но в отдалении я слышу пение и громкие разговоры, наподобие тех, которые можно услышать возле бара. Я смотрю на него, лежащего на спине с закинутой на лицо рукой. Он обнажен до пояса, и я не виню его. Воздух густой и липкий. Нет ни бриза, ни свежего воздуха, и это тяжело, и еще я выделяю хорошую порцию тепла своим телом.

Пока он не видит, я скольжу своим взглядом вниз по его телу. Лежа там, он выглядит как аппетитный красавчик, и мои внутренности трепещут. У него тело мужчины, это точно. Мышцы и линии в тех местах, которые я не видела у кого-либо, кроме как на обложках фитнес-журналов. Он создал свое тело, вылепил его, и меня интересует, как много женщин касалось его. Сколько женщин имело удовольствие запустить свои пальцы в его волосы или касаться губами его живота? Не могу не задаться вопросом, поскольку он до сих пор лежит неподвижно в одних трусах, как он выглядит ниже пояса. Конечно, мужчина его размера упакован приличным размером пениса... или, может быть, это объясняет размер его остальной части. Может быть, он вынужден компенсировать недостаток там? Я ухмыляюсь. Если озвучу свое мнение, захочет ли он показать мне? Я качаю головой. Какого черта я делаю?

Я заставляю себя прочистить голову и закрываю глаза, надеясь вытащить свой мозг из влагища. Проходит несколько секунд, я снова открываю глаза, и мой разум возвращается обратно в это грязное море вокруг. Это своего рода сексуально, что Джай заплатил так много денег, чтобы спасти мою жизнь. У меня никогда не было кого-то, кто бы без корысти сделал что-то для меня... и от этого я чувствую себя так, что не описать словами. Кроме того, вернув ему долг, смогу ли я когда-либо показать ему тем самым, как сильно его общение влияет на меня? Я никогда не была настоящим другом и знаю, что Джай и я далеко не друзья, но это ощущается потрясающе. Неудивительно, что люди все время окружают себя людьми. Приятно слышать свой собственный голос и знать, что тебя кто-то слушает.

В углу происходит какая-то возня, и я меняю положение на кровати, подтянув колени к груди. Я сцепляю свои пальцы, сразу заметив, что Джай добыл мне ботинки и носки. Как удобно.

— Джай? — шепчу я, обхватив себя руками.

Слышу очередную возню, затем отчетливый писк. Мое сердце останавливается. Чертовы крысы!

— Джай... — я пробую снова, на сей раз мой голос звучит испуганно и несчастно.

Однако он не двигается. Я думала, что это я крепко сплю. Я наклоняюсь в пространство между нашими кроватями и прикасаюсь к нему. Под моими пальцами мышцы на его груди натягиваются и, прежде чем я понимаю это, его рука обхватывает меня, и я пишу, поскольку он тянет меня из моей кровати к себе.

— Джай...

Каким-то образом он хватает меня в охапку и тянет к себе до тех пор, пока мое тело не падает поверх его, и я не в состоянии двигаться. Скованная. Джай оборачивает свои ноги вокруг моих и сдавливает до тех пор, пока мое колено не чувствует себя так, будто собирается выскочить из сустава.

— Остановись...

Освободив меня из своих рук, но не из ног, он выдергивает из ушей наушники, которые я не видела.

— Черт возьми, Котенок, не подкрадывайся ко мне, — приказывает он, и его грудь вибрирует напротив моей.

Я пытаюсь высвободить ноги, но он сгибает свои, и я морщусь от того, что мое колено ноет.

— Я звала тебя по имени дважды, и в последний раз, завязывай с Котенком. Это не мое имя.

— Что ты делаешь? — спрашивает он, игнорируя мой протест.

В тусклом свете я замечаю легкую улыбку на его губах и чувствую, как его грудь поднимается и опадает немного быстрее, чем это было секунду назад. Интересно, это потому, что я напугала его, или потому, что мое влажное тело прижалось к нему так плотно, и это влияет на него.

— Думаю, что я слышала крыс.

Мои пальцы дергаются на его гладкой груди, и уголок его рта делает то же самое.

— Крыс?

Я киваю.

— Больших.

Я слышу приглушенную музыку, которую он слушал через наушники. Звучит, как рэп. У меня редко было время слушать музыку после того, как поступила на сестринские курсы. Здесь приятно слышать нечто иное, чем крики и редкий звук капель воды. Джай замечает, что я смотрю на наушник, и поднимает его вверх.

— Хочешь послушать?

Я киваю, забыв обо всех крысах и нашей странной позе. Он убирает крупную прядь моих волос за ухо, перед тем как вставить наушник.

Я еще не слышала такую драматическую подборку лирики прежде. Она гипнотизирующая и настоящая, и миллион других вещей. Я не спрашиваю его, кто читает рэп или кто написал его, я просто нахожу утешение в неизвестности.

Джай ищет свой плеер, который спрятан где-то рядом с его телом. Находит его, и экран плеера загорается, когда он переключает песню. Я борюсь с собой, чтобы не надуть губы, не желая менять ту песню, которую слушаю.

— Ты можешь положить свою голову и полежать здесь некоторое время, — говорит он, слегка толкая мою голову вниз до тех пор, пока моя щека не упирается в его теплую грудь. — Ну, ты знаешь, из-за крыс на твоей стороне комнаты и всего остального...

Я улыбаюсь вопреки самой себе и прижимаюсь к нему. Вскоре музыка переходит от глубокого рэпа в медленный рок. У певца ровный баритон, который ласкает своей магией мой слух. Это заставляет меня думать о работе и о том, что, наверное, потеряла ее. Это заставляет меня думать о квартире и о выселении, которое собираюсь рассмотреть, если когда-нибудь выберусь отсюда. Странно, но музыка успокаивает. Когда в песне идет переход на хор, я думаю о моей жизни до этой поры... и о родителях. Я могла бы воспользоваться возможностью узнать у Черепа их имена. Если узнаю имена, то смогу их выследить. Я ничего не хочу от них, просто хочу, чтобы они знали, что я жива и со мной все в порядке, и что сделала это без них. Или, может быть, хочу немного пошпионить за ними, чтобы увидеть, остановятся ли они хоть на секунду и подумают обо мне.

— Как ты думаешь, Череп даст мне имена моих родителей, если спрошу?

Все тело Джая напрягается подо мной. Он не отвечает, по крайней мере, некоторое время, и в этой тишине я пытаюсь понять, что это значит. Да? Нет?

— Он поможет тебе, — признается он, в конце концов. — За определенную цену.

— Цену?

— У Черепа всегда есть цена.

Я поджимаю губы и покусываю внутреннюю часть нижней губы. Какая цена у Черепа?

— У меня нет денег.

Джай усмехается.

— У Черепа их много. Он не моргнет и глазом на любую цену, которую ты предложишь ему. Он захочет от тебя чего-то большего.

Я хмурюсь, пытаюсь расшифровать его расплывчатые слова. Что еще может быть нужно Черепу от меня? У меня нет никаких навыков, ничего, что может принести пользу, ох. Ох! Я поднимаю голову, чтобы посмотреть Джаю в лицо.

— Думаешь, он захочет сексуальную плату? — спрашиваю я, приподнимая брови.

Он открывает глаза.

— С тобой? Несомненно.

Что это значит? Потому что я простая женщина или потому что Джай думает, что я недостаточно красива, чтобы привлечь внимание Черепа? Если Череп такой величественный, как утверждает Джай, то женщины стекаются к нему, и не просто обычные женщины, а красивые женщины. Богатство и власть всегда притягивает красивых женщин.

Джай стонет.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты не собираешься отдаваться Черепу за информацию?

Я вздрагиваю. Никогда не использовала секс, чтобы получить то, что хочу. Никогда.

— Что? Я никогда такого не сделала бы. И это не твое дело, даже если я сделаю это. Ты спас мою жизнь, и я должна тебе хренову тучу денег, но это не значит, что ты владеешь мной.

Мощным движением бедер Джай сбрасывает меня с себя. И прежде чем я улетаю с кровати, он умудряется поймать меня за талию и уложить под тяжесть своего тела. Для большого парня он перемещается молниеносно, как будто весит лишь четверть от своего веса. Наушник выпадает из моего уха, я хватаюсь руками за его ноги, расположенные по обеим сторонам от меня, и его бедра прижимают меня к сетке под нами. Его дыхание

горячее и быстрое, оно смешивается с моим меньше чем в нескольких сантиметрах от наших губ. Я никогда не имела дела ни с кем таким требовательным, как Джай. Одно слово — это все, что нужно ему, чтобы переключиться от прохладного и спокойного, к горячему и раздраженному. Как ни странно, это сексуально. Он хватает меня за запястья, телом надавливая на мой таз, и от вида его полууголого тела на мне, моя кровь неистово хлещет по венам.

— Я владею тобой, — говорит он, его голос разжигает огонь в моей крови. — Я владею тобой с той секунды, когда прижал у склада.

Я с трудом сглатываю, не в состоянии остановить быстро вздымающуюся грудь. Я качаю головой.

— Нет. Мы живем в двадцать первом веке. Это так не работает.

Его интенсивный пристальный взгляд падает на мои губы, выпуская поток бабочек в животе.

— Тогда как это работает? Расскажи мне.

Его глаза вновь возвращаются к моему лицу. Я не знаю, как это работает. Не думаю, что ты можешь владеть кем-то; разве что не по их воле. Тебе может принадлежать сердце, но все остальное даже не обсуждается. Я еще не встречала того, кому позволю владеть мной во всех смыслах этого слова.

Это могущественное слово.

Владеть кем-то — это можно приравнять к любви. Владеть кем-то означает, что у человека есть возможность разорвать на части того, кем он владеет, равно, как и возможность собрать его обратно воедино... или нет. Совершенно не похоже на что-то, чему я с легкостью поддаюсь, если подобное случится.

— Я не знаю, — говорю я, наконец. — Но это не работает таким образом.

Я задерживаю дыхание, пока он опускает голову, останавливаясь только тогда, когда его губы задевают мои. Я задыхаюсь, когда Джай впервые прикасается ко мне губами. Они посылают молнии сквозь меня, пробуждающие каждый нерв, и воспаляя меня. Его губы сухие, но невероятно мягкие. Его дыхание пахнет мятой и свежей водой. Я была и видела большой тоннель, очень похожий на тот, в котором висит клетка, они используют его в качестве туалета, но я не видела никаких бассейнов, чтобы почистить зубы.

— Ты бы прыгнула через обручи для меня? — спрашивает он низким хриплым голосом, когда немного сильнее прижимается к моему тазу.

Я качаю головой, но так чертовски согласна исполнить это. Я прямо сейчас могу прыгнуть через что-нибудь ради него, если он пообещает подарить мне длинное и твердое удовольствие после. Его естество хорошо ощущается через разделяющую нас ткань, которую мы носим. В более глубоких мыслях, каково было бы заняться грязным и жестким сексом прямо здесь, зная, что кто-то, проходя мимо, может увидеть или услышать нас? Кто-то с великолепной памятью? Я воспаляюсь, даже просто думая об этом.

— Я могу заставить тебя, — говорит он, перемещая руку на мою ключицу.

Я задыхаюсь, когда он проникает своим указательным пальцем под вырез моей майки и скользит им вниз к декольте. Он ухмыляется, заметив, как стремительно вздымается моя грудь. Как будто он трогает мои легкие, заставляя их показать, насколько сильно они хотят вдохнуть его, быть наполненными ним. Джай двигается быстро, сразу перейдя ко второй базе, а он еще даже не поцеловал меня.

— Я могу доказать тебе, как легко попасть под чье-то влияние.

— Не думаю, что у тебя получится. Мной никогда не будет управлять мужчина...

Он сокращает крошечное расстояние между нашими ртами и моментально захватывает мои губы, сбрасывая ракету в мое тело. Его поцелуй отправляет мои органы в бурный водоворот. Он не ждет разрешения проникнуть в мой рот. Вместо этого он кусает мою нижнюю губу и глотает мой вздох, когда проникает языком внутрь. Когда наши языки касаются, рычание вибрирует глубоко в его груди, и он придвигает меня ближе, заставляя чувствовать его эрекцию между ног. Я съеживаюсь от болезненных импульсов в вершине моих бедер. Даже молния моих шорт становится инструментом, чтобы возбудить меня.

Вот что я хочу.

Возбудиться.

Я хочу возбудиться, и хочу, чтобы Джай был единственным, кто делает это. Грубая рука — это то, что мне нужно. Это то, чего я жажду, и он читает мои мысли. Рукой он спускается по моей ложбинке вниз, по контуру моего тела к кнопке шорт. С быстрым рывком кнопка открывается. Он продолжает жестко трахать мой рот, пока скользит пальцами под ткань моего нижнего белья. Он — все, что я чувствую, все, о чем я думаю. Он пожирает меня, угрожая оставить сломленной, если не закончит начатое.

— Ты хочешь меня здесь? — спрашивает он в мой рот и скользит пальцем по моим большим половым губам, заставляя содрогаться и извиваться в его руках.

Я чувствую, как моя влажность с отчаянием покрывает его указательный палец. Как в лихорадке, я киваю головой, и слабо хныкаю, когда он размазывает мои соки кончиком указательного пальца по губам.

— Я не думаю, что ты сильно хочешь этого.

В этот раз я киваю немного более отчаянно.

— Я хочу. Боже. Трахни меня. Я хочу.

Его глаза вспыхивают, и я чувствую его по всему моему телу. Все, что я делаю, это то, чего он хочет. Я вижу это.

— Дай мне свои сиськи, Котенок, и я покажу тебе звезды.

В рекордно короткое время и трясущимися руками, я задираю вверх борцовку и стаскиваю хлопчатобумажный бюстгальтер. Он плотно сидит под моей грудью, подталкивая ее вверх. Я смотрю на Джая. Он смотрит на них, похотливо прищурился. Он прикусывает зубами нижнюю губу и с хриплым стоном входит пальцем глубоко в меня. У меня перехватывает дыхание, и я хватаюсь за края раскладушки. Трахни меня.

— Ты послушная в таком положении, — говорит он, и я слышу улыбку в его голосе. — Может быть, мне следовало сделать это с самого начала. Может быть, тогда ты бы не причинила мне столько неприятностей.

Джай сгибает палец, и все мое тело дрожит, когда он гладит одно место. То место, которое заставляет девушку потерять разум.

— Я люблю неприятности, — вздыхаю я. — Они меня заводят.

И это работает. Люди говорят придерживаться того, что знаешь, но я говорю придерживаться неизвестности. Беда таится в неизвестности, и волнение рождается в неизвестности. Неизвестность — это то, что держит меня на плаву.

Все мое тело сжимается от волнующего ощущения его прикосновений внутри меня. Он проталкивает еще один палец, и я закрываю глаза, чтобы получить контроль, иначе просто рассыплюсь под ним. Я скольжу своей рукой по его твердому торсу вниз, сохраняя каждый его миллиметр в своей памяти. Не хочу забывать ни одной мелочи. Никогда.

Надавливаю на его ладонь, принуждая погрузиться еще глубже. Мои соски болят, и я тянусь, чтобы потереться своей грудью об его, но у него другие планы. Когда я выгибаю спину, он опускает голову и ловит мой сосок зубами. Я шиплю, а затем стою, когда его язык успокаивает жжение, которое он создал. Я в пяти секундах от взрыва. Он тоже это знает. Освободив мой сосок от своих сладких пыток, он придвигает свой рот к моему уху, и я вздыхаю, когда его щека слегка касается моей.

— Я владею тобой, Эмили? — шепчет он мне на ухо.

В этот момент я согласна носить ошейник с именем «Котенок», усеянный поддельными бриллиантами. Можно с уверенностью сказать, что я растаяла в его руках.

— Да, — вздыхаю я, вращая бедрами и заставляя его пальцы войти глубже внутрь. — Боже, да.

— Я же тебе говорил, — бормочет он, но на это я не обращаю внимания.

Конвульсии сотрясают меня, и я слышу звук его дыхания. Он отклоняется назад достаточно, чтобы смотреть мне в лицо, когда я кончаю. Я — смесь стонов и дрожи, и каждый следующий более сильный, чем предыдущий. Он двигает пальцами во мне сильнее и быстрее, и с невероятной скоростью я несусь, как ракета, взрываясь на тысячи частей.

В конце концов, довольно шумно, я возвращаюсь на землю. Когда я успокаиваю свое дыхание, Джай смотрит на меня, его серьезное лицо прямо напротив моего.

— Если пойдешь к Черепу за помощью, ты не выберешься. Он завладеет тобой.

Я моргаю в замешательстве. Все это... было, чтобы доказать мне, как легко потерять голову, когда ты возбужден? И я, черт возьми, провалилась.

Джай надевает мой лифчик обратно и стягивает вниз борцовку. Затем разворачивает нас, и я снова нахожусь на нем сверху. Откинув волосы подальше от моей влажной кожи лица, он находит мое ухо и засовывает наушник обратно. Медленный рок играет еще раз.

Бедрами я чувствую, что он все еще возбужден, но я слишком смущена, чтобы предложить чем-нибудь помочь. Я просто доказала, как легко управлять кем-то... просто доказала, как легко Черепу овладеть мной... и только что меня ласкал пальцем незнакомец в подполье...

Черт.

Может быть, придерживаться неизвестности — не самая лучшая идея.

Глава 8

Выпивка

Я так и не уснула, но притворилась спящей, когда ворочалась утром, и Джай проснулся. Прошлой ночью он заснул почти сразу после того, как ласкал меня, но я не смогла. Мой желудок скрутился, восхитительно и болезненно, я прослушала сотни песен, которые провели меня через сотню разных эмоций. Под агрессивный рэп в одном ухе, и его стабильное сердцебиение в другом, я пыталась проанализировать свои действия, но продолжала возвращаться к одной истине.

Я идиотка.

После того, как Джай ушел час назад, я вернулась на свою раскладушку. Знаю точно, что должна поговорить с ним о прошлой ночи. Хотя это ничего не значит на эмоциональном уровне, мне нужно расставить все на свои места. Большую часть времени я не такая девушка, и то, что произошло, было... было... не то, что я могла бы спрогнозировать. Никогда. Я не знаю, как долго собираюсь быть здесь, но не могу спать рядом с Джаем и притворяться, что ничего не произошло. Если я заговорю об этом, мы сможем оставить это позади и двигаться дальше. Вот что делают взрослые, верно?

Еще минут десять проходит, и я решаю, что будет лучше выйти и найти его, чем вариться в своей собственной жалости, пока он не вернется. Я спускаю свои ноги с постели и съезживаюсь, когда они касаются бетона. Встаю и опускаю взгляд на свою одежду. Моя майка съехала, а лифчик неудобно скрутился с одной стороны. Я поправляю это и замечаю, что шорты расстегнуты, обнажая мое нижнее белье. Вздохнув, я застегиваю кнопку и молнию. Чувствую себя грязной, поэтому еще раз осматриваю себя. Интересно, увидит ли кто-нибудь, что происходило здесь прошлой ночью, просто взглянув на меня... я чувствую, будто это написано на моем лице. Когда эта мысль уходит, высокая женщина с длинными светлыми волосами проходит мимо и приподнимает свои идеально выщипанные брови. Я хмурюсь, и понимаю. Она знает. Эхо в этих тоннелях такое отчетливое, и если она спит в таком же тоннеле, как и мы, нам от них не скрыться.

Я проскальзываю в черные ботинки, отказавшись от носков, и вхожу в главный тоннель. Когда прохожу мимо разных уголков, закоулков и служебных проходов, вижу, что большинство людей еще спят. Я их не виню. Тут не так много дел, чем еще можно заняться. Где-то вдалеке я слышу, как плачет женщина и орет мужчина, называя ее эгоисткой. Бедная девушка. Я бы возненавидела, если бы мои дела и проблемы были постоянно так открыты для всех.

Я не знаю точно, как долго хожу. В основном придерживаюсь тех мест, которые знаю, слишком напуганная, чтобы рисковать и идти в тоннель, в который еще не ходила. Я легко заблужусь. У меня всегда так. Когда мои ноги начинают болеть от тонких резиновых подошв ботинок, я решаю пойти в наш тоннель и ждать Джая там. Я расстроена, но останавливаюсь как раз тогда, когда прохожу мимо клетки. Перевожу взгляд от пола и натываюсь на старую пару сандалий. Толстые, волосатые кончики пальцев торчат и шевелятся, когда я смотрю на них. Скривившись, я насильно оглядываю голые икры и драные шорты, быстро переводя взгляд на слегка волосатую грудь и на гневное лицо с пауком — татуировкой прямо в углу его рта. Я стону. Только не этот мудака снова. Он не привлекательный мужчина, и угрюмое

выражение его лица не помогает вообще.

— Я могу тебе помочь? — спрашиваю я с твердостью в голосе.

Джая нет рядом со мной, поэтому нужно играть по-умному, но могу сказать по поведению мужика, что у него есть проблема, и он должен знать — я не буду терпеть его.

Он придвигается ближе, и угрюмый вид превращается в кривую ухмылку.

— Это была ты, не так ли? Девчонка, которую я слышал прошлой ночью.

Мое лицо горит, как в огне, и я знаю, что под лучами прожекторов он может видеть это. Качая головой, я заикаюсь, неспособная сформулировать правильное предложение.

Сдавшись, я стараюсь проскользнуть мимо него, но он блокирует путь.

— Мне нравится твой голос, — мурлычет он, протягивая руку, чтобы коснуться моих губ.

Я бью его по руке, и мои щеки становятся красными уже от гнева, а не от смущения.

— Ты ошибся девчонкой.

Он делает шаг вперед и хватает горсть моих волос. Боль обжигает мою кожу, и я морщусь. Задыхаясь, я обхватываю его руку в попытке вырваться из его пальцев, но он только ужесточает хватку. Он ухмыляется из-за звуков, которые я издаю.

— Ох, я уверен, что у меня правильная девчонка.

Я съеживаюсь и зажмуриваюсь, поскольку он облизывает мою щеку своим грубым, слюнявым языком. Рвотный рефлекс начинает подавать голос спазмами в горле, когда влага впитывается в мои поры. Меня сейчас вырвет.

— Серьезно, Котенок? Ты не можешь держаться подальше от неприятностей в течение часа?

При звуке знакомого голоса я резко распахиваю глаза. Мой нападавший выпускает мои волосы, и я падаю назад, пока рукой не нахожу слабые перила. Когда я поднимаю свою майку, чтобы вытереть себе лицо, то вижу, как мощный кулак Джая встречается с челюстью нападавшего. Если бы это был мультик, то паук был бы вынужден слететь с его кожи. Я отхожу назад, когда ничтожество падает на пол, хватаясь за челюсть, и громко стонет. Джай перешагивает через него и идет ко мне. Я сжимаюсь от размера и агрессии его шагов. Он сгибает свою руку, сжимает пальцы в кулак, затем расслабляет ее еще раз.

— Что ты делаешь? — требует он, его челюсть сжимается.

Я тру свое лицо борцовкой.

— Я искала тебя.

— Тебе не следует разгуливать здесь без меня. Ты можешь пострадать.

Я опускаю борцовку и хмурюсь. Я вижу многих женщин, которые ходят здесь, некоторые даже не носят одежду. Если хочу гулять, то я должна иметь на это право. Мне не надо, чтобы меня нянчил Джай. Я взрослая женщина.

— Ты можешь называть меня Котенком, но это не я. Я могу сама о себе позаботиться.

Он сдвигает брови, и его рот превращается в улыбку полную издевательства. Я ненавижу его. Ненавижу, когда ко мне относятся, как к ребенку.

— Ладно, мисс Львица, скажи мне, что ты собиралась делать с этой ситуацией?

Я скрещиваю руки на груди.

— Если бы ты дал мне немного больше времени, я бы сделала что-нибудь.

Он качает головой.

— Когда ты находишься в такой ситуации, у тебя нет времени. Фокус в том, чтобы избежать ситуации, прежде чем она случится. Он завладел тобой при помощи твоих же

волос. Тебе было бы так же хорошо, как и ему сейчас, если бы не я.

Так же хорошо, как и ему? Он подразумевает, что я не смогла бы от него отбиться? Может я и небольшая женщина, но я, черт возьми, сильная. Я лучше умру, чем позволю кому-то сделать то, чего не хочу.

— Ты мудака! — рычит мужик, поднявшись на ноги.

Мы с Джаем наблюдаем за ним, а также за тем, как кровь сочится из его рта вниз по подбородку.

— Твое гребаное извинение...

Я делаю рывок вперед и поднимаю колено. В то время когда его внимание сосредоточено на Джае, я вскидываю ногу вперед со всей силы и идеально соприкасаюсь прямо с детородным органом. Он кричит мне в лицо и сжимает мое плечо. Его дыхание пахнет гадостью, как медь и ржавчина, и он сжимает колени вместе. Я вырываюсь из его хватки, и он падает на пол. Я не знаю, вернется ли удар и будет ли он преследовать меня, но сейчас мне приятно было это сделать. Мой сердечный ритм повышен до опасного уровня, угрожая лопнуть в моей груди. Я оглядываюсь на Джая, и он улыбается мне. Это обнадеживает.

Я улыбаюсь ему в ответ.

— Скажи это.

Он склоняет голову.

— Сказать что?

— Ты впечатлен. Признай это.

Джай улыбается такой широкой улыбкой, которую я не видела прежде. Она освещает черты его лица и показывает идеально белые зубы.

— Хочешь, я куплю тебе выпить вместо этого?

Я приподнимаю брови, заинтересовавшись.

— Где и когда я смогу ее получить?

Он кивает головой в сторону тоннеля за его спиной, в противоположном направлении от нашего укромного уголка. Я не рискнула идти дальше в этот тоннель, но если есть место, где можно «купить» напитки, я согласна.

Мы проходим мимо многих бойцов. Кто-то пьяный. Некоторые трезвые. Все страшные. По большей части я держу голову опущенной и держусь поближе к Джаю. Мы идем примерно километр вниз по одному тоннелю, и выходим на еще одно открытое пространство. Кто бы ни проектировал эту подземную систему, он был умен. Каждый километр или около того, есть большие открытые тоннели в полу, что позволяет лишней воде из предыдущего тоннеля не застаиваться, а стекать вниз. Будучи так близко к реке, так как это промышленный район, я предполагаю, что они также приняли во внимание любые возможные наводнения из-за разлива реки, не позволив произойти затоплению нижних районов.

Что меня поражает больше всего в этом конкретном пространстве — это голые люди. Мужчины. Женщины. Все. Голые, как в день, когда родились. Я замечаю, что запах здесь отличается от других тоннелей. Различные фруктовые ароматы граната, персика, ананаса и яблока, а также и мужские, наполняют мои ноздри. Мое внимание останавливается на непрерывном потоке чистой воды, которая просачивается из небольшой трубы выше. Она выплевывает воду, позволяя, по меньшей мере, двенадцати людям внизу постирать одежду и помыть свои тела. Конечно, это не тот душ, который может качественно смыть всю дневную

грязь или облегчить боли в спине, но, по крайней мере, это хоть что-то.

— Это зона для мытья.

Я хватаю его за руку и сжимаю.

— Подожди. Зона для мытья? Там зона для мытья?

Я смотрю, как люди чистят зубы и стирают одежду. Все это время? Все это время там была зона для мытья, и он никогда не говорил мне?

Джай кивает, и я сердито смотрю на него снизу вверх.

— Я нашел ее прошлой ночью.

Это объясняет, почему он настолько приятный на ощупь, и его дыхание пахнет мятой. Свежей восхитительной мятой.

— И ты не сказал мне?

Он ухмыляется.

— Я отвлекся.

Я отворачиваюсь от него, когда его глаза ищут реакцию на моем лице. Думала, что будет легко общаться после прошлой ночи, но одной мысли уже достаточно, чтобы моя кровь закипела в восхищении. Боже. Почему у него должно быть такое красивое лицо? С мальчиками гораздо проще общаться, когда ты не хочешь облизать их с головы до... ну, головы. Мне нравятся такие мальчики. Они заставляют меня чувствовать себя нормальной, а не больной.

— Теперь ты знаешь, что здесь, пойдём в бар и выпьем. Можно помыться позже.

Я качаю головой. К черту позже. Мне нужно быть чистой сейчас же. Я нуждаюсь в этом больше, чем в воздухе, мне это нужно больше, чем что-либо вообще. Толстый слой жира покрывает поверхность моей кожи, волосы жирные, и я ношу те же трусы два или три дня подряд. Я убью любого, кто встанет на моем пути.

— Где бар? — спрашиваю я, решив не говорить, как нереально звучит слово «бар» тут, в подземелье.

Он протягивает руку, состоящую из одних только мускулов, и показывает на тоннель прямо перед нами. Из всех укромных уголков и закоулков, Джай показал на тот, который находится возле туалетов. Моя удача. Я была бы намного счастливее здесь, внизу.

— Ты иди, я встречу с тобой там.

Он оглядывает меня и вздыхает. Он знает, что это безнадежное дело, поэтому просто уходит. Когда он уходит, пузырьки волнения появляются во мне. Я улыбаюсь широко, тупо, и медленно двигаюсь в сторону падающей воды. Я останавливаюсь в нескольких метрах от женщины, моющей свои длинные золотисто-каштановые волосы. У ее ног стоят все средства для тела и шампунь, и это пахнет божественно.

Ее тело в отличной форме. Когда я говорю отличное, то говорю о стройных бедрах, плоском животе, больших натуральных сиськах и длинных ногах. Да, нет никакого способа, что я разденусь перед ней.

Я запускаю руки в воду, и позволяю теплой жидкости скользить по коже. Это чувство... неопишное. Я закрываю глаза, и ленивая улыбка появляется на моих губах. Через секунду открываю глаза, и женщина рядом со мной начинает мыть свои игрушки из пластика. Я стараюсь не пялиться, когда она наклоняется, чтобы достать детскую салфетку из упаковки, но терплю неудачу. К моему удивлению, она выпрямляется и протягивает чистую салфетку для меня.

— Забыла свои вещи, не так ли? — говорит она с русским акцентом.

Я начинаю трясти головой и хочу объяснить свою ситуацию, но потом передумываю.

— Да, вау, спасибо.

Женщина улыбается лучезарной улыбкой, и, к сожалению, ее улыбка не соответствует остальной части ее тела. Отсутствующие зубы — это не то, что я ожидала увидеть у кого-то настолько совершенного во всех других отношениях. Я опускаю салфетку под воду, затем прикладываю ее к лицу. Я держу ее, позволяя порам впитать столько влаги, сколько у них получится, прежде чем вычищу их до чистоты.

— Ты не раздеваешься? — спрашивает она, намыливая свою грудь мылом.

— Нет. Не перед всеми этими людьми, — говорю я, оглядываясь я по сторонам.

Мужчины и женщины выстроились у стены, наблюдая и наслаждаясь толпами обнаженных людей. Последнее, чего я хочу, так это внимания неправильного типа. Я хочу избежать повторной ситуации, вроде той, которая была с «Паучьей мордой».

— Твой парень не остался защищать тебя? Если бы он остался, смогла бы раздеться.

Мой парень? Ох, она имеет в виду Джая. Я фыркаю.

— Нет. Он ждет в баре.

Женщина указывает на высокого широкоплечего лысого мужчину.

— Видишь его? Он мой парень.

Ее парень наблюдает за ней, его взгляд не покидает ее тела. Я не виню его. Мне тоже трудно не смотреть на нее. Она безупречна. Я тру свою шею.

— Как долго вы вместе?

— Полтора дня.

Я замолкаю в замешательстве. Я неправильно расслышала? Она сказала «полтора дня»?

— Вы встретились здесь?

Она кивает.

— Мне потребовалось много времени, чтобы осознать это, но лучше найти возлюбленного и покровителя здесь.

Я хмурюсь.

— Почему?

Ее яркие зеленые глаза сияют от смеха, и она подталкивает меня.

— Для обеспечения безопасности и надежности. Здесь не безопасно для женщин. Мы должны выжить.

Она достает бутылку шампуня и протягивает мне. Я, не задумываясь, протягиваю свою руку, и она выжимает щедрое количество в мою ладонь. С теплой улыбкой она собирает свои вещи и несется через всю комнату к своему «возлюбленному». Он шлепает ее по заднице. Фу. Представьте, что вас касается человек, которого вы едва знаете. Я ловлю себя на этой мысли. Ну, что сказать. Я знаю Джая несколько дней, и он уже касался моего самого интимного места.

Я откидываю голову назад, и позволяю воде намочить мои волосы, затем намыливаю шампунем и даю ему впитаться в течение нескольких минут. Пока он делает свое дело, я собираю пену от шампуня с корней волос и мою им все тело. Когда закрываю глаза, представляю себе, что я одна, в своей квартире и наслаждаюсь приятным теплым душем.

После того, как промываю волосы, делаю попытку снять свои трусики, не снимая шорты. Как-то мне это удается. Я даже успеваю взять гель для тела у девушки слева от меня, чтобы постирать их. Не знаю, что является более тревожным фактом, то, что я стираю нижнее белье гелем для тела или то, как взволнована тем, что буду носить чистую

непривлекательную хлопчатобумажную ткань снова уже через несколько часов. Кто знал, что потребуется оказаться в ловушке под землей без туалетных принадлежностей, чтобы я полюбила хлопчатобумажное нижнее белье.

Я начинаю засовывать свои трусики в карман шорт, но передумываю. Вместо этого я направляюсь обратно в сторону нашего тоннеля, чтобы выложить их на свою кровать. Я хочу высушить их и поменять одежду, которая на мне. Теперь моя кожа чистая, а ткань, которая касается ее, ощущается... испачканной. Я переоденусь во что-то другое, а затем встречу с Джаем в баре, чтобы выпить.

Я скрещиваю пальцы в надежде на то, что выпивка алкогольная, потому что бухло — это единственное, что поможет мне сохранить невозмутимое выражение лица, когда буду сидеть перед Джаем чистая и без трусиков.

Теплый ветер обдувает мои обнаженные голени. О, Боже, это такое приятное ощущение чистоты. Есть ли ощущение лучше, чем прохладные влажные волосы на твоей теплой спине, когда ты страдаешь от жары и дышишь горячим воздухом?

Я глажу пальцами свой голый живот. Никогда раньше не одевалась так, как сейчас. Никогда не показывала свой пупок и не обнажала бедра. Тем не менее, я продолжаю держать свою голову высоко поднятой и с уверенностью иду обратно к уборной. Сейчас здесь еще больше моющихся людей, чем раньше. Они выглядят счастливыми, полностью расслабленными, и от этого мне хочется снять одежду и делать это снова и снова. Я смотрю на быстрый поток воды, льющийся из трубы. Удивительно, что такое маленькое количество воды ощущается, как проливной ливень, когда нуждаешься в этом больше всего. Я, например, никогда больше не буду жаловаться на напор в душе у себя дома.

Я продолжаю идти и направляюсь в тоннель, на который Джай указал ранее. Дохожу до конца и попадаю прямо в бар. Конечно, на самом деле это не бар, а лишь его подобие. Место, где можно купить выпивку. Я сканирую большую площадь и оглядываю людей, толпящихся возле ящиков с жестяными банками в руках и рассказывающих эпические истории друг другу. Здесь нет музыки, только звук веселого разговора. Как я люблю.

На другой стороне комнаты вижу поднятую вверх руку, и она принадлежит Джаю. Он опирается на ящик, на котором стоят две жестяные банки, наполненные какой-то жидкостью. Я подхожу и смотрю на них.

— Виски, — объявляет он, подталкивая ко мне банку, и его взгляд пробегается по моему голому животу.

От его сканирующего пристального взгляда я чувствую себя застенчивой, но в то же время разгоряченной. Несколько секунд в его присутствии, и мой пульс неистово бьется, а кожу покалывает. Я надеялась, что получив даже маленькую частичку Джая, жар между моих ног уменьшится, но наоборот, он только усилился. Я хочу облизать его грудь и поцеловать в губы. Хочу почувствовать его грубые руки по всему своему телу и между ног еще раз. Стараясь изо всех сил не сжимать бедра, я опускаюсь на небольшой табурет напротив него, благодарная, что ящик скрывает большую часть моего голого живота.

— Я думал, что этот топ — не твой стиль.

— Не мой, — говорю я, беря банку. — Но это единственная вещь, подходящая к моим леггинсам.

Джай подносит свою банку к губам.

— Миленькие леггинсы.

Я вынуждена согласиться. Мало того что они подходят и удобные, так на них еще и был ценник. Тот, кто владел ими до меня, заплатил за них кругленькую сумму. Если бы я потеряла их, то очень бы разозлилась. Я делаю глоток виски и морщусь, когда он обжигает мое горло. Я кашляю и прикрываю рот.

— На вкус как бензин.

Морщинки появляются вокруг его глаз, когда он улыбается, делая глоток своего виски.

— Так же как и очень дорогой виски.

Я поднимаю брови.

— Интересное заявление от того, кто ездит на метро.

— У меня есть машина, но мне нравится ездить на метро. Нравится хаотичность всего этого.

Не думаю, что когда-либо встречала кого-то, кто любил бы ездить на метро. Я ненавижу его — запахи, люди, остановки... фууу.

— Что водишь, когда не едешь в метро и не разбиваешь планшет какой-нибудь невинной женщины?

Его глаза вспыхивают, и могу сказать, что наткнулась на тему, которой он увлечен.

— «Форд Мустанг», «Шелби», GT500.

Я смотрю на него. Все, что я слышала, были просто слова. Я не понимаю смысла этих слов. Я спрашиваю кого-то, на чем они ездят, и единственное, что ожидаю услышать — это цвет или марку. «Синий» или «Ниссан» сойдет. Это я могу понять. Но когда из их рта выходит более чем одно название, сопровождаемое кучей цифр, я теряюсь. Джай понял это.

— Красная, с черными полосками посередине.

Я улыбаюсь.

— Быстрая?

Глупый вопрос. Она красная, конечно, это означает, что она быстрая. Джай немного склоняет голову набок. Это даже мило.

— Она все делает хорошо. К чему эти вопросы?

Я пожимаю плечами.

— Мы спим в одной комнате и, мне кажется, должны немножко узнать друг о друге.

Джай наклоняется вперед, упираясь локтями в стол. Я опускаю взгляд и смотрю, как он водит указательным пальцем по краю жестяной банки. Я жду, что в любой момент кровь покатится по тусклому металлу, но его прикосновения легкие и осторожные.

— Ты действительно думаешь, что узнав обо мне чуть больше, почувствуешь себя лучше из-за того, что позволила мне сделать прошлой ночью?

Его тон смущает меня. Он наполовину игривый, наполовину серьезный. Интересно, кто первый решит обсудить вчерашнюю ситуацию. Я сделала бы это обходными путями, но думаю, что стиль Джая более... сразу переходит прямо к сути дела.

— Это не имеет ничего общего с прошлой ночью. Мне не нужно чувствовать себя лучше. Я контролирую свои действия, — хмурюсь я. — Погоди. Ты намекаешь, что я должна плохо думать о себе из-за случившегося?

— Не совсем.

Я сжимаю свою жестяную банку.

— Тогда о чем ты говоришь?

Он пытается не улыбаться. Кажется, почти все, что я говорю, веселит его. Он не воспринимает этот разговор всерьез, как я, и это меня бесит.

— Что сказать... что сделано, то сделано. Даже если я расскажу тебе всю историю своей жизни, мы все равно останемся незнакомцами, за исключением «того» момента.

Его взгляд скользит по моим пылающим щекам и заслезившимся глазам. Не думаю, что когда-либо у меня был более смущающий разговор. Это первый раз, когда я разговариваю с парнем, который реально довел меня до оргазма.

Я закрываю лицо руками.

— Это унижительно.

Джай смеется.

— Не смущайся. Ты была идеальна.

Идеальна? Я выглядываю сквозь пальцы. Нет никакой улыбочки на его лице. Чтобы ни происходило, глубина его глаз цвета океана заставляет меня чувствовать себя шестнадцатилетней девочкой, снова и снова.

Девственницей.

Любопытной.

Бесстыдной.

Это целое искусство — сказать правильные слова, которые заставят девушку чувствовать себя лужицей желе, и полагаю, что Джай владеет им в совершенстве.

Убрал руки с лица, я вздыхаю.

— Можем ли мы поговорить о чем-то еще?

Он изучает меня, пока я кусаю нижнюю губу.

— Мы можем, но думаю, что предпочитаю и дальше заставлять тебя краснеть.

Я закатываю глаза. Конечно, он это предпочитает.

— Пожалуйста? Я считаю эту тему для разговора некомфортной, даже при нормальных обстоятельствах.

Он вздыхает и откидывается на спинку стула.

— Хорошо. Мы можем сменить тему, но я пересмотрю свое решение, когда ты выпьешь немного больше. Я хочу знать, куда исчезли твои трусики?

У меня занимает несколько долгих секунд, чтобы обработать то, что он сказал. Когда до меня, наконец, доходит, мои щеки вспыхивают еще сильнее, чем прежде. Как он может такое спрашивать? Он смотрит на меня, его глаза блестят, а на губах играет дразнящая кривоватая усмешка.

— Они на мне, — говорю я ему, но уверенность, на которую надеялась, не отражается в моем голосе.

Он склоняется ближе, и мой взгляд сосредотачивается на его нижней губе, по которой он проводит языком. Дразнит меня или просто облизывает ее, у меня нет идей.

— Я знаю, что их нет, — его голос невыносимо интимный, и я сжимаю бедра. — И от этого мне реально трудно сейчас оставаться с другой стороны стола.

Я с трудом сглатываю, мой взгляд снова возвращается к его губам.

— Здесь не место.

Моя попытка протеста не удалась. Мой учитель по театральному искусству всегда говорил: если ты не можешь убедить себя — ты не убедишь никого, и это правда. Джай не купился, ни на йоту.

Его глаза блестят непристойным возбуждением, пальцы стучат по банке.

— Это место никогда не будет хорошим, Котенок, ты права. Я решил, что мне не нравится идея, что кто-то может слышать твой хриплый голос, когда я заставляю тебя кончить.

Я вдыхаю и задерживаю дыхание, пока мои легкие не начинают гореть. Как он может говорить о таких вещах? Как такие слова могут выходить из его рта и при этом делать мою киску такой изнашивающей? Я подношу свою банку ко рту и делаю один большой глоток. Глотаю жидкость и стискиваю зубы, прежде чем поставить банку обратно на ящик. Он понимает намек и с сексуальной полуулыбкой хватает банку, встает со своего места и медленно идет по комнате.

Черт возьми.

Я собираю волосы одной рукой, открывая шею, пока другой рукой обмахиваю лицо. Как я собираюсь провести остаток дня, не позволив Джаю трахнуть меня возле стены тоннеля?

Используя только слова, он возбудил каждый нерв в моем теле. Если бы мы были в другом месте и одни, я бы уже заставила его сорвать с меня леггинсы зубами. Могу с уверенностью сказать, что он хочет этого.

Я тоже хочу этого.

Больше, чем что-либо.

Когда Джай возвращается с полными банками, разговор продолжается. Я благодарна. Мои соски испытывают острую боль от трения о ткань моего топа.

— Мне очень жаль, что я сломал твой планшет, — признается он после того, как я рассказала ему о своей учебе и как много делала для этого.

Его глаза больше не такие угрюмые и настороженные. Виски смягчил его взгляд, превращая глаза в усталые щелки. Мои глаза чувствуют ту же усталость и тяжелеют от непристойных мыслей. Я останавливаюсь на третьей банке, решив, что это не то место, где можно полностью потерять свой разум.

— Спасибо. Хотя, если бы ты сделал это прежде, чем тащить меня в это местечко, я бы не была во всем этом беспорядке.

Джай придвигает свой стул ближе ко мне, и когда он опирается руками на импровизированный стол, его руки находятся так близко ко мне. Моя кожа как будто впитывает его тепло.

— Если сможешь сказать мне, абсолютно честно, что ты на самом деле наслаждалась своей жизнью, прежде чем попала сюда, я попрошу прощение за это.

Я нахмуриваюсь. Я, конечно, не ненавижу свою прошлую жизнь, но в ней и правда есть недостаток волнующих событий в течение всех моих двадцати пяти лет. На самом деле я не думала об этом. В некотором смысле, меня отчасти не волнует то, что я потеряла место учебы и не завершила курс. У меня почти ничего нет, и я поздно плачу арендную плату за квартиру. Моя владелица сказала, что не будет снова ждать, и таким образом, будет правильнее сказать, что я официально бездомная. И... мне плевать.

— Я не хочу, чтобы это было моей жизнью, если это то, что ты имеешь в виду.

Он качает головой.

— Это не то, о чем говорю.

— Тогда о чем ты?

Он медленно придвигается еще ближе, его лицо невыносимо близко к моему.

— Я вижу, как ты реагируешь на бои. Я чувствую, как твое тело напрягается и расслабляется. Зрачки расширяются. Дыхание становится тяжелым. Тебе не нравится находиться здесь, но ты любишь эту темноту и грязь.

Я сглатываю. Каждое слово, произнесенное им, правда. Мне нужно это. Мне нужно оставить старую жизнь и двигаться к новой. Не хочу возвращаться. Теперь я не смогу это

сделать, когда попробовала другую жизнь на вкус. Мое сердце настроено на Италию. Если не заполучу Италию, я умру.

— Ты очень наблюдателен, — говорю я, невольно наклоняя свое лицо к нему.

Глаза Джая темнеют, наполняясь желанием.

— Это важно. Это сводит меня с ума.

— Почему?

— Стоять так близко к тебе, когда ты смотришь бой и твое внимание не на мне, и при этом знать твои мысли.

Мои губы раскрываются, и я вдыхаю пьянящий глоток воздуха. Есть что-то звериное в этом человеке. В нем есть что-то, частью чего я бы хотела быть, но он такой же повернутый, как и я, и я не хочу так легко попасть под его влияние.

— Ты ищешь что-то. Я не так наивна, как вы думаете, мистер Стоун.

Его губы приподнимаются в подобие улыбки.

— Мне не нужно обманывать тебя, Эмили. Ты взрослая девочка. Ты знаешь, чего хочешь.

Почему? Почему он внезапно пытается проникнуть мне под кожу? Почему говорит так, словно больше всего в мире хочет, чтобы мои ноги были обернуты вокруг него? Вчера это не было приоритетом.

— И что я хочу?

— Меня, — заявляет он. — А я хочу тебя.

Мое горло пересыхает. Слово за словом он убивает меня, возбуждая сильнее, чем когда-либо прежде. Я вот-вот взорвусь. Каждое чувство усиливается. Даже капля пота, скатывающаяся между грудой и дразнящая мои поры, ощущается эротически.

— Что изменилось? — с любопытством спрашиваю я. — Ты так уверен, что это то, чего ты хочешь. Почему ты так уверен?

— Кое-что случилось.

Заинтересовавшись, я приподнимаю брови.

— Что случилось?

— Ты. Ты так сильно и прекрасно сжималась вокруг моих пальцев, соглашаясь на все, что бы я ни сказал. Так горячо дышала мне в лицо снова и снова, пока твое тело сотрясалось подо мной.

Он делает паузу, и смотрит на мою грудь, вздымающуюся в быстром темпе. Затем его глаза возвращаются к моим, и вспышка чего-то прекрасного и грубого сверкает в них. Это врезается в мое тело, как молния, беспощадно поражающая каждый нерв.

— Мой член ревнует. Он хочет почувствовать то же самое.

Срань.

Господня.

Глава 10

Бесстыжие

Со стоном я падаю вперед, но выставляю руки перед собой и опираюсь на стену. Джай своим телом обхватывает мое, прижимая плотнее к грязной стене тоннеля, и я чувствую, как его твердый член упирается в меня сзади. Не знаю, что произошло после разговора в баре по пути к нашему укромному уголку, но где-то между там и здесь мы решили, что будем трахаться.

Жестко.

Рукой он скользит по моей спине, и я чувствую его грубую, мозолистую плоть, заставляющую мое тело трепетать. Когда Джай скользит по изгибу моей задницы, мою незащищенную кожу покалывает там, где он прикасается. Я надеюсь, что мое тело немного успокоится, но с каждым новым вдохом только больше распалается.

Свободной рукой он убирает мои волосы в сторону и прижимает свое твердое тело к моей спине. Я дрожу, когда чувствую его дыхание возле уха и его возбуждение в штанах. Затем он одной рукой сжимает мою задницу, а другой убирает мои волосы с затылка, чтобы заменить их своими теплыми и влажными губами. Я вздыхаю, когда его губы прикасаются ко мне, и он царапает мою кожу зубами.

— Не буду лгать, — говорит он, скользя рукой по моей талии. — Я думал об этом уже в первую ночь.

— Думал?

Он надавливает рукой на мой подтянутый животик, прижимая мою задницу к себе. Джай стонет «да», и это посылает великолепные мурашки вдоль позвоночника.

— Когда прижал тебя у склада и увидел твои сексуальные губки.

Я ухмыляюсь.

— Освежишь мою память? Это было до или после того, как ты обозвал меня шлюхой?

Он подается вперед и захватывает мою мочку зубами. Я шиплю и сильнее прижимаюсь к нему спиной, отчего моя задница еще крепче прижимается к его паху. Мне нравится то, как его тело окутывает мое, как будто накрываешься теплым одеялом, только состоящим из секса и альфа-самца. Напряжение внутри меня увеличивается, и я не могу остановить это. Я нуждаюсь в нем. Он нужен мне, как воздух.

Отталкиваясь от него, я оборачиваюсь и замираю, когда мы оказываемся лицом к лицу и так близко. Его живот прижимается к моему, он так настойчиво смотрит мне в глаза, что я просто утону, если он не позволит мне сделать глоток воздуха. Бросая мне спасательный круг, Джай обрушивает свои губы на мои, и я стону, когда его язык врывается в мой рот. Он такой мужественный.

Доминирующий.

Напористый.

Целеустремленный.

Я горю и пропитываю насквозь свои леггинсы отчаянием и необходимостью. Подразнивая меня своим языком, Джай проскальзывает рукой между нашими телами и нажимает своим длинным твердым пальцем на мое чувствительное место. Я втягиваю воздух напротив его рта и чувствую, как он пытается сдержать улыбку. Кончиком пальца он мягко

описывает круги, почти не надавливая, но покалывание растет независимо от его прикосновения. Затем я чувствую, как пальцами он обхватывает пояс леггинсов и дергает их вниз. Я двигаю бедрами, помогая ему стянуть ткань с моего зада. Когда ткань прикасается к коленям, Джай отстраняется от моего рта и хватает меня за плечи. Я едва успеваю облизнуть губы и посмаковать его вкус, когда он разворачивает меня и притягивает мой зад к себе. Я хватаюсь за стену, как могу, вцепившись пальцами в рыхлый бетон, пока он расстегивает ремень. Мне нужен звук всей прелюдии. Даже шелеста рвущейся фольги от пакетика достаточно, чтобы возбудить меня еще сильнее.

В следующее мгновение он надавливает на мою спину, и я чувствую его длину, проскальзывающую между половинками моей задницы. У меня перехватывает дыхание, и его член пульсирует. Это заводит его. Руками Джай обхватывает мою талию и грудь. Прижавшись слишком плотно, но так возбуждающе, он сжимает меня в своих руках, перекатывая соски между пальцами. Я недолго знаю Джая, но нет никакого сомнения в том, что он — сильная натура.

Сосредоточившись на дыхании, я не замечаю, как Джай переместил свои бедра, размещая кончик своего длинного толстого члена между моих бедер, прямо перед входом. От ощущения тепла его плоти я громко вздыхаю. Улыбаясь в мое ухо, он двигает своими бедрами, и я чувствую ткань его штанов своими ногами. Его одежда на нем. Для прохожих он выглядит полностью одетым.

Взяв свой член в руку и двигая бедрами, он скользит головкой по моим складочкам, передавая свое возбуждение.

Я хныкаю в возбуждении или агонии, не знаю. Все, что знаю — я хочу его.

Плохого.

Такого. Блядь. Плохого.

— Ты должна вести себя тихо, если не хочешь, чтобы тебя услышали, — шепчет он мне на ухо, и я прикусываю свою нижнюю губу.

Если бы он не ощущался так хорошо, оставаться тихой не было бы проблемой. Но он не просто хорошо ощущается. О, он ощущается чертовски невероятно, и это он еще даже не вошел в меня.

— Хрен с ними, — я тяжело дышу и упираюсь лбом в бетонную стену.

Мы могли быть в клетке, на виду у всех, и я не думаю, что позволила бы хоть чему-нибудь дерьму прервать нас.

— Без них, — шепчет он мне на ухо. — Только ты.

Грубо притянув мои бедра, Джай входит в меня, и весь воздух покидает мои легкие. Я едва успеваю почувствовать, как он входит в мое тело, так быстро это происходит. Он заполняет меня, растягивая изнутри, и все мое тело напрягается от этого ощущения. Джай мрачно усмехается и медленно выходит. Затем снова врывается в меня, лаская глубоко внутри, и я стону низким голосом. Чувствую тепло его груди на своей спине, когда он еще теснее прижимается ко мне. Он слегка прикусывает зубами мое ухо, я закрываю глаза и бессильно стону.

— Ты слишком хорошо ощущаешься. Слишком тугая. Слишком влажная, — он стонет, его голос хриплый и грубый. — Я долго не продержусь. Больше не играй, Котенок.

Без предупреждения он начинает двигаться быстрее, жестче, трахая меня по-настоящему, и я просто теряюсь в нем. Дрожь проносится вниз по моему позвоночнику и смешивается с возбуждением. Джай движется в бешеном темпе, он хрипит и низко рычит,

продолжая трахать меня и подталкивая к освобождению. Он сжимает мою задницу, сжимает со всей силы, продолжая делать глубокие и быстрые толчки. Молнии удовольствия проносятся через мое тело и танцуют вдоль спины. Я быстро выпадаю из реальности. Больше ничего не волнует в этот момент, ничего, кроме моего желания.

Отпустив мой зад, Джай дрожащей рукой прокладывает путь через мое бедро вниз, между моих ног. У него перехватывает дыхание, когда моя влажность покрывает его палец, и он проводит ним по клитору, заставляя меня содрогнуться. Он пульсирует внутри меня один раз, два раза, прежде чем выдохнуть в поражении. Он собирается кончить. У него больше нет сил сдерживаться. Я не позволю ему. Еще одна судорога сотрясает мое тело, пока его палец гладит меня. Я дотягиваюсь до него и отталкиваю прочь его руку.

— Тебе не нужно помогать мне кончить, — я тяжело дышу. — Трахни меня жестче.

Я не хочу, чтобы ощущения от его мозолистых пальцев отвлекали меня от его твердости. Я желаю большего. Хочу быть оттраханной, а не облапанной. Мне не нужно это.

Он дергает меня назад на свои бедра, отчего его член проникает еще глубже. Удовольствие ползет по позвоночнику, и мое тело напрягается.

— Слишком много? — спрашивает он, и я слышу веселье в его голосе.

— Не для меня.

Он мрачно смеется, когда медленно выходит из меня, оставив внутри только кончик. Мои бедра дрожат, когда я сжимаю его кончик так сильно, насколько могу. Я ухмыляюсь, когда он начинает задыхаться. Джай хватается за подбородок и поворачивает мою голову в сторону насколько это возможно. Затем его губы обрушиваются на мои, и своим языком он заставляет мой рот раскрыться. От его поцелуя кружится голова, он как будто высасывает все рациональные мысли из моего мозга и воздух из легких. Мысль, что он взял от меня все и кончает в презерватив, разделяющий наши тела, заставляет меня течь повсюду. Он двигается снова, сильнее, и я чувствую его глубоко внутри себя, болезненно глубоко. Мой рот открывается напротив его рта, выпуская резкое шипение, но его не заботит это. Ртом он пожирает мое шипение и толкается в меня снова.

— Да, — задыхаюсь я, выгибая спину. — Дай мне больше.

Прошу его снова и снова, пока не взрываюсь, и моя киска ритмичными судорогами сжимает его член. Вот и все, что нужно Джаю, чтобы найти свое собственное освобождение. Он стонет в мой рот, сжимая челюсть до боли. Движения его бедер становятся неровными, еще мощнее, но неравномерными. Он удерживает меня на месте, его язык ласкает мои губы. Его тело тяжелое, но я не против того, чтобы в настоящее время быть защищенной.

Когда эйфория проходит, накатывает чувство унижения. Хорошо ненадолго быть бессовестной на публике, но я возвращаюсь к реальности, с грязью на лице и все еще полуэрегированным членом во мне. Это нелегко признать, но, по крайней мере, я чувствую себя намного более расслабленной.

Отстраняясь от моего рта, Джай отодвигает мои волосы подальше от шеи и заменяет их своими губами. Тепло распространяется в животе, когда его член тихо пульсирует внутри меня.

— Я хочу тебя снова, Котенок, — шепчет он, его голос принимает соблазнительный тон, который он использовал, когда мы были в баре. — Ты так хорошо подходишь мне. Мне нужно это снова.

Я прикрываю глаза, веки тяжелеют от появившегося снова желания.

— Когда?

Схватив меня за талию, он выскользывает из меня и разворачивает так, чтобы моя спина опиралась о стену. Увидев его лицо так близко, у меня перехватывает дыхание. Думаю о том, как приятно, когда кто-то, вроде него, настолько совершенный, хочет вытворять сумасшедшие вещи с моим телом.

— Сейчас. Позже. Завтра, — стонет он и наклоняется, приближая свой рот к моему. — Если бы мы не были здесь. Твоя киска ощущается так хорошо, что я хочу попробовать и ее тоже.

Моя киска сжимается, полностью продавшись его словам. Мой взгляд падает на его губы... я бы все отдала, чтобы почувствовать их на своей киске.

— Это все, что ты хочешь?

Его голубые глаза блестят, и он качает головой.

— Я хочу почувствовать своим членом твои губы, почувствовать его глубоко в твоём горле.

Ох. Сладкий. Трахни. Меня. Слюна скапливается под языком, и я глотаю ее.

— Каждую дырочку, что у тебя есть, я хочу опробовать, — он наклоняется и ловит мою нижнюю губу зубами, ухмыляясь, когда я вздрагиваю.

Он гладит тыльной стороной ладони мой живот, затем проскальзывает между ног, и я вздыхаю. Я глубоко вдыхаю и опираюсь на бетонную стену, когда укол наслаждения пронзает меня. Вижу только улыбку Джая и его тяжелые веки. Это взгляд, обещающий экстаз.

Взгляд, обещающий меня защитить.

Взгляд, который никогда бы не подумала, что увижу у человека вроде него.

И это все для меня.

Глава 11

Помилование

Я стону. Голова болит точно так же, как и влагалище. Пока приятная боль пульсирует между бедрами, не очень приятная боль пульсирует в моей голове.

Я не напилась в баре, но, кажется, выпила достаточно, чтобы заработать похмелье.

Оу, какая радость.

Обычно, когда я напиваюсь до похмелья, то прогуливаюсь на свежем воздухе. Здесь нет свежего воздуха. Я снова стону и насильно поднимаю голову вверх. Моргаю несколько раз и жду, чтобы глаза привыкли к темноте. В тоннелях шумно. Ликование, рев и грохочущие цепи эхом разносятся вокруг. Кажется, вниз по тоннелю происходит еще один раунд боев. Если бы у моего мозга был голос, он прямо сейчас закричал бы. Вместо этого он мучительно пульсирует в черепе.

Когда мои глаза привыкают к темноте, я перевожу взгляд на тело подо мной. Я различаю его лицо, пока он смотрит на меня, устало моргая. Я спала на Джае. Снова. Я немного отодвигаюсь, но останавливаюсь, когда замечаю, что мы полностью голые. Единственное, что прикрывает нас — это большая синяя хлопчатобумажная футболка, и даже тогда большая часть наших ног по-прежнему открыта. Он удивительно ощущается подо мной, его кожа гладкая, как шелк, а мускулы твердые и безопасные.

Я провожу пальцами по его голой груди, и в окутавшей нас тишине сгущается воздух. Интересно, о чем он думает. Для него это было хорошо? Он хочет, чтобы я ушла? Он хочет уйти сам? Я слишком тяжелая? В голове возникают вопросы один за другим, и я не в силах остановить их. Проклятье каждой женщины — это бесконечный поток вопросов, которые не следует задавать. А если их озвучить, то за этим последует скандал, потому что нас никогда не устраивают ответы, которые мы получаем. И все равно мы задаем эти вопросы, не так ли? Если мы не задаем вопросов, то становимся подозрительными, потом приходит черед депрессии, пока, наконец, мы не превращаемся в чокнутых.

Я нервно смеюсь.

— Сожалеешь о случившемся, да?

Не хочу слышать его ответ. Я не хочу слышать, как он говорит, что сожалеет об этом, потому что я ему не понравилась. Облегчение смешивается со стыдом и это сбивает с толку. В некотором смысле, я никогда в жизни не чувствовала себя свободной до того, пока мы не потрахались. Он был реальным, грубым и настоящим. Это было мое посвящение в эту новую жизнь — каким бы коротким оно ни было.

Пальцами он пробегается вдоль моих ребер, но это не делает меня менее нервной. Самые сильные удары всегда исходят от тех, кто нежно ласкает.

— Ты жалеешь о том, что мы сделали? — спрашивает он, его лицо не выражает никаких эмоций.

— Нет, — отвечаю я с абсолютной уверенностью.

— Отлично, — он сжимает мою талию и подтягивает меня так, что мои губы оказываются на уровне его губ. — Потому что я хочу большего.

У меня перехватывает дыхание, когда его жесткий жаждущий член прижимается к внутренней стороне моего бедра. Матерь Божья, я сорвала джек-пот. Интересно, можно ли

трахаться, когда у тебя похмелье. Никогда не пробовала, но готова это проверить. Раздвигаю свои ноги так, чтобы оседлать его бедра, и опускаю свои губы к его рту. Он раскрывает губы, ожидая моего поцелуя, но я не целую его. Вместо этого я провожу языком вдоль его нижней губы, создавая какой-то сексуальный гул в его груди и вибрацию напротив мои сосков. Не знаю, что мы делаем и как долго это продлится, но в данный момент — это отличный выход. Я почти могу забыть с ним все, что нас здесь окружает, отвлечь себя.

Я скольжу пальцами вверх по его груди и запускаю их в его черные колючие волосы. Мне давно хотелось прикоснуться к его волосам. Есть что-то сексуальное в том, как они неаккуратно и неряшливо торчат во все стороны. Когда я прижимаюсь губами к уголку его рта, звук кого-то, прочищающего горло, заставляет меня застыть на месте, и Джая тоже. Я не смею взглянуть на вход. Вместо этого я позволяю Джая справиться с этим. Когда он это делает, мышцы на его теле натягиваются до максимальной точки.

— Стоун. Три дня и твоя очередь, — говорит мужик, прежде чем швырнуть что-то тяжелое на пол.

Джай плотнее натягивает хлопковую футболку на меня так, что она окутывает и покрывает большинство моей наготы. Сползая с его бедер, я ложусь на спину, показывая большую часть тела мужику, стоящему около входа. Я изворачиваюсь на раскладушке, чтобы прикрыть как можно больше, пока Джай надевает штаны, не обращая внимания на то, что кто-то все еще наблюдает. От смущения всю поверхность моей кожи покалывает, но это быстро становится неважным, когда Джай берет в руки тяжелую потрепанную черную боксерскую грушу.

Пришло время первого раунда Джая.

Если он проиграет, я останусь здесь одна.

Внезапно я понимаю, почему эта русская женщина в душе нашла того, кто защитит ее. Здесь опасно. Кто будет защищать меня, когда Джай уйдет?

Я смотрю на Джая и вижу его прищуренные глаза, направленные на незнакомца. Тот жадно смотрит на меня, его жуткий черный взгляд впитывает каждый кусочек моей обнаженной плоти.

— Возможно, тебе не видно сквозь синий хлопок моей футболки, — говорит Джай, приближаясь еще на один шаг к мужчине. — Она — моя, и если тебе дороги глаза, то ты проявишь немного уважения.

Я с трудом сглатываю, они оба пугают немного. Мужчина у двери почесывает затылок своей грязной головы.

— Она не выглядит как боец.

— Да ну, не стоит недооценивать ее. Она надерет твой зад.

Он усмехается.

— Я уверен, что надерет. Посмотрим, насколько хорошо она это сделает через три дня.

— Что? — я вмешиваюсь, прежде чем это делает Джай.

— Ох, разве я не сказал? — смеется он озорным смехом, все время широко улыбаясь. — Твоя подружка тоже бьется через три дня. Удачи. Она тебе понадобится.

Махнув рукой, он разворачивается и уходит, оставляя Джая и меня смотреть ему вслед. Тепло, которое заполняло мое тело, вытекает сквозь поры.

Я буду драться.

Через три дня.

Я сажусь, натягиваю синюю футболку Джая через голову и крепко обнимаю себя.

— Ты будешь в порядке, — говорит он или скорее лжет.

Я не буду в порядке. Я единственная здесь, кто не знает, как нанести надлежащий удар. Не знаю, как поставить блок или нанести удар — даже не знаю, могу ли сдать. Странно, это не все, что беспокоит меня сейчас. Меня беспокоит больше всего то, что через три дня... я не смогу увидеть Джая снова. Если он выиграет свой бой, а я проиграю — я уйду. Если он проигрывает, а я каким-то чудом побеждаю — я буду торчать здесь в одиночестве. Не хочу ни того, ни другого.

— Я так же хороша, как покойник, — произношу я, заправляя свои волосы за уши.

Он качает головой.

— Я научу тебя некоторым вещам. Ты будешь в порядке.

— Некоторые вещи не восполнят целую жизнь без боев. Все, что должна будет сделать моя соперница — это толкнуть меня, и она победит.

Я опускаю голову на бетон позади себя. Я пропала и понимаю, что все ближе возвращаюсь к своей старой жизни, чем думала.

— Котенок...

— Заканчивай с Котенком, — огрызаюсь я, запуская пальцы в свои волосы. — Я не хочу чувствовать себя слабее, чем являюсь на самом деле.

Джай разворачивает свое крупное тело в мою сторону. Его глаза темные, губы сжаты в тонкую линию. Все его лицо говорит «не зли меня», и я не пытаюсь.

— Это моя вина, что ты здесь, поэтому моя работа — заботиться о тебе, Котенок. Этот раунд у тебя в кармане, я знаю, что ты сделаешь это.

— И если я побеждаю, ты получаешь свои деньги? Тогда зачем я тебе?

Это вопрос, который горел во мне в течение нескольких дней. Как только я ему ничего не буду должна, что произойдет? Здесь, внизу, у него свои планы; он хочет найти своего брата. Он ни за что не предпочтет меня своей семье.

— Это, — он показывает пальцем на себя и меня, — не из-за денег.

— О, действительно? — выплевываю я, закатив глаза. — А из-за чего?

Он прищуривается, и в уголках его глаз появляются морщинки. Если бы не знала его лучше, то сказала бы, что то, что я произнесла, причинило ему боль.

— Ты не веришь мне?

Я хочу, но десять тысяч долларов — немалые деньги. Я бы продала свою почку за десять тысяч, а так же добавила бы своего первенца.

— Нет.

Он медленно кивает, как будто не знает, как переварить то, что я сказала. От этого я чувствую себя странно.

— Знаешь что? Я собирался подождать до твоего первого раунда, чтобы сказать тебе, но раз уж ты так уверена, что я мудака, теперь это прекрасное время, чтобы раскрыться — я не хочу денег.

Мои глаза округляются, а сердце разбухает в груди, ограничивая поступление воздуха. Я не вижу смысла ждать.

— Почему?

— Потому что у меня есть деньги. У меня их куча — больше, чем знаю, что с ними делать. Десять штук помогли бы мне здесь? Конечно, но тебе они нужны были больше, чем мне.

Я чувствую себя странно, сидя здесь в его футболке и споря с ним. Не знаю, как я

должна справиться с этим... мы друзья? Мы нечто большее? Мы никто, просто два смертных человека? Все это время я думала, что он хотел свои деньги назад, но этим утром он поет другую песенку. Это из-за того, сколько времени мы провели вместе вчера, болтая, и были беззаботными, или это из-за секса? Он был настолько хорош? Это должно быть нечто. Он спас мне жизнь — он мне ничего не должен, однако вот он, желает на время выбросить свою причину в окно, чтобы сделать мою жизнь легче.

— Я тебе никто. Почему ты хочешь помочь мне?

Джай отворачивается так, что я не вижу его лица, только твердые мускулы на его спине. Я знаю эту позу. Я не получу от него ответа, и это раздражает меня. Неужели он, в самом деле, хочет помочь мне, или у него есть какой-то другой мотив? Хотелось бы думать, что я могу доверять Джаю, но что-то меня сдерживает. Может, это атмосфера, ситуация, удерживающая меня от того, чтобы довериться ему... или, может быть, нужно нечто большее, чем красивое лицо, чтобы обмануть меня. Психиатр, которого я посещала несколько раз в этом году, списал бы это на проблему с родителями. Он бы сказал, что мне сложно принять тот факт, что кто-то заботится обо мне, когда два человека, которые должны были, не сделали этого.

Я вздыхаю. Впервые с тех пор, как встретила доктора Стэйна, я надеюсь, что он прав. Я надеюсь, что мои проблемы мешают доверять Джаю, а не какое-то странное шестое чувство.

Потому что я нуждаюсь в нем.

Я не выживу в одиночку.

Глава 12

Подготовка

Я натягиваю повыше ткань его футболки на голову. Джай бьет кулаками по подвешенной груше, и этот звук вызывает у меня тошноту. Он начал час назад, и я не знаю, как ему по-прежнему удается бить с такой силой. Я слушаю только его и этого достаточно, чтобы мои руки чувствовали себя как желе. Я мало знаю о его технике удара, но она сильна, это я знаю точно. Я слышу, как материал сопротивляется, поглощая его силу удар за ударом. Он перекинул цепь тяжелой груши через трубу, которая скрипит и жалуется, и я жду, что она рухнет всякий раз, когда он бьет. Как бы не так.

— Ты не можешь вечно прятаться под моей одеждой, Котенок, — объявляет Джай, и я слышу смех в его голосе.

— Может быть не вечно, но сейчас я счастлива.

Джай перестает бить свою грушу, и спустя некоторое время его теплый указательный палец описывает круги на моей лодыжке и скользит вверх по икре, оставляя огненные следы. Мой вдох застревает в горле, когда палец исчезает. Где он появится в следующий раз? Я стараюсь почувствовать его присутствие, почувствовать тепло его тела, но воздух здесь слишком густой.

Именно тогда футболку, которую я использую, чтобы прикрыть свое лицо, стягивают с меня и недалеко отбрасывают. К счастью, я одета под ней, иначе мои прелести оказались бы у всех на виду.

Я поправляю свою зеленую цвета лайма майку и складываю руки на груди.

— Вставай. Нам надо подготовиться, — приказывает он.

Я дуюсь. Нет никакого способа, что я буду бить эту штуку. Что, если промажу? Что, если я поранюсь или мышцу потяну?

— Я лучше умру.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он презрительно фыркает, и его глаза злобно вспыхивают.

— И ты, наверное, умрешь, если не научишься чему-нибудь к тому времени.

Джай протягивает забинтованную руку, и я смотрю на плотную синюю ткань. Убийственный цвет рядом с его загорелым лицом.

— Почему она забинтована?

Он улыбается.

— Чтобы сжать и защитить мягкие ткани моей руки, когда я бью кого-то в лицо.

Очаровательно.

— У меня нет никакого бинта.

Джай в нетерпении щелкает пальцами и подталкивает свою раскрытую ладонь ближе.

— Сейчас это неважно. Вставай.

Побежденная, уставшая и с головной болью, я вкладываю свою руку в его ладонь и позволяю поднять меня на ноги. Он ухмыляется мне, когда моя голова склоняется набок. Его очевидное счастье блестит в его голубых глазах. Рада, что он счастлив, но я не разделяю это чувство. Честно говоря, я еще немного беспокоюсь из-за того, что он проигнорировал мой

вопрос ранее. Почему он хочет помочь мне, если деньги не важны для него?

— Сколько тебе лет? — спрашивает он, повернув голову.

Как правило, вопросы о возрасте ты задаешь прежде, чем трахаешься с кем-то, как животное. Что если бы мне было шестнадцать? Слишком поздно.

— Двадцать пять. А что?

— Двадцать пять? Ты уверена?

Я выгибаю бровь. Что за вопрос?

— Да, я почти уверена, что мне двадцать пять.

— Забавно. У тебя точно такое же отношение, как у моей шестнадцатилетней сестры, когда ей говорят что-то делать. Это раздражает.

Вместо того чтобы рассердиться, что он сравнил меня с раздраженной шестнадцатилеткой, то, что у него есть сестра, почему-то привлекает меня и удивляет. Есть что-то в его любви и заботе о родственнике, которая переносится на меня. Держу пари, что все ее друзья размазаны Джаем. Безжалостно.

— У тебя есть сестра?

Он хмурится.

— Почему ты так на меня смотришь?

— Как?

— Как будто кто-то вручил тебе щенка.

Я широко улыбаюсь, несмотря на растерянное выражение лица Джая. Закатив глаза, он прижимает свои забинтованные руки к моей пояснице и подталкивает меня в сторону груши.

— Я просто думаю, что это мило, что у твоей сестры есть кто-то вроде тебя, приглядывающий за ней.

Он прижимает пальцы другой руки к груше, чтобы предотвратить ее раскачивание. Груша разбитая и изношенная, сейчас даже больше после того, как над ней поработал Джай. Пыль летает в воздухе вокруг, и я чувствую ее в горле.

— Моя сестра может постоять за себя. Она сильнее, чем любой мальчишка ее возраста. Я убедился в этом.

Он движется за грушей, чтобы поддержать ее, и легко двинув головой, говорит:

— Покажи, что ты умеешь.

Я не двигаюсь.

— Ты знаешь, что я ничего не умею.

— У тебя есть что-то, мы просто должны выяснить, в чем твоя сильная сторона. Ударь грушу.

— Джай...

— Я не попрошу тебя снова, Котенок. Ударь эту чертову грушу.

Стиснув зубы, я отвожу руку назад и ударяю по груше. Небольшая боль простреливает мое сухожилие, и я одергиваю руку назад, поскольку она распространяется до локтя. Прижимая к себе руку, я смотрю на Джая. Он почему-то не выглядит впечатленным. Бить намного сложнее, чем кажется.

— Ну... — произносит он, отпуская грушу и почесывая затылок. — Жалкое зрелище.

Я издеваюсь над ним.

— Все не так уж плохо.

Джай кладет руки на свои бедра и прищуривается.

— Из десяти, я ожидал, по крайней мере, что по силе у тебя будет троечка или

четверочка.

— Ладно, — я пожимаю плечами. — Значит у меня двоечка, велико дело.

Он качает головой и пытается подавить смех.

— Нет, детка, у тебя единичка, даже с натяжкой.

— Детка?

Он обходит грушу и идет ко мне, игнорируя мои последние слова.

— Тебе нужно поработать над твоей стойкой. Это увеличит твою силу.

Я прогибаюсь, позволяя моему позвоночнику взять большую часть веса моего тела, когда Джай берет мои руки в свои. Он двигает мою левую руку.

— Твоя левая рука должна быть на десять сантиметров впереди левого плеча.

Пальцами он гладит мои запястья и ладонь. Он мягко касается, но затем сжимает мою руку в кулак.

— Костяшки пальцев должны быть параллельны потолку.

Когда я смотрю на его руки, умело скользящие над каждой костяшкой моих пальцев, я чувствую его взгляд на своем лице, и в результате мое дыхание становится прерывистым. Я бы взглянула на него, если бы не была так загипнотизирована его толстыми, мозолистыми пальцами, когда они так красиво работают над моей кожей. Мгновение спустя Джай переходит к моей правой руке, а я в это время продолжаю держать левую так, как он ее поставил.

— Правая рука должна быть возле правого уха, но не слишком близко, а правый локоть прижат к ребрам.

Мой желудок сжимается, когда он пробегает кончиком пальца вдоль одного из моих ребер. Может быть, я полюблю эту тренировку, в конце концов.

— Вот так? — спрашиваю я, когда он обходит меня.

— Не совсем, — легкий тон его голоса возбуждает меня, а горячий воздух нагревает заднюю часть моих бедер.

Он разжигает меня, как на четвертое июля, когда его пальцы возвращаются на мою кожу, посылая с удвоенной силой фейерверки, пронзающие ноги и взрывающиеся прямо между бедер.

— Твои ноги должны быть на ширине плеч, а вес должен быть перенесен на носочки ног.

— Почему я не могу нормально стоять?

Он выдыхает, и воздух ласкает мою кожу.

— Потому что носочки твоих ног это первое, что отрывается от земли. На носочках ног у тебя есть две точки опоры.

Я хмурюсь в замешательстве.

— И что это значит?

— Я могу объяснить это тебе, когда у нас будет больше времени? А сейчас просто слушай, — он кладет руки на мои колени. Ткань щекочет мою нежную кожу, и я не могу удержать смешок. — Колени должны быть согнуты. Они будут держать твои бедра внизу и помогут тебе, когда наносишь удар.

Я понятия не имею, что это точно значит, но это не имеет значения, когда я чувствую, как его большие руки прикасаются к моим бедрам. У меня появляются воспоминания о вчерашнем дне, когда он схватил меня за бедра и вошел в меня. Вот все, что нужно для появления невыносимой жары, распространяющейся вверх по моей шее на лицо. Я с трудом

сглатываю. Если он не уберет свои руки от меня, я скоро перегреюсь.

— Правое бедро должно быть сзади, левое бедро указывать на твоего противника, — говорит он прямо в ухо, ослабляя мою позу.

Джай ужесточает хватку и надавливает на ямочки моей поясницы. Вместо того, чтобы полностью превратиться в желе на полу, я сжимаю мышцы между ног и выпрямляю позвоночник. Я хочу произвести на него впечатление, чтобы он был счастлив, что я слушаю его. Хоть раз.

Я чувствую, как он улыбается возле моего уха.

— Когда ты наносишь удар, твои бедра не должны делать полный оборот. Иначе ты потеряешь энергию.

Ослабив хватку, он качает мои бедра, немного встряхивая их. Его пальцы перемещаются с моих бедер на живот, заставляя меня сжаться и задыхаться.

— Расслабься немного. Чем больше ты напряжена, тем больше ограничиваешь связь между руками и ногами. Тебе нужно движение, чтобы быть гибкой, но сильной. Понимаешь? Я киваю.

— Я знаю, что ты нервничаешь по поводу своего боя, Котенок, но все будет хорошо. Ударь эту грушу, пока чувствуешь себя комфортно в этот момент. Если ты сбалансирована и расслаблена, то выученные тобой основы боя сделают свое дело. Не нужно много мышц или силы, чтобы ударить человека. Ты можешь сделать это.

Он отходит от меня, и я волочу ноги ближе к груше с вновь обретенной решимостью. Может быть, это не так сложно, как я сначала подумала.

— Так? — спрашиваю я, ожидая его разрешения.

Я дрожу, когда он скользит двумя твердыми пальцами вниз по моему позвоночнику.

— Твой позвоночник был создан, чтобы держать тебя прямо. Никогда не хочу видеть, что ты сутулишься в бою.

Я мягко выдыхаю.

— Ладно. Не сутулиться. Получай.

Я ударяю и, когда мой кулак попадает в грушу, к моему большому удивлению она сдвигается.

— Хорошо, — хвалит Джай откуда-то позади меня. — Добавь немного больше мощности своему удару, и будет то, что надо.

Я попадаю по груше снова и снова. На шестом ударе мое тело нагревается, а руки начинают жечь, но я чувствую себя легче, быстрее. Я останавливаюсь на короткую секунду для того, чтобы заглянуть через плечо. Подняв руки, Джай натягивает футболку и поправляет черные штаны. Из бокового кармана рюкзака он достает пачку денег и засовывает ее в карман. В конце концов, его глаза встречаются с моими.

— Я кое-кого должен увидеть. Держи удар. Не останавливайся, пока я не вернусь.

Он наклоняется и надевает свои кроссовки, после чего выходит, не сказав ни слова. Он часто исчезает с деньгами, и я не могу не задаться вопросом, куда он направляется. Часть меня хочет последовать за ним, но другая часть знает, что лучше не лезть в чужие дела. Независимо от того, что Джай не является чем-то, в чем я хочу быть замешана. Его план заключается в уничтожении Черепа, и я не совсем уверена, что хочу быть рядом, если ему это не удастся. Несмотря на то, насколько силен Джай, провал возможен, как вариант.

Страшный, угрожающий жизни вариант.

Глава 13

Раунд Первый

Я потираю воспаленные костяшки, прежде чем тыльной стороной ладони прикрыть рот, чтобы удержаться от рвоты. За три дня я почерпнула для себя все грани физической боли, и не могу принять больше. Я не могу бороться, я не готова, но у меня, блядь, нет выбора. Хотя Джай доволен моими успехами, я — нет. Мои удары еще слабые, и они все, что у меня есть, чтобы защитить себя. Джай уверен, что я выиграю, но я-то знаю лучше. Моя соперница почувствует запах моей неуверенности, а затем уничтожит меня. На глазах у всех. Когда это произойдет, Череп увидит, что я самозванка, которой действительно являюсь, и Джай будет не в состоянии сделать что-либо, чтобы помешать Черепу пролить мою кровь.

Кровь.

Я ненавижу вкус крови, и все же я здесь, пытаюсь заставить себя войти в клетку и попробовать крови.

Я собиралась оставаться в комнате, но ряды людей, которые идут туда стать свидетелями боя Джая делают это невозможным. Я должна быть там, и если не поддержу его, то, по крайней мере, понаблюдаю за ним.

Я поднимаюсь с кровати и присоединяюсь к массе людей, идущих из тоннелей разных размеров. Когда вхожу на главную площадь, я быстро направляюсь в дальний конец и залезаю на большой блок из бетона. Таким образом я могу наблюдать над головами всех остальных.

Затем я вижу Джая.

В клетке.

Все тепло моего тела смещается на юг, и я сжимаю свои бедра вместе, поскольку желание объединяется и пульсирует горячими волнами. Надев пару черных перчаток, которые не полностью покрывают руки, он сжимает пальцы в кулаки, и каждый раз, когда они сжимаются и напрягаются — моя киска тоже. Джай подпрыгивает на носочках, и клетка вздрагивает и трясется под его весом. Каким-то образом ему удается сохранять равновесие, не беспокоясь о возможности моментального разъединения цепей и резкого приближения своей смерти. Я была бы напугана за свою драгоценную жизнь, цепляясь изо всех сил за ржавую металлическую клетку. Поскольку цепи трутся о трубы и другие части стали, запах ржавчины становится отчетливым, и в свете прожекторов я вижу небольшие пятнышки, падающие на пол.

Толпа кричит, болея за его победу, болея за его поражение. В любом случае, мое тело поглощает каждый крик. Волнение подогревает мою кровь, действует на нервы и вызывает маленькие капельки пота, появляющиеся на поверхности моей кожи. Эти крики отвлекли бы кого-то вроде меня, но Джай действует так, будто не слышит их, как будто он настолько же глухой, насколько и сильный.

Его пристальный взгляд осматривает большой тоннель, затем он определяет мое местонахождение в дальнем углу. Когда наши взгляды встречаются, я вижу дрогнувший уголок его губ, отчего мое сердце начинает колотиться, как никогда прежде. Я позволяю своему взгляду бродить по его идеальному телу. Его полуобнаженное тело стройное и плотное, покрытое рельефными мышцами. Я заметила, что ни один сантиметр его кожи не

покрыт чернилами — странной одержимостью татуировками в этом обществе. Джай поражает меня, как человек, который заботится о своем теле, всегда следит за тем, чем питается и что наносит на него. И это заметно. Его тело — это шедевр.

Он пересекает клетку и терпеливо ждет, пока его противник приближается к воротам. Его противник страшный. Джай высокий, но этот парень побьет его одной ногой, и мало того, что он высокий, но и ширина его тела также невероятна. Он широк от плеч до лодыжек. Его лысина отражает свет так же, как и его блестящая форма, и когда он разминает шею и хрустит пальцами, его взгляд, наконец, останавливается на Джае. Я задерживаю дыхание, пока противники наблюдают друг за другом. Если бы я была Джаем, я бы окаменела. Даже если он действительно чувствует какой-нибудь страх, он, конечно же, не показывает этого. Он готов к бою, и я могу сказать по его позе и по тому, как он сгибает пальцы, что он, не смутившись, ударит первым.

Мое внимание отвлекает движение на выступе над клеткой. По-видимому, скучающий Череп опирается на перила, два головореза за ним, и его глаза сканируют толпу. Мои губы раскрываются, впуская судорожный вдох. Я никогда не привыкну к Черепу. Дорожка черной краски вокруг его глаз делает его похожим на того, у кого нет век, также меня пугают и мягкие изгибы вытатуированного мозга на макушке — это нереально. Что заставило его сделать такое с собой? Что произошло, когда он решил навсегда оставить шрамы на своем лице? Какие мысли проносились в его голове? Хотела бы я знать.

Его рот и окружающие его вытатуированные зубы, двигаются, когда он жует жвачку. Он осматривает обоих бойцов и выпрямляется, когда видит Джая. Я даже думаю, что вижу ухмылку. Затем он лениво кивает и начинается бой.

Как я и ожидала, Джай не тратит впустую времени и нападает первым. Последние несколько дней Джай отговаривал меня нападать первой. Он сказал, что я должна изучить своего противника перед атакой, его технику. Кажется, Джай использует другой подход. Тот громила делает пару быстрых шагов назад, когда кулаки Джая проливаются неустанным дождем на него сверху вниз. Толпа кричит, посылая покалывания сквозь меня. Клетка содрогается, скрипит громче при каждом ударе. Я вижу небольшие передышки Джая всякий раз, когда он попадает, давая себе возможность двигаться быстрее и увереннее. Громила, может быть, больше, но Джай, безусловно, опаснее. Когда большой человек подносит руки вверх, чтобы защитить лицо, Джай низко наклоняется и бьет его по ребрам. Хотя это чудовищно, у громилы ничего нет против Джая.

Его движения отличаются от всего того, что я видела раньше. Есть какая-то суровая красота в молниеносных, контролируемых маневрах его тела, и я загнипнотизирована им. Толпа вокруг меня ликует, но я ничего не слышу. Я вижу только его. Джай не сдерживает себя ни на секунду, используя тактику нападения. Громила, с которым он дерется, держится в центре клетки, двигаясь назад и вперед только для защиты, не для нападения.

Я кусаю кончики своих пальцев, ловя кожу между зубов, когда сцена меняется. Я наблюдаю с тревогой, когда раунд ухудшается с каждой секундой, и кто выйдет победителем становится очевидным. Джай стал бешеным.

На руках видны вены.

Заметна его сжатая челюсть.

Громкий рык разносится по помещению.

Джай хватает громилу сзади за шею и ударяет его лицо о металлическую клетку снова и снова. Ржавые порезы появляются на его коже, рубцы на лице, но Джаю насрать. Он снова

ревет, и я ахаю прямо перед тем, как он бросает противника головой вниз и вгоняет колено в его лицо.

Удар.

Звук врезающейся коленной чашечки в нос проходит сквозь меня, и мои внутренности начинают бунтовать.

Удар. Удар.

Я хочу отвести взгляд, но не могу. Кровь стекает по ноге Джая на босые ступни, но гнев на его лице не исчезает. Даже сейчас, когда тело громилы ослабевает и падает, Джай бьет его. Он не останавливается, пока два парня Черепа не входят в клетку и не отталкивают его, прежде чем перетащить безжизненное тело за пределы ринга, подальше от качающейся смертельной ловушки.

Я в шоке смотрю на Джая, и когда наши глаза встречаются, я не вижу смущения или сочувствия. Я вижу предупреждение и тьму. Вижу Ад, и это чертовски страшно. К моему удивлению, когда я смотрю на соперника Джая, склонившегося за пределами клетки, он протягивает руку, чтобы стереть кровь со своего лица. Облегчение охватывает меня. Я думала, что он умер. Когда головорезы Черепа понимают, что он жив, они оставляют его в покое убиваться в своей собственной жалости. Мое сердце истекает кровью и бьется о ребра. Как сказал Джай, большинство людей уходят сломленными, и сломленным наверняка будет этот мужик.

Толпа начинает расходиться, но я по-прежнему не двигаюсь с места, не в состоянии вспомнить, как шевелить конечностями. Джай парализовал меня этой жестокостью, и я не уверена, как чувствую себя. Возбужденной? Немного. Испуганной? Более чем. Во что я впугалась?

Я смотрю вверх вовремя, чтобы увидеть, как Джая сопровождают через служебную дверь к Черепу. Я громко сглатываю и качаю головой. У меня нет времени, чтобы беспокоиться о Джае и о том, что Череп хочет от него. Сегодня я буду в клетке.

Сегодня я могу умереть.

Глава 14

Готовясь к неожиданностям

Стены в нашем маленьком уголке грязные. Однако я кладу голову на стену, надеясь охладить свой горячий лоб. Через двенадцать минут я должна войти в клетку. Эта мысль вызывает у меня тошноту. Три часа прошло с тех пор, как я в последний раз видела Джая, тяжело дышащего и покрытого чужой кровью. Три часа с тех пор, как я увидела Джая, полностью уничтожившего громилу, который ни разу даже не дотронулся до него. Он пугает меня, но было бы неплохо, если бы сейчас он был здесь, как мой тренер. Мне нужно услышать, насколько он уверен во мне. От этого я всегда чувствую себя хорошо.

Как только я думаю об этом, я слышу звук шаркающей обуви о бетон и открываю глаза. Скольжу взглядом вверх по чистым ногам, черным шортам, стройным бедрам и прекрасному торсу, затем мой взгляд встречается с голубыми глазами. Мое внимание привлекает небольшой черный след на его ключице, не больше, чем мой большой палец. Татуировка. Новая татуировка. Я приглядываюсь, в попытке разглядеть опухшую черную метку.

— Череп, — говорит он, сжав зубы. — Они накололи мне гребаный череп.

Я смотрю в его глаза.

— Зачем?

— Так Череп может отслеживать интересующих его бойцов.

Глядя на лицо Джая, могу сказать, что быть отслеживаемым из-за личного интереса Черепа — не то, что он хочет или в чем нуждается. Я бы тоже не хотела. От этой мысли по моей коже бегут мурашки.

— Ты был с ним все это время?

Он качает головой.

— Я был с его свитой. Череп не показывался.

Я проглатываю беспокойство за Джая. Быть отмеченным — не хороший знак, но у меня есть другие вещи, о которых нужно беспокоиться. Я прислоняюсь к стене, но нет времени жалеть себя, потому что Маркус, человек, которого я встретила в день, когда мы вошли сюда, просовывает свою голову в нашу комнату.

— Теперь ты, Котенок, — он посылает мне добрую улыбку. — Удачи.

Я чувствую, как вся кровь отливает от моего лица. Вот он. Момент, которого я боялась все это время. Интересно, кто мой противник, и будет ли у нее точно такое же телосложение как у меня. Зная свою удачу, это будет жена «Снежного человека» и у нее будут ноги и руки, толщиной, как стволы деревьев.

— Тебе страшно?

Я так же хороша, как труп.

— Что, так заметно?

Джай никак это не комментирует. Конечно, это очевидно. Он может почуять мой страх в воздухе. Я могу. Он просачивается сквозь мои поры и прилипает к коже. Это делает мою кровь холодной и заставляет мое сердце неуверенно биться. Пару дней назад Джай рассказал об адреналине, который курсирует по твоему телу перед боем. Он сказал, что это будет чем-то, что накопится до боя и разрядится в тебе, когда прозвенит звонок. Пока я не чувствую никакого адреналина. Все, что я чувствую — это бабочки и осы, гневно кружащие в животе.

Я почти уверена, что весь мой адреналин сейчас находится на липкой коже, просачиваясь сквозь поры.

Джай вышагивает по комнате, держа в руках влажную и пахнущую чистотой одежду. В конце концов, он берет в руки черную майку и натягивает ее.

— Ты сделаешь это на отлично.

Я поворачиваюсь к нему, и на его полных губах появляется причудливая ухмылка, когда он смотрит на меня. Неужели я выгляжу такой жалкой?

— Ты так уверен в этом.

— Я уверен.

Я прищуриваю глаза.

— Я не такая как ты, Джай. То, что ты видишь за пределами клетки — это то, кем я буду внутри.

Он хмурится.

— Что это значит?

Я вспоминаю Джая в клетке. Он не был человеком. Он оставил каждую каплю человечности за пределами клетки. Он был животным, и не только я одна была в шоке от проявления его грубой силы.

— Ой, да ладно. Ты видел, что сделал с тем парнем. Ты мог убить его.

Его глаза темнеют, и я уже хочу сменить тему. С другой стороны, кем была бы я, если бы действительно слушала свою совесть? Когда-нибудь?

— Но я не убил.

— Он был в шаге, в одном ударе коленом от сотрясения мозга, или еще хуже, смерти.

Джай усмехается и отворачивается.

— Я бил коленом ему под нос. В худшем случае он потерял несколько зубов. Великое дело.

— Ты даже не дал ему шанса.

Я не знаю, почему защищаю соперника Джая. Думаю, что как-то странно к нему отношусь. Я сочувствую его боли, его поражению и разочарованию, которое он, скорее всего, ощущает.

Джай стремительно подходит ко мне, наклоняясь так, что его лицо находится прямо напротив моего.

— Дать ему шанс? Мы не в долбаной начальной школе, Котенок. Здесь, внизу, это вопрос жизни и смерти. Каждый твой шаг должен держать в страхе всех остальных.

Он смахивает со щеки выпавшую прядь моих черных волос, заставляя меня вздрогнуть.

— Ты не можешь раздавать шансы. Если сделаешь это — ты труп. Им плевать на тебя и твои чувства. Если они захотят ударить тебя по больному месту, пока ты не видишь, то они сделают это. Ты должна начать действовать, как будто знаешь, что делаешь.

Довольный, Джай выпрямляется и скрещивает свои большие руки на груди.

— Кстати, ты знаешь, кто твой противник?

Я с трудом сглатываю и качаю головой. Почему это сейчас так важно?

— Ты помнишь свою подругу в душе на днях, не так ли?

Я вздрагиваю. Ох. Мои глаза округляются, и он самодовольно ухмыляется.

— Ты будешь рада узнать, что она сама выбрала тебя, чтобы сегодня драться на ринге. Ты наивна, Котенок, и они чуют этот запах от тебя. Как только ты открываешь рот, твоя слабость выплескивается наружу.

Странное жжение появляется в моих глазах и слезы грозят вылиться наружу. Он прав, но я никогда не утверждала, что вписываюсь в это место. Я никогда не искала это место. Это ловушка, в которую меня насильно затащили. Я не пробыла здесь и неделю, а он хочет, чтобы я была таким же опытным бойцом, как и он сам. Так не получится. Я нормальный человек. Я работаю на нормальной работе, живу в нормальном доме. Я не училась этому. Не хочу быть частью этого. Это «братство» может заставить меня чувствовать себя живой и хотеть этого как никогда раньше, но это не значит, что это я. Это место не для меня. Джай протягивает ко мне руку, и я стараюсь отвернуться, но кончиками пальцев он ловит мой подбородок.

— Ты должна пообещать мне, что независимо от того, что произойдет в клетке, ты не отступишь. Не дашь ей шанса причинить тебе боль.

Я шмыгаю носом.

— И как я смогу помешать ей сделать мне больно?

Его голубые глаза наполняются сочувствием, и это так выворачивает внутренности, что причиняет боль.

— Доверься мне, — это все, что он произносит, прежде чем провести большим пальцем по моей нижней губе и выйти из комнаты.

Как ни странно, бетон под моими ногами источает прохладу, пока я преодолеваю свой путь к клетке. Комната наполнена теплыми телами, и я почти могу почувствовать вкус пота всех наблюдающих. Люди, мимо которых прохожу, хватают меня, но я игнорирую их, сосредоточившись только на ржавой клетке, висящей над тоннелем. Над Бог знает на сколько метров глубоким тоннелем. Страх, или, может быть, неуловимый адреналин, о котором говорил Джай, сотрясает мое тело и бурлит в крови. Ненавижу это. Ненавижу, когда не знаю результата. У меня нет шансов, но, кажется, Джай уверен в том, что я смогу сделать это.

Клетка оказывается не пустой, как это было, когда дрался Джай. Моя соперница ждет меня и пристально наблюдает за тем, как я подхожу. Ее красивое тело покрыто тонкими ремнями из черной и коричневой ткани. Она выглядит сексуально, мне никогда не быть такой. Я же решила надеть леггинсы и майку. Я полагала, что чем меньше плоти соприкоснется с ржавым металлом, тем лучше.

Я тянусь к двери клетки. Она раскачивается все сильнее, когда моя соперница подпрыгивает на носочках. Я хватаюсь за ворота и ставлю босые ноги на ступеньку. Мой желудок раскачивается вместе с клеткой, вызывая приступ тошноты. Я с трудом сглатываю, в надежде помешать рвоте вырваться из горла, чтобы меня не вывернуло наизнанку прямо на пол. Я заставляю себя войти в клетку, и мое внимание фокусируется не на сопернице, а на полу под моими ногами. Большие пятна крови бурого цвета покрывают поверхность, и никто не знает, сколько им лет. Может быть, лет десять. Я перемещаюсь на более светлое пятно, но от этого тошнота не проходит.

Наконец, я заставляю себя обратить внимание на своего противника. Стараюсь не

думать о ней, как о человеческом существе, и настраиваюсь на поединок. Она икает, сильно ударяет себя по губам и смеется. Ее приветливая улыбка, которую я видела в душевой в тот день, исчезла, сменившись желанием выиграть. Я слежу за ней, не обращая внимания на группу людей около клетки, посмеивающихся надо мной. Я собрала свои длинные темные волосы в тугой «конский хвост», но она оставила свои темно-рыжие волосы распущенными, и они свободно струятся по плечам. Пряди волос, обрамляющие лицо, прилипают к ее липкой коже, и вот тогда я замечаю какого цвета ее лицо. Бледное, почти зеленое. Она медленно моргает и ее слегка покачивает. Я делаю шаг вперед, и она резко выпрямляется, поднимая кулаки к лицу. Я сглатываю и смотрю за пределы клетки. Тут же замечаю Джая, он опирается на полуразрушенную колонну, согнув ногу в колене и скрестив руки на груди. Он пристально смотрит на меня, и это заставляет нервничать. Не хочу отводить от него глаз, но тут его взгляд перемещается на выступ над клеткой. Вся кровь приливает к сердцу, и оно бешено бьется о ребра снова и снова, вызывая судорожную боль. Я перевожу взгляд с Джая на выступ. Когда я смотрю вверх, мой взгляд встречается с Черепом, и он наклоняет голову набок, анализируя меня. Я быстро отвожу взгляд.

Дерьмо.

Он знает. Он знает, что я не принадлежу этому месту, я это чувствую.

Я встряхиваю руками и разминаю свою шею и плечи. Помню, как другие бойцы в клетке делали точно так же. Череп кивает, и моя соперница делает шаг вперед.

Я ловко ухожу в сторону, когда ее громкое яростное рычание раздается в воздухе. Адреналин — вот теперь я его ощущаю — быстро заполняет мои вены, и все вокруг меня, кроме соперницы, становится размытым.

Прежде чем я успеваю занять устойчивое положение, она снова бросается вперед, и в этот раз ее тело тяжело врежется в мое, и мы обе падаем на пол. Это гораздо больнее, чем я ожидала, но не это заставляет меня стонать. При мысли о том, что я лежу на грязном полу, по моей коже несутся толпы мурашек. Соперница садится на меня и выпрямляется. Пальцами она хватается мои волосы у корней, несмотря на то, что я плотно стянула их в хвост, и больно тянет, отводя кулак назад. Я сжимаю челюсть и закрываю свое лицо, но она в нерешительности замирает. Ее лицо немного сонное, а грудь вздымается, как будто она пытается не блевануть. Я собираюсь подождать, дав ей секунду, чтобы привести в норму желудок, но голос Джая врывается в мои мысли. *Нельзя раздавать шансы. Если сделаешь это — ты труп. Им плевать на тебя и твои чувства. Если они захотят ударить тебя по больному месту, пока ты не видишь, то они сделают это.*

Развернувшись корпусом, я выбрасываю руку с максимально возможной из такой позиции силой. Я изо всех сил зажмуриваюсь за долю секунды перед ударом, затем кулак начинает гореть от соприкосновения с ее лицом.

Не тратя времени впустую, я двигаю бедрами, сбрасывая ее с себя. Она падает на ринг, и я откатываюсь подальше от нее, прежде чем встать на ноги. Я наблюдаю за ней, сдувая волосы с лица. Ее руки дрожат, пока она пытается встать. С ней определенно что-то не так. Может быть, она больна? Пьяна? У нее похмелье? Что бы это ни было, но она не здорова.

— Прикончи ее, — раздается низкий голос из толпы, выводя меня из ступора.

Я отворачиваюсь от нее и вижу Джая, склонившегося над перилами. Я хмуро смотрю на него. Я должна, по крайней мере, дать ей подняться на ноги. Бедная женщина едва ли может стоять. Он прищуривает глаза, когда я качаю головой.

— Если не она, то тогда ты, Котенок. Кончай это. Сейчас же!

Я перевожу взгляд с Джая на женщину. Никогда в жизни не была в таком замешательстве. В душе я не эгоистка, нисколько, ранить кого-то, кто явно не готов к этому, вряд ли я способна на такое. Но, честно говоря, это чрезвычайная ситуация. Могу ли я отказаться от своих принципов в ситуации «убей или умри»? Наверное, нет, но у меня нет выбора. Слишком много народу наблюдает. Каждое мое движение должно внушать страх. Здесь я — самое слабое звено. Я знаю это и Джай тоже. Как скоро это поймут остальные? От этой мысли неконтролируемый гнев распространяется в моей груди.

Я бросаюсь вперед в ту же секунду, когда женщина, наконец, поднимается на ноги. Она стоит спиной ко мне, но это ее ошибка, а не моя. Рык вырывается из моего горла, когда я сжимаю челюсть и прыгаю на нее. Я обхватываю ногами ее бедра и сжимаю ее шею руками. Еще раз мы валимся на ринг, и клетка скрипит. Слабыми руками она пытается схватить меня за руки, но только тратит впустую остатки энергии. Не раздумывая, я бью ее по лицу кулаками снова и снова, удерживая ее извивающееся тело подо мной. Она не может сражаться со мной, и у меня такое ощущение... словно я всесильна. Я сжимаю зубы и бью сильнее. Она пытается защитить свое лицо, но для нее мои руки движутся слишком быстро, и она не успевает поставить защиту. Я бью ее до тех пор, пока мышцы рук не начинают жечь. Когда отвожу руку в последний раз, замечаю, как что-то красное блестит на моей коже, и останавливаюсь. Я причинила ей боль. Я заставила ее истекать кровью.

Я отпускаю и отталкиваю ее тело. Она перекатывается на живот, заливая ринг свежей кровью. Ее немного, не сравнить с противником Джая, но я все-таки пустила ей кровь. Защищая свое лицо и хныкая, она качает головой и отмахивается ладонями. Это жест капитуляции... и от этого я ощущаю себя дерьмом.

Туман в голове рассеивается, и рев толпы взрывается в моих барабанных перепонках. Я победила. Она сдалась, а я победила.

Мне нравится побеждать. Я всегда любила бороться за что-то, но сейчас ощущения другие. Мне почти стыдно за себя.

Я отворачиваюсь от женщины и направляюсь к воротам, которые теперь открыты. Надо что-то сделать, чтобы отвлечься. Я не хочу поздравлений. Я хочу лечь или блевануть, или выпить и вырубиться.

Я выбираюсь из клетки, мои руки трясутся, как никогда прежде. Они горят, как будто я поджарила их на огне. Я не знаю, что случилось... не знаю, как смогла выиграть бой. Женщина казалась немного отрешенной, но, тем не менее, опасной. Следуя наставлениям Джая, я должна быть жестокой. Я не могла дать ей шанс причинить мне боль.

Я убираю волосы с лица и смотрю через плечо. Русская женщина, та, что так мило предложила мне свой шампунь и гель для тела не так давно, лежит скомканной кучей с разбитым носом и ртом, моргая в потолок. Мой желудок бунтует от такого зрелища. Мне не понравилось бить ее, ни капельки, но пришлось это сделать. Все равно десять тысяч долларов не стоят этого, и в подсознании крутится ноющая мысль, что я должна найти выход отсюда до второго раунда. Я не могу пройти через это снова.

— Тьфу, — ворчу я, когда врезаюсь в жесткое тело.

Отчетливый запах дорогого одеколona и сигар заполняет мои ноздри. Я быстро выпрямляюсь и смотрю на широкую грудь передо мной. Медленно, я делаю вдох и перевожу взгляд на его лицо. Его полные, слегка поцарапанные губы вытянуты в широкую улыбку, растягивающую маленькие белые шрамы, и это не утешающая улыбка.

— Череп хочет видеть тебя, — говорит он.

Мое сердце останавливается. Его голос низкий и грубый. От него мурашки бегут по спине, и это не мурашки удовольствия. От чего мурашки? Посмотрите-ка на него. У него коротко подстриженные черные волосы, обрамляющие угловатое лицо. Кожа кажется достаточно толстой и грубой, чтобы конкурировать с носорогом, и одет он в самый нелепый наряд для такого потного и влажного места, как это. На нем черная рубашка на пуговицах, закатанная до локтей, и открывающая мощные, как у Халка, руки, а также пара черных слаксов и туфли из змеиной кожи кремового цвета. На груди, поверх рубашки, маленький золотой крестик. Наверняка он — член банды. Один из тех, кто любит иметь дело с высшим обществом. И если наряд не является стопроцентным доказательством, то большая татуировка в виде Черепа, наколотая с одной стороны шеи, подтверждает это.

Вопросы один за другим проносятся в голове, но ни один из них мне не хочется озвучивать прямо сейчас.

— Могу спросить, зачем?

Он хватается меня за бицепс своими чудовищно большими руками и сжимает до тех пор, пока я не вздрагиваю. Инстинктивно я придвигаюсь к нему.

— Ты можешь спросить, Принцесса, но я все равно не отвечу.

Он дергает меня вперед, и я отчаянно оглядываюсь через плечо, выискивая взглядом Джая. Толпа движется хаотично, и я не могу его увидеть. Меня толкают и тянут, стискивают и сжимают до тех пор, пока мы не доходим до служебной двери, в которую ранее входил Джай. Он вошел туда несколько часов назад и вернулся с «интересной тату». Сомневаюсь, что Черепа заинтересует что-то во мне. Мой бой не был жестоким, особенно по сравнению с боем Джая. Женщина, с которой я боролась, едва была в состоянии ясно мыслить. Все видели это.

Я задерживаю дыхание, пока он протаскивает меня позади себя через дверь. Единственная мысль всплывает в моем мозгу — слово из пяти букв. Оно начинается на букву «Б» и заканчивается на «Ь».

Человек Черепа держит меня за бицепс и заставляет стоять под желтой лампочкой для вызова обслуживающего персонала под винтовой лестницей, которая в правой части комнаты уходит вниз. Его хватка крепкая и угрожающая, так что я не смею пошевелиться.

Комната передо мной обставлена довольно мило. Слева небольшой стол, окруженный семью деревянными стульями разного качества. На поверхности среди пустых пивных бутылок разбросаны фишки для покера и карты. Поперек небольшой комнаты стоит потертый бархатный полосатый диван с подушками, которым на вид лет двадцать, покрытый различными пятнами. Ничто из этого не является причиной того, что внутри живота меня словно отбойными мотками избивают. Что меня беспокоит больше всего — это тату-кресло, которое стоит посреди комнаты.

Я с трудом сглатываю.

Вот дерьмо.

Глава 15

Показания

— Ты отпустила девчонку, не так ли?

Я слышу голос Черепа, прежде чем увидеть его.

Громила отпускает меня, и в эту же секунду я вижу белоснежные кроссовки Черепа, ступающие по темному, грязному бетонному полу. Я перевожу свой взгляд с его обуви на черные слаксы и белую вечернюю рубашку. Для этого места он чересчур вырядился, но какое бы заявление он не планировал сделать этим своим безупречным нарядом с золотыми запонками, оно было сделано. У Черепа есть деньги. И у него есть места, в которых он нужен. Он хочет, чтобы я ощущала почтение в его присутствии, и я должна сделать это, если хочу выбраться отсюда.

Я смотрю на его галстук и маленькую бриллиантовую булавку, которую он прикрепил в середине. Он выглядит элегантно, даже несколько опасно. Полагаю, с кем бы он ни собирался встретиться после этого, он оставил пару намеков на то, насколько опасным он может быть — как будто тату в виде черепа на его лице недостаточно, чтобы запугать человека.

Вблизи он шире и выше ростом. От вида его татуировок мне становится плохо, и я пытаюсь решить, пройдет ли все плохим жутким способом или хорошим жутким — если это вообще имеет какой-то смысл. Я пристально наблюдаю за ним, когда он подходит к креслу и садится на табуретку рядом с ним.

— У меня какие-то проблемы? — спрашиваю я, поглядывая на дверь рядом со мной.

Мужик, который втащил меня в комнату, предотвратит любое бегство, которое я попытаюсь совершить. Тревога разрастается в моей груди и готовится посеять хаос. Это повышает скорость биения моего сердца и сковывает легкие, не давая вздохнуть полной грудью.

— Нет, никаких проблем, — Череп постукивает длинными татуированными пальцами по большому креслу. — Просто хочу поболтать.

Я собираюсь предложить ему посидеть за столом, но когда замечаю пистолет, торчащий из задней части брюк Черепа, вспоминаю, что он не такой человек, кто открыт для предложений. Заставляя двигаться свои дрожащие ноги, я иду к креслу так уверенно, насколько могу. Я вдыхаю и легко выпускаю воздух из легких, прежде чем проскользнуть в кресло. Поджав губы, я напоминаю себе снова и снова, что каждый здесь знает, кто такой Череп и что он ищет. Мне нужно быть похожей на них. Мне нужно обработать Черепа, как бы я сделала с любым работодателем. Нужно притвориться, что его жизнь — это то, в чем я хочу участвовать.

— Я польщена тем, что ты захотел со мной встретиться, — вру я, разглаживая своими потными ладонями леггинсы.

Я не смотрю на него, когда говорю. Не могу заставить себя увидеть его татуировки так близко. Я чувствую, как он смотрит на меня некоторое время, затем говорит:

— Ты боишься? — спрашивает он, и в его голосе я слышу веселье.

Мне наконец-то удастся собраться с духом и взглянуть ему прямо в лицо. Мой взгляд останавливается на темных вытатуированных кругах вокруг глаз, и я борюсь с желанием

ахнуть или заверещать. Представьте себе, что череп — это последнее, что вы видите перед смертью. Вы получите травму на весь остаток вечности. Глупо или нет, но это не то, о чем вы забудете. Что еще более ужасно, чем лицо Черепа — это его горло, которое он также татуировал на себе. Если я когда-нибудь захочу посмотреть, на что похоже человеческое горло изнутри, мне не придется гуглить.

— Тебя? — я выдавливаю улыбку и уверена, что он может видеть меня насквозь. — Абсолютно.

Череп откидывает голову назад и смеется. Трахните меня. Это происходит на самом деле.

— Ты мне нравишься. Ты не глупая, — говорит он, улыбаясь. — Теперь снимай майку.

Я замираю и быстро смотрю в сторону двери. Этот громила делает вид, что не слушает наш разговор, но могу поспорить, что когда я сниму майку, он сразу станет заинтересован в том, о чем мы говорим.

— Прости?

Череп встает за спинку кресла и тянет за собой маленький столик в моем направлении. На столе лежат татуировочные пистолеты из нержавеющей стали, разные насадки и обрывки чего-то. Он тянется за пистолетом и регулирует что-то ногой, пока я дрожу.

— Снимай майку, — он растягивает слова. — Мне нужна твоя ключица.

— М... могу спросить, зачем?

Череп склоняет голову набок, его черные глаза блестят.

— Обычно, я бы сказал тебе заткнуться, прежде чем мой друг сорвет майку с твоего тела, но ты застала меня в хорошем настроении, — он наклоняется ближе. — Я отвечу на твой вопрос, Эмили, но это единственный раз, когда ты задаешь мне вопрос, когда я прошу что-то сделать. Ясно?

Я послушно киваю, слишком ошеломленная, чтобы понять, что он сказал после того, как мое имя сорвалось с его губ.

— Мне нравится отмечать тех, кто интересуется мной, и сейчас ты и твой дружок заинтересовали меня.

— Почему...

Он резко наклоняется вперед, захватывая пальцами мои губы и сжимая их, затем «цыкает» мне, как провинившейся собаке.

— У тебя такой красивый ротик. Мне не очень хочется отрывать его от твоего лица, — все признаки дружелюбия покинули его лицо. — Снимай эту чертову майку.

Ему не нужно просить меня снова. Я хватаюсь за край своей майки и стягиваю ее через голову. Когда я впервые сняла свою майку перед Джаем, я была смущена своим хлопчатобумажным лифчиком, но здесь я благодарна за это. Я надену дополнительную одежду, неважно из какой ткани, лишь бы она защитила мою кожу от бездушного взгляда Черепа.

Череп придвигается ближе и берет в руку пистолет, словно ручку. Моя кожа покрывается мурашками, а в животе будто отбойные молотки пытаются прорвать оболочку моего желудка, собираясь в дальнейшем сделать то же самое с остальными органами поблизости.

— Я... Я никогда не делала татуировку раньше, — говорю я.

Он ухмыляется, и пистолет начинает гудеть.

— Для меня честь быть твоим первым.

Игла касается моей кожи. Я вдыхаю и резко дергаюсь. Череп сжимает мой бицепс своей рукой, заставляя оставаться на месте, когда все, что я хочу сделать — это убежать к черту. Он режет мою кожу и сжигает.

— Боль исчезнет, как только привыкнешь к ней, — смеется он над гудящей машиной.

Это ложь, конечно. Огонь не утихает, даже после того, как он заканчивает. Все это время я закусываю губы и сдерживаю слезы. Я не знаю, как он это сделал. Каждая пора, забитая черной тушью на его теле, представляет боль. Эту боль я никогда не хочу переживать снова.

Когда заканчивает, он наносит небольшое количество крема и велит мне надеть майку. Исходя из фильмов, которые я видела, я знаю, что татуировки нужно прикрывать, но он не предлагает мне ничего, и я переживаю из-за инфекции. Я ожидаю, что, закончив, он уйдет, но вместо этого он отодвигает столик подальше и опирается локтями на колени.

— Расскажи мне о Джае Стоуне, — говорит он неожиданно.

Упоминание о Джае заставляет меня прийти в состояние повышенной готовности. Я никогда не была молчаливой. Я имею в виду, что у меня никогда не было секретов, которые должна была хранить, но если он снова использует татуировочный пистолет, то Джай может быть в беде.

— У него есть сестра, — говорю я, включив «дурочку». — И брат тоже.

Череп, похоже, меньше, чем впечатлен, и выражение его лица беспокоит меня. Когда таким людям, как он, что-то надоедает, то начинает происходить дерьмо. Когда дерьмо начинает происходить — умирают люди.

— Мне не нужно повторять его родословную. Я, блядь, знаю ее наизусть.

Понимание отражается на его лице, и за секунду разочарование сменяется на хитрый взгляд. Это страшно видеть.

— Кстати говоря, мне кажется, тебе не хватает родословной. Могу поспорить, что тебя это беспокоит.

Я стискиваю зубы, и он ухмыляется, когда видит это.

— Меня это вообще не беспокоит, — говорю я, гордясь своей уверенностью. — Не нуждаюсь в этом.

Череп разглядывает меня, его глаза превращаются в задумчивые щелочки.

— Я мог бы дать тебе твою родословную, — говорит он, подперев подбородок рукой. — Сказать тебе, кто мамочка и папочка.

Вот оно. Джай сказал мне, что Череп знает. Проблема в том, что он захочет за эту информацию? Какая информация о Джае у меня есть? Да, у нас был секс, но я едва знаю Джая.

— Если ты хочешь информацию о Джае, то я не смогу тебе помочь. Я только что его встретила.

Череп морщит лоб — или, по крайней мере, сделал бы это, если бы было заметно под чернилами.

— Мой человек, Стив, сказал мне, что вы пришли вместе.

Вот дерьмо. Я все испортила. Он поймал меня. Я пытаюсь оставаться спокойной, но жар все равно окрашивает мои щеки.

— Мы встретились за несколько минут до входа в подполье. Он практически незнакомец для меня.

Неудовлетворенный моим ответом, Череп проводит руками по лысой голове и тяжело

выдыхает.

— Поскольку у тебя нет отношений с Джаем, помимо того, что ты его подстилка, у меня есть для тебя работенка.

Я хмурюсь.

— Я не работаю на тебя.

Череп наклоняется вперед, сокращая расстояние между нами. Я пытаюсь отшатнуться, но некуда, поскольку он прижимается своей грудью к моей, а наши губы почти соприкасаются. Мое сердце подпрыгивает к горлу и пульсирует в пищеводе. Я должна держать рот на замке. Улыбаться и кивать. Как, блядь, сложно научиться? Череп давит своим пальцем на татуировку на моей ключице, заставляя меня морщиться и шипеть.

— Ты теперь мой Котенок.

Я вздрагиваю при упоминании прозвища, которое Джай придумал для меня. Не думала, что оно может звучать хуже, но когда слышу его из уст Черепа, понимаю, что ошибалась.

— Ты сделаешь так, как я скажу. Если Джай делает что-то необычное — говоришь мне. Если он ест, моется или спит как-то странно — ты мне тут же доносишь! Поняла?

Я быстро киваю. Я сделаю все, чтобы выбраться из этой комнаты, даже если придется дать согласие предать друга. Я закрываю глаза, когда он гладит меня по щеке. Его пальцы теплые и потные, и ощущение, которое они оставляют после себя — мой желудок с этим не согласен.

— Хороший Котенок, — быстро проведя пальцем по моей нижней губе, он отодвигается от меня. — У меня очень важный ужин. Поздравляю с боем. Бить лежачего человека — это особый вид бездушия, который отлично вписывается в мой бизнес. С нетерпением жду следующего раунда.

Он ухмыляется, шаря рукой в заднем кармане, и бросает тяжелую пачку денег мне на колени. Я не могу оторвать от него глаз, когда он подзывает громилу. Даже не взглянув в мою сторону, они оба поднимаются по лестнице, и я остаюсь одна в комнате. Предполагаю, что я должна удалиться. Я соскальзываю с кресла и иду на трясущихся ногах. Они по-прежнему дрожат, как после боя. То же самое и с руками, но внутри меня, происходит что-то странное. Я не уверена, что это такое... может быть, чувство вины. Череп хочет, чтобы я предала Джая, и я не думаю, что смогу. Если этого не сделаю, то Череп, скорее всего, убьет меня. Если сделаю — Череп убьет Джая, а потом меня. В любом случае, вся эта затея не закончится хорошо.

Я заставляю двигаться свое уставшее тело к двери. С отяжелевшими веками, я открываю ее и направляюсь в тоннели. Толпа рассеялась, а те, кто остался, танцуют и общаются так, словно это лучшая вечеринка. Мне тоже хотелось так веселиться. День или два назад я думала, что это лучшее место. Но я зашла слишком далеко и теперь не в состоянии выбраться отсюда.

Теперь я знаю, почему неизвестность опасна.

Я сканирую толпу людей, ища среди них Джая. Среди всего этого сумасшествия, он — единственное, что заставляет меня чувствовать себя в безопасности.

Он выходит из-за группы людей, и я замираю на месте. Сможет ли он понять, что Череп хочет, чтобы я предала его? Я выгляжу по-иному? Что еще более важно, что я должна ему сказать? Мои ноги ослабли. Руки все еще дрожат, и я ничего не делаю, но смотрю на него, пока он наблюдает за мной. Он смотрит на выступ над клеткой и хмурится. Мне даже не нужно смотреть, чтобы убедиться в том, что Череп наблюдает, и этого достаточно, чтобы

заставить мои ноги передвигаться. Я двигаюсь в сторону Джая, с каждым шагом чувствуя себя все слабее и слабее. На расстоянии в один метр Джай раскрывает свои объятия, и я погружаюсь в них, обернув руки вокруг его шеи. На сердце тяжело. Хочется реветь, прыгать и орать — все сразу. Мужественный запах Джая проникает в мои ноздри, и я вдыхаю его. Затем он опускает голову, и его совершенные скулы касаются моих.

— Ты в порядке?

Если я открою рот, то думаю, что разревусь, поэтому просто качаю головой. Череп не должен видеть меня такой, поэтому я отступаю назад и поправляю майку. Джай анализирует мое лицо, и я вижу это по его глазам. Он знает, что я не хочу об этом говорить. Поэтому, чтобы сохранить репутацию, он крепко обнимает меня и хлопает по плечу, перед тем как запихнуть меня под мышку и потащить в сторону нашего маленького уголка.

Глава 16

Признание

Мы входим в наш укромный уголок, и я вырываюсь из-под руки Джая и сажусь на свою кровать. Джай опускается на собственную раскладушку так, что его колени соприкасаются с моими, но ничего не говорит. Он сидит и терпеливо ждет, словно у него есть все время мира. Хотя я вижу это на его лице. Он умирает от желания узнать, что произошло за той дверью, но я не хочу говорить об этом. Не хочу говорить о Черепе и о том, что он хочет от меня. Он называл меня Котенком и сделал тату в виде черепа на моей ключице. Он хочет, чтобы я сообщала ему, что необычного делает Джай. Все, все это — слишком большое давление, и я не хочу попасть под перекрестный огонь.

— Ты отлично справилась, — говорит Джай после нескольких минут молчания.

Я смотрю на него, удивляясь, что он хочет начать разговор с моего боя, а не с Черепа.

Он сидит, опираясь локтями на колени и сцепив пальцы. Его темно-синие глаза отражают сочувствие, которое он испытывает ко мне в глубине души. По некоторым причинам, я чувствую себя спокойнее, зная, что мы оба несчастны. Мы выиграли наш первый раунд боев, но это только начало, и я не могу избавиться от ощущения, что реальные бои еще только впереди.

— Это ничего не значит для меня. Она чувствовала себя не на сто процентов... моя победа была странным несчастным случаем.

— На это требуется много сил...

— Бить кого-то, когда он заведомо побежден? — вклинилась я. — Да. Мне так и сказали.

Я дергаю за резинку для волос и позволяю волосам упасть мне на лицо, словно грязному занавесу. Они прилипают к потному затылку, и я ненавижу это, но у меня нет энергии сделать хоть что-нибудь с этим.

— Не знаю, что с ней... может, она слишком много выпила прошлой ночью, или, может быть, она отравилась едой.

— Может быть.

Я хмурюсь. Для того, кого волнует, выиграю ли я или проиграю, он не считает чудом то, что произошло сегодня утром. Мой первый соперник заболел в день, когда мы должны драться, и Джай не сказал, что мне «повезло».

— Ты не удивлен? — спрашиваю я, склоняя голову набок.

— Что ты хочешь мне сказать? Она заболела. Дерьмо случается.

Нет. Я не куплюсь на это.

— Ты что-то знаешь, не так ли?

Он открывает рот, и я задыхаюсь, когда все части пазла соединяются воедино. Мне плохо... я чувствую... не знаю, как себя чувствую. Мой мозг не в состоянии осмыслить поступок, в котором я собираюсь обвинить Джая.

— Ты что-то сделал, не так ли?

Джай откидывается назад на руки, совершенно не беспокоясь о моем обвинении.

— Не задавай вопросов, на которые не хочешь знать ответы.

Я вскакиваю со своей кровати, и мое тело, наконец, решает избавиться от стресса. Я

запускаю пальцы в свои волосы, слезы начинают литься из глаз, и я рыдаю. Я рыдаю так чертовски сильно. Не могу справиться с этим. Не могу жить с этим — драки, измены, убийства — это слишком.

— Бедная женщина, — я плачу и тяну себя за волосы, пока меряю шагами комнату. — Я обманула ее. Я обманула ее из-за денег, ее место здесь.

Джай поднимается на ноги.

— Ты не обманывала ее. Ты играла в эту игру и победила.

Я вскидываю голову в его сторону и тыкаю в него пальцем.

— Ты играл в эту игру за меня! Я никогда бы не причинила кому-то боль для своей личной выгоды. Никогда!

Его челюсть напрягается, голубые глаза вспыхивают.

— Вот почему я сделал это ради тебя. Я знал, что твоя совесть не сможет с этим справиться. Существуют вещи, которые мы должны делать здесь, Котенок, и мне нужна твоя помощь, — его взгляд падает на мою татуировку и снова возвращается к моему лицу. — Теперь ты с Черепом. Ты находишься в идеальном положении, чтобы помочь мне.

Я качаю головой, всхлипывая, и пытаюсь замедлить поток слез.

— Я не хочу этого дерьма от Черепа и твоего плана тоже.

Я засовываю руку в задний карман и вытаскиваю толстую пачку наливки, которую дал Череп за победу в этом бою. У меня никогда не было таких денег, и я не хочу их впредь. Или, по крайней мере, не так. Она слишком тяжелая в моих руках. Когда я смотрю на нее, мои слезы останавливаются.

— Как ты это сделал? — спрашиваю я, не сводя глаз с денег. — Как вывел из строя женщину?

— Я же сказал тебе. Не задавай вопросов, на которые не хочешь ответов...

— Как? — требую я, сжимая деньги в руке.

— Купил «Трамадол» у Маркуса, раздавил и кинул ей в воду.

«Трамадол». Все, что я знаю о наркотиках, всплывает в моей памяти. Этот наркотик используют, как болеутоляющее средство, для лечения умеренной и сильной боли. Его нужно принимать регулярно, а не «по мере необходимости».

— Знаешь ли ты, насколько силен «Трамадол»? — спрашиваю я с любопытством.

Я имею в виду, он не настолько сильный, как «Морфин», но намного сильнее, чем «Тайленол».

Джай качает головой.

— Ты медсестра, а не я.

— Они специально предупреждают, чтобы ты не раздавливал и не нарушал таблетку, чтобы избежать потенциально смертельной дозы, — я тру свой лоб. — Ты не знаешь ее историю болезни. Существует длинный список вещей, которые необходимо изучить, прежде чем врач назначит его своему пациенту. Это опасно.

Насколько я помню, слабое или поверхностное дыхание, лихорадка, быстрый сердечный ритм, тошнота, рвота, диарея, потеря координации и другие симптомы — все это признаки передозировки. Пока мы были в клетке, ее тело не очень хорошо с этим справлялось.

— Она может умереть, — объявляю я, мои глаза округляются.

— Она немного помята, но не настолько. Я видел, как она уходила. Она в порядке, Эмили.

Но не в этом дело, да? Это дело принципа. Череп и Джай оба используют меня в своих

планах. Они оба делают что-то без моего разрешения — без моего ведома. Это не нормально. Я делаю шаг вперед и тычу деньги в большую грудь Джая. Он смотрит вниз на них, но отказывается принимать.

— Я же говорил тебе, мне не нужны деньги.

Наши взгляды встречаются.

— Думаешь, они мне нужны? — я тычу в него пачкой. — Либо ты их берешь, либо я выбрасываю их.

Он неохотно берет деньги, и я отворачиваюсь от него.

— Куда ты идешь? — кричит он мне вслед, но я игнорирую его.

Если я собираюсь выжить здесь, то сделаю это на своих условиях.

Найду свою собственную комнату.

Буду тренироваться сама.

Буду избегать Черепа и Джая любой ценой.

Они оба повернутые, и оба — мастера манипуляций. На них нельзя полагаться. Я единственный человек, кому могу доверять. Я хочу азарта и хочу испытать неизведанное, но не той ценой, которую просят Джай и Череп.

Я не многое знаю, но одно знаю наверняка. Выиграв или проиграв, я уберусь отсюда только тогда, когда закончу с ними двумя.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Бонусные главы

От автора

Пожалуйста, наслаждайтесь бонусными главами к книге *«Кровь и ржавчина»*.

«Кровь и ржавчина» — первая книга в серии из восьми книг и единственная, написанная только от лица Эмили. Остальные от двух. Я спросила у своих читателей, какие сцены они хотели бы прочесть от лица Джая, и эти три они больше всего хотели увидеть.

С уважением, Скайла Мади.

Глава 1

Крохотная Медсестра

Я засовываю наушник в ухо и расслабляюсь на сидении, пока играет музыка. Низкий, жесткий бит пульсирует в голове, заглушая звуки поезда. Обычно мне нравятся поезда. Нравится то, как они скрипят и грохочут, двигаясь по рельсам и проезжая по Нью-Йорку. Я всегда считал людей, находящихся в поезде, самыми забавными людьми на планете. В каком-то смысле, они представляют собой совершенно отдельный вид, со своими большими сумками и взъерошенными волосами — доказательствами тяжелого рабочего дня. Мне нравится то, как они отрешаются от реальности и погружаются в свои газеты, книги и телефоны. Как та девушка в фиолетовой форме медсестры, сидящая за мной. При первой же возможности она включила свой планшет и упорно пытается игнорировать свое окружение. Я наблюдал за ней несколько секунд, прежде чем сесть. Она устала, ее красивое лицо имело измученный вид. Мне никогда не нравилось то, что женщины ездят на поездах — особенно в такое позднее время. Мало ли кто скрывается в засаде, чтобы заполучить то, что не могут достать легальным способом или не прибегая к насилию. Будучи бывшим полицейским и жестоким уличным бойцом, за себя я не переживал, а у тех, кто решил бы нацелиться на меня, был бы неудачный день.

Свет в вагоне мигает, пока мы проезжаем еще один тоннель, приближаясь все ближе к нужной остановке. Я ставлю локти на колени и отбиваю пальцами ритм песни, отчаянно пытаюсь заглушить беспокойные мысли, которые отравляют мой мозг. От тревоги сводит живот. Я даже не могу вспомнить, как давно я начал готовиться к этой ночи. Если все пройдет хорошо... я, наконец-то, верну своего брата.

Все должно пройти хорошо...

Я не могу вернуться домой к нашей шестнадцатилетней сестренке ни с чем. Она начала выходить из-под контроля, и я не могу это остановить. Знаю, что Джоэл может позаботиться о сестре лучше меня.

Свет перестает мигать, когда мы выезжаем из тоннеля, и я снова откидываюсь на спинку сиденья. Выглядываю в окно, и едва различаю промышленные склады, мелькающие снаружи.

Мой пункт назначения... *Ад.*

Чтобы быть уверенным, дергаю за провод, и наушник выпадает из уха. Тормоза поезда визжат.

Мы на месте.

Сунув наушник обратно в ухо, я хватаю рюкзак и встаю. Опускаю голову вниз и смотрю на пол, не желая, чтобы кто-то заметил беспокойство на моем лице.

Бог знает, что я сделаю, когда увижу его... Череп...

Он — причина того, почему моя жизнь наполнена чертовой неразберихой. Он убил мою сестру, маму и отца. Он разорвал мою семью на части голыми руками. Как только я верну своего брата, Череп будет страдать за содеянное. Я не успокоюсь, пока не буду держать его отрубленную голову в своих руках.

Поезд замедляет движение, посылая вибрацию по моим ногам. Каждый толчок торможения отдается в моих мышцах, пока поезд готовится к остановке. Я двигаюсь к

выходу следом за Крохотной Медсестрой в фиолетовой форме, ее длинные темные волосы собраны в небрежный высокий хвост. Жду, когда откроются двери.

Рэп гремит в моих ушах достаточно громко, чтобы заглушить мои страхи и заблокировать любые голосовые объявления в поезде. Думаю, что из колонок начинают объявлять название остановки, потому что девушка рядом со мной смотрит вверх и поворачивает голову в попытке расслышать речь. Занятно. Она выглядит смешно, особенно с тонкой линией синих чернил вдоль ее челюсти.

Крохотная Медсестра не чувствует, когда обхватывает поручень, что слегка задевает своими костяшками мое предплечье. Я немного отклоняюсь влево, освобождая ей больше места, чтобы держаться за поручень.

Сглотнув, я смотрю на ее простые черные кроссовки, и граффити под нашими ногами привлекает мое внимание. Различные завитки тусклых цветов и какие-то черные каракули покрывают пол, словно татуировки на несовершенной коже. Под левой кроссовкой Крохотной Медсестры выглядывает идеальный эскиз котенка с задраным вверх носиком, который смотрит на меня своими любопытными глазками.

Хм... Мило.

Поезд останавливается. Мое сердцебиение ускоряется. Двери слегка дрожат и начинают разъезжаться, и я делаю шаг вперед, прежде чем они полностью откроются.

Она делает то же самое.

Обычно, я бы отошел в сторону и позволил бы ей пройти первой, но я опаздываю. И, разумеется, она врзается в мой бицепс плечом и спотыкается. Я бормочу извинения и, не оглядываясь, продолжаю идти, подтянув рюкзак повыше на плече. Как и говорил, при других обстоятельствах я бы остановился, но кто знает, кто следит за мной. Зрительный контакт с ней может подвергнуть ее опасности.

Поэтому я продолжаю идти, мои плечи расправлены, а голова опущена, и я двигаюсь навстречу холодной, неопределенной пропасти, что зовет меня по имени.

Дорога ужасна, как я себе и представлял. Бывшая промышленная зона — ржавый пустырь, полный грязи и металла. Как же назывались такие места, когда я еще был полицейским? А, точно — Могильником. Эти места являются питательной средой для преступности, и большинство ночей так и есть, но и это не предел. *Все намного хуже.*

За фасадами разрушающихся зданий и заброшенными машинами здесь скрывается жестокая игра на деньги, силу, выносливость и смерть. Десять штук взнос — и далее следует бесконечный поток боев, пока ты не останешься один. Если выиграешь, ты сохранишь деньги и обеспечишь себе место в команде Черепа. Если же проиграешь... ну, если проиграешь, то либо будешь жить под постоянным медицинским обслуживанием, либо будешь мертв.

Я прогоняю приступ тревоги, которые сдавливают горло. Мой брат прошел через это два года назад и попал в команду Черепа, вот только бесследно исчез вскоре после этого. Что случилось?

Я должен его найти.

Должен вернуть его домой.

Низкий, устрашающий бит в моих ушах затихает, когда песня, которую я слушаю, заканчивается. В тишине я слышу звуки мира, и что-то доносится слева.

Я замедляюсь. Затем останавливаюсь.

Мои брови хмурятся сами собой, и осознание того, что кто-то наблюдает за мной, взбирается вверх по шее. Кто-то наблюдает за мной? Череп, наконец-таки, понял, кто я? Он понял, что я младший брат Джоэла? Что я бывший коп?

Инстинктивно я оборачиваюсь... и это она.

Крохотная Медсестра.

Я хмурюсь и рывком снимаю наушники. Ее рот приоткрыт от страха. Она понимает, где находится? Насколько она близка к смерти? Я сжимаю кулаки и стискиваю зубы. Какая нормальная девушка последует за незнакомым мужчиной в заброшенный промышленный район далеко за полночь? Она здесь явно не для того же, что и я. И она не похожа ни на одну из девушек, которые обитают здесь в округе. То есть, не похоже, чтобы она тренировалась для боев хоть один день в своей жизни.

Крохотная Медсестра прочищает горло и расправляет свои хрупкие плечи.

— Ты сломал мой...

Скрипя зубами, я резко делаю шаг к ней, и она взвизгивает, роняя то, что держала в руках. Я хватаю ее за плечи и толкаю в сторону, отчаянно пытаюсь оттащить от освещенного участка. В тени я могу скрыть ее от глаз. Она спотыкается об свои же собственные ноги, падает назад, и я хватаю ее за предплечье, сжимая ее жалкие мышцы пальцами прежде, чем она ударится о металлическую стену склада.

— Ты сумасшедшая? — нахмурившись, выплевываю я.

Я до синяков усиливаю хватку. В темноте слышу ее дыхание. Рассматриваю ее губы и с трудом сглатываю. Они чертовски прекрасны... и полуоткрыты, грудь с бешеной скоростью вздымается и опадает. Она напугана. А почему бы и нет? Ее жизнь висит на волоске. Может быть, она еще успеет выбраться отсюда, вернуться на станцию и сесть на следующий поезд.

Если он будет.

Я отпускаю ее, делаю шаг назад, поднимая вверх ладони, чтобы показать, что не нанесу ей какого-либо вреда. Нет. Не хочу причинять ей боль. Я просто хочу, чтобы она ушла.

— Ты сломал мой планшет, — хрипит она. Что?! Поэтому она здесь?! Потому что она врезалась в меня, выходя из поезда, и уронила планшет? Он стоит больше, чем ее жизнь? Чем ее безопасность? Век технологий... где обновление твоего статуса важнее, чем твоя безопасность. Что за пиздец в мире, в котором мы живем.

— Господи Иисусе, — я стягиваю капюшон с головы. Крохотная Медсестра — чертова психопатка! — Тебе нужно убираться отсюда.

Она замолкает, а луна выходит из-за тучи, освещая ее черты лица. Она красивая и слишком молодая. Из-за этого она отличная приманка для стаи бешеных акул.

— Ты позволишь мне уйти?

Ты позволишь мне уйти? Я наклоняю голову. А почему это не позволю? Неужели я похож на мужчину, которому необходимо удерживать девушку насильно? Нет. В обычных условиях у меня нет проблем с девушками.

— У меня нет причин удерживать тебя. Если ты умная, то будешь бежать отсюда так быстро, как только сможешь.

Она смотрит на меня, застыв на месте; ее темные глаза распахнуты, как у нарисованного на полу поезда котенка. Решительный взгляд, смягченный любопытством. Она решила, что я больше не угроза. Луна исчезает, снова накрывая ее темнотой.

— Я никуда не уйду, пока ты не заменишь мой планшет.

Ее голос дрожит, выдавая беспокойство, которое она ощущает в глубине души.

Не могу сдержаться, и уголки моих губ приподнимаются в улыбке. А это развлечение.

— Я сломал планшет?

Она кивает, сжимая пальцами ремень своей сумки.

— В поезде. Ты протиснулся мимо меня, выходя из дверей, и я уронила его.

Я скрещиваю руки на груди.

— И ты преследовала меня до заброшенных складов? Для чего?

Она отталкивается от стены, по-видимому, разочарованная.

— Сказать...

— Заставить меня заменить то, что я, якобы, сломал?

Кивнув, она вздыхает, опуская плечи. Я опускаю свой взгляд на ее обувь и осматриваю всю ее. Крохотная Медсестра усердно работает, это очевидно, но я знаю людей, которые ездят на поездах до этой части города.

Мошенники. Наркоманы. Убийцы. *Только Господь знает, кто еще.* Может, она новичок в своей зависимости, и это еще не затронуло ее внешность.

Я всматриваюсь в тень, которая скрывает ее глаза от меня.

— Тебе нужны легкие деньги?

— Что? — она медленно двигается вперед. — Нет. Я медсестра.

— Если ты можешь достать наркотики бесплатно, тогда что ты хочешь от меня?

— Мне не нужны наркотики. Я... — она делает паузу и раздраженно вздыхает. — Все, что я хочу от тебя, это чтобы ты заменил то, что сломал. Так что просто сделай это, и я уйду с твоего пути.

Заменить его? Даже признав то, что я сломал его, куда, она думает, я пойду? Мы стоим посреди заброшенного промышленного объекта. Это неправильное место, даже чтобы помочиться, не говоря уже о покупке нового черного планшета. Она думает, что я джинн? Она ожидает, что я заменю его одним щелчком пальцев?

— Что, черт побери, ты хочешь от меня? — я указываю руками вокруг. — Видишь ли ты какие-нибудь магазины электроники вокруг? Да еще и работающие в это время? — я шагаю ближе. Мы потратили много времени здесь. В любую секунду одна из этих дверей откроется, и когда это произойдет... ей крышка. — Смотри леди, у меня здесь дела. Ты должна убраться отсюда, пока...

Лязг. Скрежет. Бам!

Звуки эхом раздаются вокруг и сводят меня с ума, останавливая сердце в груди. Началось. Крохотная Медсестра — покойница.

— Что это? — спрашивает она, медленно подходя ближе ко мне, как будто я могу ей помочь.

Разве это не очевидно?

— Это твоя самая большая ошибка.

Глава 2

Котенок

Я не могу ей верить. Не могу представить, что она преследовала меня от гребаного поезда, а я понятия не имел об этом, пока не стало слишком поздно. Я хватаю ее за маленький локоток и тяну за себя. Я должен оставить ее умирать. Должен уйти и позволить ей ответить за то, что она была такой неразумной и глупой, но полицейский во мне не позволяет этому случиться. И братские чувства. Эта девушка может быть чьей-то сестрой. Она может быть чьей-то возлюбленной, чьей-то мамой.

Медсестра остается позади меня, выглядывая из-за спины, чтобы рассмотреть, что происходит. Я слышу крики, доносящиеся из-за двери. Кажется, ее заклинило.

— Беги, — говорю я ей, оборачиваясь через плечо. — Сейчас.

Она быстро двигается, метнувшись от меня к своему планшету на земле. Она наклоняется, ее пальцы погружаются в грязь карамельного цвета, и поднимает планшет. Когда она выпрямляется, открывается дверь и яркий свет разносится вокруг.

Черт.

Я поднимаю руку, чтобы прикрыть глаза и, воспользовавшись моментом, оглядываю девушку. Она тоже прикрывает глаза рукой от яркого света. Когда прожектор опускается, выходит Стив, и его внимание направлено только на нее. Она с ужасом в глазах рассматривает его обезображенное шрамами лицо, и, уловив его раздражение, переводит взгляд ниже на грудь. Много историй вращается в подполье о Стиве и его шрамах. Некоторые говорят, что он боролся с огромным львом и победил. Другие утверждают, что это детская травма, нанесенная отцом.

Кто знает, какая из этих историй истинная правда.

— Не ожидал увидеть вас двоих, Стоун, — Стив ворчит, и я понимаю, что ему просто не терпится всадить пулю в одного из нас. Или в обоих.

Я выдыхаю. *Блядь.* Сколько денег я взял с собой? Думаю, штук тридцать, но после взноса каждый цент в обрез. У меня есть сделки, за которые нужно расплатиться. Если потрачу десятку на нее... это может поставить под угрозу мой план по спасению брата.

— Ох.

Крохотная Медсестра делает шаг вперед, и я поворачиваюсь к ней. Кажется, мое сердце застряло сейчас в горле.

Она вздрагивает, и я не двигаюсь, пока она смотрит на меня. Я пытаюсь мысленно отправить ей сообщение, взглядом стараюсь предупредить. Одно неверное слово, и она мертва. Меня вообще не должно это волновать. Я много работал, чтобы попасть сюда. Я дрался в отборочных боях, и попал сюда за короткое время. Рисковать возможностью, которой я добивался так долго — это безумие.

Не глядя на меня, она прочищает горло.

— Я не с н...

— Мы вместе, — говорю я, прерывая ее. *Черт.* — Это для Черепа, — залезаю в карман шорт и достаю две пачки денег. Десять штук за каждого. — Если у тебя есть проблемы с моими деньгами, обсуди это с ним.

Разумеется, я соврал. Я никогда не говорил с Черепом, но ничто не успокоит Стива

больше, чем упоминание имени человека, который оплачивает его счета и убивает людей каждый день.

Медсестра стоит, разинув рот, когда видит пачки с деньгами в моей руке, в то время как Стив настороженно глазет на них. Проходит несколько напряженных минут, во время которых я представляю все различные способы, какими я смогу убить его, если он попытается помешать мне войти. В конце концов, Стив ухмыляется.

— Никаких проблем.

Он делает шаг вперед, его большие сапоги шлепают по грязи, и протягивает руку. Вздохнув, я отдаю ему деньги. Он взвешивает их в руке, затем запикивает в карман и переводит свой взгляд с меня на нее. Под его напряженным взглядом она застывает от ужаса.

— Ты уверен, что твоя девчонка сможет постоять за себя там, внизу? — спрашивает он, откровенно разглядывая девушку, словно она кусок мяса, в которое он хочет вонзить свои зубы.

Я сжимаю челюсть, не обращая внимания на кислоту, бурлящую в животе и покалывающую шею.

— О ней не беспокойся. Она злее, чем выглядит.

Я смотрю на нее. Бедная девчонка. Я только что купил ей несколько дополнительных минут жизни. Там она будет съедена заживо.

— Хорошо. — Стив вздыхает, проводит ладонями по своей серой борцовке и отступает в сторону. — Проходите.

Я протягиваю руку и хватаю ее за локоть. Притягиваю к себе, и она снова роняет свой планшет. Он ударяется о землю и разбивается, разлетаясь на осколки в разных направлениях. Она борется со мной, пока я тяну ее в склад. Я усиливаю хватку, и она морщится, косясь через плечо. Она дрожит, позволяет себе окинуть взглядом большой склад и замечает две открытые стальные двери посреди комнаты. Чем ближе мы приближаемся, тем очевиднее становится для нее то, куда мы направляемся.

— Пожалуйста, скажи, что мы не собираемся идти туда? — шепчет она, сильнее вырываясь.

— Именно туда мы и идем.

Она сильнее упирается, отчаянно пытается высвободить свою руку из моей хватки. Она думает, что я беру ее в плен, но это не так. Если бы она оценила ситуацию и немного использовала свой мозг, то поняла бы, что идти со мной — наилучший вариант. Это может не показаться таковым, но я спасаю ей жизнь.

— Отпусти меня! — шипит она себе под нос.

Я усиливаю хватку, и она морщится от боли, стиснув челюсти. Позади нас смеется Стив. Конечно, он смеется. Она слишком остро реагирует. Крохотная Медсестра яростно вырывается, бьет меня сильно по щекам, и это действует мне на нервы.

— Пощечины? Серьезно? — шиплю я, схватив ее за запястье. — Пожалуйста, скажи мне, что это не все, что ты можешь сделать.

Она моргает своими огромными глазами, которые наполнены слезами.

— Отпусти меня! У меня много знакомых! Они придут за мной!

Она хочет умереть? Я только что заплатил десятку, чтобы спасти ее неблагодарную задницу. Что нужно делать ей — это держать рот на замке, пока она не убила нас обоих.

— Заткнись, — говорю я ей. — Из-за тебя нас двоих убьют.

— Есть проблемы, Стоун?

Я напрягаюсь всем телом. Я зашел слишком далеко, чтобы сейчас умереть. Низко приседаю и оборачиваю руку вокруг ее ног. Она визжит, ее тело напрягается. Это не останавливает меня от того, чтобы забросить ее на свое плечо. Она легкая, намного легче, чем я предполагал. И это дерьмово. Мой рюкзак тяжелее, чем эта девушка.

— Никаких проблем, — кричу я. — Просто она поняла, что не упаковала свою новую пару туфель от Джимми Чу, вот и все.

— Нет! — Крохотная Медсестра кричит, молотя кулаками по моей спине. — Пожалуйста!

Я делаю шаг на первую ступеньку, затем на следующую. На моем плече девушка обвисает и рыдает, отказавшись от своей борьбы.

Я несу ее еще пару метров после того, как схожу с последней ступеньки. Мы сделали это. Наклоняясь, я опускаю Крохотную Медсестру на ноги, и тут в меня несется ее кулак. Он врезается в мою челюсть в то же момент, когда я опускаю ее на пол. Я стону, когда мою голову отбрасывает в сторону. Прижимаю ладонь к губам, а безумная девушка несется вверх по лестнице, словно испуганный котенок, бегущий от злобных собак. Рыча, я дергаюсь вперед и ловлю за ремень ее сумки, дергая назад. Она борется, сопротивляясь мне.

Блядь.

Ремешок ее сумки рвется, и она, охая, падает, но я ловлю ее за плечи. Этот Котенок должен вернуть голову на место, и быстро. Как только мы присоединимся к остальным, это дерьмо не прокатит. Они примут ее за слабачку, как только увидят. Я толкаю ее к стене, и звук столкновения ее головы с твердой поверхностью разносится эхом по тоннелю.

— Послушай...

Она открывает рот, чтобы возразить, но я зажимаю ладонью ее губы. Достаточно просьб. Я не хочу, чтобы она, черт возьми, разговаривала. Я хочу, чтобы она послушала меня две чертовых секунды!

— Послушай, — говорю я ей. — Ты не можешь этого избежать. Ты хочешь уйти? Чертовски жаль. Ты сама заварила эту кашу, и теперь сама должна выбраться отсюда.

Она быстро дышит через нос.

— Последнее, что тебе нужно — это привлечь к себе внимание. Ты должна бороться, чтобы выжить. Если не будешь — они перережут тебе глотку и бросят в канализацию. К тому времени тебя смоет куда-нибудь, и твое тело будет слишком изуродовано, чтобы его можно было опознать. Ты понимаешь?

Я наблюдаю по ее глазам, как мои слова просачиваются в ее голову. Она боится... это и понятно. Медсестра кивает, и я опускаю руку.

— Я никому не скажу, — просит она, ее голос дрожит, как и руки. — Я просто хочу уйти домой.

Неужели не понятно? Сколько раз я должен это повторить? Мне нужно это разжевывать? Нужно написать это на этой чертовой стене? Ее красивая задница застряла здесь вместе со мной.

— Ты не можешь уйти домой.

Глава 10

У стены

Я толкаю Эмили вперед, и, чтобы не удариться, она выставляет руки и упирается ладонями о грязную бетонную стену. Можно подумать, что я смог бы вечно сопротивляться ей. Словно мог устоять перед ней еще секунду. Я накрываю ее тело своим, прижимая сильнее к стене. Она тоже нуждается в этом. Сильно. Как давно у нее это было? Как давно это было у меня? Не могу припомнить. Я был так помешан на том, чтобы проникнуть сюда, что у меня не было времени на секс, или на женщин в целом.

Но, Боже, я хочу ее, и эта нужда только усиливается от длительного нахождения рядом с ней, в ловушке этой маленькой комнатки...

Ее изгибы...

А ее запах...

Я поглаживаю ее спину, решая, с чего начать свои ласки. Я хочу прикасаться к ней везде, где только можно. Моя кровь кипит в венах, пульсирует в ушах, когда она выгибает спину, сильнее прижимаясь попойкой ко мне. Я следую ладонью по изгибу ее тела, скользя по ее бедрам, и опускаю на ее попку. Убираю ее длинные волосы в сторону и наклоняюсь вперед, чтобы прижаться губами к ее коже. Эмили дрожит, и я сжимаю ее ягодицу рукой.

Так.

Чертовски.

Идеально.

Я целую ее в затылок, она вздыхает и кожа покрывается мурашками. Я слегка царапаю ее чувствительную плоть своими зубами.

— Не буду лгать, — говорю я, оборачивая руку вокруг ее талии. — Я думал об этом уже в первую ночь.

— Думал?

— Дааа, — я стону, надавливаю рукой на ее плоский животик, побуждая покрепче прижаться ко мне. Я хочу, чтобы она была максимально близко. Без свободного пространства. Без места для воздуха. Только я и она.

— Когда прижал тебя у склада и увидел твои сексуальные губки.

Она ухмыляется.

— Освежишь мою память? Это было до или после того, как ты обозвал меня шлюхой?

Конечно же, она это помнит. Но это было недоразумением. Нет никакой уверенности в людях в этой части города. Даже она должна понимать это. Улыбнувшись, я ловлю мочку ее уха зубами, и она шипит, поднимая плечо вверх. Достаточно игр. Еще немного и я взорвусь. Сейчас я нуждаюсь в ней. Нуждаюсь настолько сильно, как в следующем вдохе. Блядь... быть с ней *вот так*... Мне. Необходимо. Это.

В крошечном пространстве, что предоставляю ей, она умудряется развернуться. Прижимается своими великолепными грудями к моему торсу, и я представляю их голыми напротив себя. Представляю, как мой член двигается между ними, как я кончаю на ее молочную кожу. Ее взгляд прикован к моему, и между нами происходит безмолвная беседа.

Я хочу трахнуть ее. Она хочет трахнуть меня.

Без слов я обещаю ей, что это будет незабываемо. С того момента, как я войду в нее, с

того момента, как заполню ее кистью своим членом, она никогда не сможет забыть его. Сегодняшний день отпечатается в ее голове навсегда, и она еще долгое время будет просыпаться мокрой и задыхающейся, с моим именем на губах.

Я обрушиваю свои губы на ее, и мой язык врывается в ее ротик. Она плавится напротив меня, и я прижимаюсь к ней, используя стену для опоры. Скольжу рукой вниз по ее животу к поясу леггинсов, направляясь в местечко между ног. Она резко вздыхает, а уголки моих губ приподнимаются, но я продолжаю ее целовать. Всего несколько поглаживаний по ее обнаженному клитору, и держу пари, что она кончит, как сумасшедшая. С этой мыслью в голове я нежно глажу ее, едва надавливаю, чтобы не позволить ей кончить, но чтобы хорошенько возбудить.

Все! Не могу больше сдерживаться...

Хватаю за пояс ее леггинсов и дергаю вниз. Эмили двигает бедрами, помогая мне стянуть ткань с ее задницы. Когда ткань оказывается достаточно низко, я разворачиваю ее и хватаюсь за ее бедра, притягивая задницу к себе, тем самым заставляю ее снова выгнуть спину. Она вцепляется тонкими пальчиками в рыхлый бетон, пока я вожусь со своим ремнем. Когда с пряжкой покончено, а молния расстегнута, я тянусь в карман за презервативом. Да, я прихватил парочку... для личного использования, в основном. Рву зубами фольгу и бросаю упаковку через плечо. Раскатываю презерватив по члену и располагаю его напротив ее попки. Я хочу еще немного прикоснуться к ней, исследовать ее тело получше, а с такой позиции я могу это сделать. Целую мочку ее уха и провожу руками вдоль ее бедер, скольжу ими под ее майку. Я жадно обхватываю ее грудь, двигаю бедрами и проскальзываю своим членом между половинками ее задницы. Она теплая. Такая чертовски теплая, что мысль об этом выкачивает воздух из моих легких. Застонав, я хватаю ее за грудь одной рукой, а другой беру за свою длину. Двигаю бедрами, скользя членом вдоль ее кисти. Она стонет, и это посылает электрические разряды вниз по моей спине.

— Ты должна вести себя тихо, если не хочешь, чтобы тебя услышали, — шепчу я ей на ухо.

— Хрен с ними, — говорит она на выдохе, упираясь лбом в бетонную стену.

Мои губы изгибаются в подобии улыбки.

— Без них, — говорю я ей. — Только ты.

В этот момент она единственная, кого я хочу.

Не в силах сдерживаться дольше, я притягиваю ее бедра и вхожу одним прекрасным скользящим движением. Она сжимается вокруг меня, и делает это так, как не может моя ладонь. Эмили глубоко дышит, как будто я выкачиваю воздух из ее легких. Я наслаждаюсь этим и усмехаюсь, пока выхожу из нее, оставляя кончик члена пульсировать напротив ее входа. Она шевелит бедрами и толкается в меня.

Она нуждается в этом. Очень.

И боюсь, что я скоро кончу.

Я толкаюсь еще раз, удерживая ее возле себя, и она низко стонет.

— Ты слишком хорошо ощущаешься. Слишком тугая. Слишком влажная, — я стону, касаясь ее ушка зубами. Не могу сдерживаться. Не в этот раз. — Я долго не продержусь. Больше не играй, Котенок.

Не хочу ничего больше, чем оттянуть это, совершить каждый толчок медленно, но я еле сдерживаюсь. Используя стену в качестве опоры, она быстро скользит по моей длине. Если она хочет так поиграть, то прекрасно. Я двигаю бедра вперед, полностью прижимая ее к

стене. Она думает, что может трахнуть меня? Именно она прижата грудью к стене с раздвинутыми ногами. Я буду трахать ее. Все, что ей нужно сделать — принять это.

Я неумолимо вколачиваюсь в нее, пока ее колени не начинают дрожать под ее собственным весом. Я провожу дрожащей рукой по ее бедру к местечку между ног. Двигаю пальцем, который мгновенно покрывается ее влажностью.

И Боже, она пиздец какая мокрая.

Мое дыхание сбивается, пока я еще больше ее возбуждаю. Провожу шероховатой подушечкой пальца по ее клитору, заставив ее задрожать. Ее киска сжимается вокруг меня, и я дрожу, стиснув зубы, когда мой член пульсирует. Замедляюсь, не желая, чтобы это заканчивалось. Я хочу большего. Кружу большим пальцем по клитору, пока горячее возбуждение проносится по спине.

— Тебе не нужно помогать мне кончить, — она тяжело выдыхает, опускает руку между ног и убирает мои пальцы. — Трахни меня жестче.

Если это то, что Котенок хочет...

Рыча, кладу руки на ее бедра и неистово толкаюсь, загоняя член так глубоко, насколько ее тело может его принять. Толчок, еще толчок за толчком, и, наконец, ее тело начинает напрягаться.

— Слишком много? — спрашиваю я, замедляясь.

— Не для меня.

Я смеюсь и выхожу из Эмили, оставив только кончик внутри нее. Ее бедра дрожат, и она сжимает кончик моего члена так сильно, как только может. Я задыхаюсь, а она с улыбкой прижимается щекой к стене.

Мне очень нравится ее улыбка... ее губы.

Я хватаю ее за подбородок, поворачиваю ее лицо к себе и целую. Так сильно, как никого прежде. Она этого заслуживает. Она заслуживает того, чтобы ее целовали, чтобы ее губы оставались постоянно припухшими. Почему? Потому что она хорошая девочка.

Я толкаюсь, целую ее. Толкаюсь жестко и глубоко, и глотаю ее вздохи. Я глубоко внутри нее. Там, где и хочу быть.

— Да, — она стонет в мой рот, выгнув спину. — Дай мне больше.

Снова и снова она просит меня, пока ее напор не иссякает, тело сильно дрожит, и ее киска ритмично сжимается вокруг моего члена. Но не эти ощущения заставляют меня кончить. А звуки, которые она издает, и взгляд на ее лице, пока она полностью отдается мне. Это адски сексуально.

Я стону в ее ротик, сжимая ее маленькую челюсть. Движения моих бедер становятся рваными, пока я кончаю в нее. Удерживаю ее на месте, прижав своим тяжелым телом и целую. Она отвечает на мой поцелуй, и в нем чувствуется растерянность.

— Я хочу тебя снова, Котенок, — шепчу я, убирая волосы Эмили в сторону и оставляя мягкие поцелуи вдоль ее шеи. — Ты так хорошо подходишь мне. Мне нужно это снова.

Она прикрывает глаза.

— Когда?

Я сжимаю ее талию и выхожу из нее, игнорируя тот факт, что презерватив до сих пор на мне. Я разворачиваю ее, и ее спина вплотную прижимается к стене. Иисусе... Я и забыл, насколько она красива.

— Сейчас. Позже. Завтра, — говорю ей. — Если бы мы не были здесь. Твоя киска ощущается так хорошо, что я хочу попробовать и ее тоже.

Ее взгляд падает на мои губы, и я ухмыляюсь. Я знаю, как это делается, если это то, о чем она думает, и я делаю это чертовски хорошо. Укол возбуждения ударяет меня в живот. Я бы облизывал ее совершенную, набухшую киску весь день.

— Это все, что ты хочешь? — спрашивает она.

Я качаю головой и касаюсь ее горла.

— Хочу почувствовать своим членом твои губы, почувствовать его глубоко в твоем горле. Каждую дырочку, что у тебя есть, я хочу опробовать.

Я наклоняюсь вперед и ловлю ее нижнюю губу зубами, ухмыляясь, когда она вздрагивает, а ее колени подкашиваются.

Она там, где я и хочу, чтобы она была, и я собираюсь трахать ее до тех пор, пока это не станет единственным, для чего она живет. Я провожу тыльной стороной ладони вниз по ее груди к животу и скольжу между ее ног. Эмили резко вздыхает. Все, что я хочу делать — это поиграть с ней. Хочу почувствовать ее киску на своих пальцах и изучить ее от и до. Когда закончу, я хочу узнать ее тело лучше, чем она сама...

И затем я хочу использовать это против нее... для своего наслаждения. Зачем? Потому что Крохотная Медсестра — та самая девушка, которая нужна мне в моей жизни.

И я не позволю ей уйти.

Больше книг на сайте - Knigolub.net